

ГОУВПО «ЧЕЛЯБИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ВУЗОВСКАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ
МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОМУНИКАЦИЙ

LINGUA MOBILIS

Научный журнал

№5 (24) 2010

Выходит 6 раз в год

Издается с 2006 г.

Челябинск

Главный редактор

Селютин Ан. А. – кандидат филологических наук, заведующий лабораторией межкультурных коммуникаций Челябинского государственного университета.

Зам. главного редактора, редактор перевода

Селютин Ал. А. – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка Челябинского государственного университета.

НАУЧНО- РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Шкатова Л. А. – доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка Челябинского государственного университета.

Демидов О. В. – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории массовых коммуникаций Челябинского государственного университета.

Квашнина Е. Н. – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка Челябинского государственного университета.

Редколлегия журнала может не разделять точку зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание статей и качество перевода аннотаций несут авторы публикаций.

Адрес редакции: 454084, г. Челябинск, пр. Победы, 162-в, к. 107

Группа журнала “Lingua Mobilis” на сайте vkontakte.ru

<http://vkontakte.ru/club7687624>

сайт www.linguamobilis.ucoz.ru

ISSN 1998-1546

© ГОУВПО «Челябинский
государственный университет»

© Лаборатория
межкультурных коммуникаций

© ООО «Энциклопедия»

Формат 60x84 1/16. Бумага ВХИ 80 гр.

Объем 8,8 усл.п.л.

Тираж 500 экз. Заказ 512

Отпечатано в типографии
“Два комсомольца”.

454084, г.Челябинск,
Комсомольский проспект, 2.

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Андреева Г. В. Ассоциативно-смысловое поле «время» в поэтическом тексте	7
Зангирова Ю. Р. Комическое в речи персонажей Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского	11
Идрисова М. М. Новаторство В. Набокова – переводчика	19
Михайлова Е. В. Отражение национально-культурных особенностей в музыкально-поэтических произведениях (песнях на стихи А. Русака и В. Каризны)	24

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Данюшина Ю. В. Риторика корпоративного блога	34
Досимова М. С. Полевая организация концепта «баба» в русском языковом сознании	38
Первухина С. В. Психологическое направление в герменевтике как способ понимания текста	44
Полуйкова С. Ю. Персуазивный потенциал современного просветительского текста	52
Потапова Т. Е. Экспликация запрета как «статусный» речевой акт	56
Сидоров А. А. Факторы формирования региолектов во Франции	62
Шаповалов М. О. Реализация и этнокультурные особенности стереотипов в текстах французских «бытовых» анекдотов	69

ЯЗЫК ПОЛИТИКИ

Тахтарова С. С. Митигативные тактики в политическом дискурсе	72
--	----

ЯЗЫК СМИ

Малетина О. А. Лингвостилистическая реализация медиаобраза российского политика в зарубежных СМИ	80
--	----

ЛИНГВИСТИКА И ПЕРЕВОД

Бечина И. В. Структурные особенности полилексемных единиц английской литературоведческой терминологии (на примере терминосистемы литературных жанров)	87
--	----

Лаврова Н. А. Графическая контаминация и контаминированные гибриды в современном английском и русском языках	92
Мубориева А. Р. Заимствования-англицизмы во французском научно-популярном экономическом тексте	101
Fedulenkova T. N., Kokovina K. S., Popova A. S. The problem of phraseological abstraction (on the basis of the English language)	106
Яковлев А. А. К вопросу об эрратологии в переводе	111
 МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКА	
Акимова И. И. Интерференция китайского языка при овладении русской понятийной категорией количества: грамматическое субстантивное число и глагольный аспект ...	117
Кучиева Ю. Т. Авторские методы обучения иностранным языкам	125
АННОТАЦИИ	132
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	137

CONTENTS

LANGUAGE OF FICTION LITERATURE

Andreeva G.V. Associative Semantic Field “Time” in Poetic Text	7
Zangirova Y.R. Comic in Speech of Characters by N.V.Gogol’s and F.M.Dostoevsky’s	11
Idrisova M.M. Innovation of V.Nabokov as Translator	19
Mikhailova E.V. Reflection of National Cultural Peculiarities in Musical Poetic Works (Songs with Lyrics by A.Rusak and V.Kafrizna)	24

LANGUAGE STUDIES

Danyushina Y.V. Rhetoric of the Corporate Blog	34
Dosimova M.S. Field Organization of the Concept “baba” in the Russian language mentality	38
Pervukhina S.V. Psychological Approach in Hermeneutics as the Means of Understanding the Text	44
Poluikova S.Y. Persuasive Potential of Contemporary Educative Text	52
Potapova T.E. Explication of Prohibition as “Status” Speech Act	56
Sidorov A.A. Factors of Formation of Regional Languages in France	62
Shapovalov M.O. Realization and Ethnic Cultural Peculiarities of Stereotypes in Texts of French “Everyday Life“ Anecdotes	69

LANGUAGE OF POLITICS

Takhtarova S.S. Mitigative Tactics in Political Discourse	72
--	----

LANGUAGE OF MASS MEDIA

Maletina O.A. Linguistic Stylistic Realization of Media Image of a Russian Politician in Foreign Mass Media	80
---	----

LINGUISTICS AND TRANSLATION

Bechina I.V. Structural Features of Polylexemic Units in English Literature Terminology (on the Basis of the Terminological System of Literary Genres)	87
Lavrova N. A. Graphic contamination and contaminative hybrids in modern English and Russian languages	92
Muborieva A.R. English Borrowings in French Popularization Texts on Economic	101

Fedulenkova T. N., Kokovina K. S., Popova A. S. The problem of phraseological abstraction (on the basis of the English language)	106
Yakovlev A.A. To the Question of Erratology in Translation	111

METHODOLOGY OF LANGUAGE TEACHING

Akimova I.I. Interference of the Chinese Language while Mastering the Russian Conceptual Category of Qquantity: Grammatical Substantive Number and Verbal Aspect	117
Kuchieva Y.T. Author's Methods of Teaching Foreign Languages	125

<i>ABSTRACTS</i>	132
-------------------------------	-----

<i>INFORMATION ABOUT AUTHORS</i>	137
---	-----

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

АССОЦИАТИВНО-СМЫСЛОВОЕ ПОЛЕ «ВРЕМЯ» В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Г. В. Андреева

Статья посвящена ассоциативному семантическому подходу к поэтическому тексту и его категориям. Номинативные структурные единицы способны к созданию временной перспективы вследствие значений и ассоциаций, следующих из внутренних семантических связей поэтических изображений.

Ключевые слова: поэтические изображения, ассоциативный семантический подход, временная категория.

Существуют разные подходы к анализу поэтического текста. Поскольку поэзия представляет собой моносубъектную структуру [2. С. 73], структурирование по микроструктурам высказывания и по коммуникативным блокам более приемлемо для поэтического текста. Лексические единицы в поэтическом тексте сопряжены с определенным концептом, а сам лексический ряд представляет ассоциативно-смысловое поле концептуально связанных слов.

Помимо вербального выражения в поэтическом тексте существует подтекст, скрытый механизм ассоциативного мышления. Он запланирован самим создателем текста и представляет проекцию вербальной манифестации мысли.

Для анализа важным фактором является деление текста. Не только строфа является единицей деления, но и часть строфы. Рефрен может стать связующим центром при развертывании темы. Если сама тема представлена в динамике своего развития, то категория времени является наиболее активной единицей текста.

В стихотворении Р. Кипплинга «The Lovers' Litaney» **темпоральный** фокус задается каждой строфой. При этом временная категория тесно связана с пространственной. Это обусловлено тем, что автор условно «заземляет» содержательно-фактурную информацию, и временные отношения могут выражаться установленными и неустановленными единицами измерения.

Тест, как справедливо полагает Е. А. Попова [4. С. 73], невозможно изучать вне человека, который является его создателем и адресатом. Следовательно, текст отражает образ мира, запечатлевает в себе динамику мысли. Проспекция стихотворения Р. Киплинга создается также за счет подтекста. Подтекст сосуществует с вербальным выражением, так как категория грамматического времени и лексические показатели времени в анализируемом стихотворении отсутствуют. Они почти исключаются из временного континуума. В каждой строфе текста фиксируются именные описательные структуры. Ср.:

1 строфа   *Eyes of grey – a sodden quay,
Driving rain and falling tears,
As the steamer wears to sea
In a parting storm of cheers.*

2 строфа   *Eyes of black – a throbbing keel,
Milky foam to left and right;
Whispered converse near the wheel
In the brilliant tropic night.*

3 строфа   *Eyes of brown – a dusty plain,
Split and parched with heat of June,
Flying hoof and tightened rein,
Hearts that beat the old, old tune.*

4 строфа   *Eyes of blue – the Simla Hills
Silvered with the moonlight hoar;
Pleading of the waltz that thrills,
Dies and echoes round Benmore.*

Повествовательный континуум представлен в тексте сменой картин. Цвет глаз, место действия, смена сезонов («*driving rain*», «*the heat of June*», «*moonlight hoar*»), а также череда образов («*steamer*», «*throbbing keel*», «*milky foam*», «*flying hoof and tightened rein*», «*waltz*», «*glamour*», «*wine*», «*witchery*») создают определенные ассоциации.

Деление на строфы с однотипным началом: «*eyes of grey*», «*eyes of black*», «*eyes of brown*», «*eyes of blue*» и повтор-рефрен «*Love like ours can never die*» представляют особый вид контекстно-вариативного членения. Меняется место действия: дождливая Англия, тропинки, пустыня с потрескавшейся почвой, Индия (обозначаются через географические

реалии «*Silma Hills*», «*Benmore*»); меняются возлюбленные: цвет глаз в каждой строфе репрезентирует другую женщину. Неизменным остается образ ловеласа, офицера колониальных войск, который уверяет каждую подругу: «*Love like ours can never die*» – такая любовь не кончается никогда.

В заключительной строфе стихотворения лирический герой признает: «*Four times Cupid's debtor I – Bankrupt in quadruplicate*». Ассоциативная метафора «*cupid's debtor*» и неожиданный образ четырехжды банкрота завершается оптимистической нотой: «*Four-and-four times would I sing the lovers' Litany: - "Love like ours can never die!"*».

Подводя итог своим похождениям, герой, тем не менее, не отчаивается и намерен влюбиться еще 44 раза и пропеть свою любимую песнь. Семантика существительного «*Litany*» – «*form of prayer used in church services, recited by a priest*», сводится на уровень профанации сочетанием «*lovers' litany*». Функционируя в поэтическом тексте, слово подвергается воздействию своего окружения. Поскольку лексические единицы сопряжены с определенным концептом, лексический ряд представляет ассоциативно-смысловые поля слов, связанные концептуально.

Восприятие эстетико-познавательного воздействия каждого отдельно взятого произведения всегда индивидуально. Однако сигналы поэтического напряжения: повтор, рефрен, метр, образный строй, перспекция и ретроспекция текста, а также материально-графические знаки препинания (черта в начальной строке каждого куплета, восклицательный знак после каждого рефрена) облегчают восприятие связей и характера временного, пространственного и образного движения.

Пространство у Р. Киплинга обладает большей конкретностью. Смена места действия имплицитно «*Southern sky, dusty plain, split and parched with heat of June*» или конкретизируется «*Silma Hills*», «*Benmore*». Вместе с локальной частью хронотопа меняется и временная часть:

1. Путешествие морем – расставание с Англией и возлюбленной №1: «*a sodden quay, driving rain and falling tears... As the steamer wears to sea in a parting storm of cheers*»;

2. «*Cross that rules the Southern sky!*», «*Brilliant tropic night*» – картина вторая;

3. Путешествие верхом: «*flying hoof*» (единственное число существительного усиливает экспрессивность), «*tightened rein*», «*side by*

side the horses fly» создают пространство для возлюбленной №3 и, соответственно, меняют временной план;

4. Прощание с Индией и голубыми глазами Мабел: «“Mabel”, “Offices”, “Good bye”», прощальный вальс: «*Pleading of the waltz that thrills, dies and echoes round Benmore*» ассоциируются с четвертой картиной.

Таким образом, силой художественного воздействия автор дает нам представление и о смене места действия, и, тем самым, о смене временного плана. При этом художественный образ лирического героя не теряет своей достоверности благодаря деталям и подробностям. Это галантный офицер колониальных войск, волею судьбы заброшенный в разные страны, любивший много прелестных женщин и готовый влюбиться еще 44 раза, пока не встретит женщину, разделяющую его чувства («*Yet, despite this evil case, and a maiden showed me grace*»).

Доминантная лексическая микроструктура данного текста – это, как считает Н. С. Болотнова, коммуникативно-ориентированная и концептуально-обусловленная микроструктура, обладающая наибольшей значимостью [З. С. 55]. Поскольку в роли доминанты могут выступать ключевые слова и высказывания (для стихотворения Р. Кипплинга это особенно существенно), именно они акцентируют в тематическом, эмоциональном, смысловом плане хронотопические и образные микроструктуры текста.

Список литературы

1. Английская поэзия в русских переводах. XX век. М. : Радуга, 1984.
2. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979.
3. Болотнова, Н. С. Основа теории текста. Томск, 2001.
4. Попова, Е. А. Человек как основополагающая величина языкознания // Филологические науки. 2002. №3.

List of literature

1. Anglijskaja poezija v russkih prevodah. XX vek. M. : Raduga, 1984.
2. Bahtin, M. M. Jestetika slovesnogo tvorcestva. M. : Iskusstvo, 1979.
3. Bolotnova, N. S. Osnova teorii teksta. Tomsk, 2001.
4. Popova, E. A. Chelovek kak osnovopolagajuwaja velichina jazykoznanija // Filologicheskie nauki. 2002. №3.

**КОМИЧЕСКОЕ В РЕЧИ ПЕРСОНАЖЕЙ Н. В. ГОГОЛЯ
И Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО**

Ю. Р. Зангирова

В статье раскрываются приемы создания комического в речи персонажей Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского (сходства и различия у обоих писателей). Представлена речевая характеристика героев.

Ключевые слова: субъект речи, объект речи, автор, рассказчик, речь персонажей.

Комическая составляющая играет важную роль в творческом наследии Н. В. Гоголя. Юмор, сатира, ирония, сарказм – неизменные элементы произведений Н. В. Гоголя. Из всех сатириков прошлого Ф. М. Достоевский ставил на первое место Гоголя. Достоевский пробует различные приемы Гоголя в области комического. Но был ли Ф. М. Достоевский только прилежным учеником своего великого предшественника? Рассмотрим сходства и различия комического в речи персонажей у обоих писателей. Характер героя, его социальное положение, культурное развитие, род занятий, особенности мировидения раскрываются через речь.

Вопрос о комическом у Достоевского напрямую связан с вопросом об авторской позиции. Недопустимо считать близким автору смех всех его героев¹. Одним из средств раскрытия авторской оценки является речь повествователя, то, как писатель рассказывает о жизни, какими словами и оборотами характеризует он своих героев и т.д. Различают, таким образом, субъект речи и объект речи. Б. О. Корман под объектом речи понимает «все то, что изображается, и все, о чем рассказывается <...> под субъектом речи – того, кто изображает и описывает»². Структура языка произведений Достоевского, как и вообще любого писателя, распадается на два пласта – речь автора и речь персонажей. Разделение языка произведений Достоевского на два этих пласта достаточно условно, так как авторский план осложнен: автор пытается отгородиться от читателя опосредованными рассказчиками, хроникерами, повествователями, «летописцами» и т. д. Поэтому комизм может принадлежать нескольким субъектам речи: повествователю, от имени которого ведется повествование

(«Дядюшкин сон», «Село Степанчиково и его обитатели»), герою-рассказчику («Бедные люди»), персонажам, реплики которых также формируют особый пласт повествования. Автор-творец стоит за всем произведением, которое воплощает его мысль и волю, строится на основе замысла.

У Гоголя повествование ведется чаще всего от лица рассказчика. Единство повестей «Вечеров на хуторе близ Диканьки» усилено образом рассказчика – пасечника Рудого Панька, хотя, кроме него, есть и другие рассказчики. Иногда они уступают место либо автору, либо другим рассказчикам. И каждый из них придает свою индивидуальную речевую окраску повествованию.

Автор дает своим героям комические имена. Это вспомогательный стилистический прием у обоих писателей, который применяется для усиления комизма ситуации или характера. Художественная семантика выражает характер тех, кто этими именами обозначен (Собакевич, Манилов, Девушкин). Комизм может быть основан на дублировании имен, отчеств (Акакий Акакиевич, Фома Фомич).

Повествователь описывает героев с помощью портретной характеристики. Это один из главных средств комических средств. Особенно ярко представлен в повести «Дядюшкин сон» портрет одного из центральных персонажей – князя К., подчеркнуты все мелочи, все «кусочки», из которых он состоит. Примечательны детали: вставные зубы, парик, стеклянный глаз, поддельная нога и т. д. «Это какой-то мертвец на пружинах. Лицо набеленное и нарумяненное необычайно искусно, и на нем почти нет морщин»³. Комически дано описание наружности Акакия Акакиевича: «Чиновник нельзя сказать, чтобы очень замечательный, низенького роста, несколько рябоват, несколько рыжеват, несколько даже на вид подслеповат, с небольшой лысиной на лбу, с морщинами по обеим сторонам щек и цветом лица что называется геморроидальным»⁴. Комизм создается однородными краткими прилагательными.

Основной прием создания комического – гипербола: «Новая шинель оказалась целым событием в жизни Акакия Акакиевича: «...он питался духовно, нося в мыслях своих вечную идею будущей шинели» (Г 3, 124). «Фомы Фомича <...> не было: он блистал своим отсутствием и как будто унес с собой свет из комнаты» (Д 3, 98).

Комический эффект достигается языковыми средствами – оборотами разговорной речи, комическими отступлениями от норм книжного языка, повторениями и т.д.

Наличие вводных оборотов и определений создают комический эффект (у Гоголя: «стало быть», «надобно вам сказать», «таковский человек»).

Просторечия являются знаками народного слова. Достоевский использует иронию, насмешку народной речи. Вот, например, оформление фразы одного из мужиков, пришедшего жаловаться на Фому в «Селе Степанчиково...»: «А вот *анамедни* на гумно пришел <...>: «Знаете ли вы, говорит, сколько до солнца верст?» А кто его знает? <...>» Нет, говорит, ты дурак, пехтерь, пользы своей не знаешь; а я, говорит, *астролом!* Я все божие планиды узнал». (Д 3, 35. –Здесь и далее курсив наш. – Ю. З.). Жаргонизмы встречаются как средство речевой характеристики персонажа. В речи Ноздрева наблюдаем отступление от норм книжного языка: «Ну, брат, если б ты знал, как я *продулся!* Поверишь ли, что не только *убухал* четырех рысаков – все спустил. Ведь на мне нет ни цепочки, ни часов...»; «Ой, пощади, право *тресну* со смеху» (Г 5, 167).

Особенно выразительны в произведениях речевые портреты персонажей. Духовное убожество, забитость и робость Акакия Акакиевича переданы своеобразием речевой манеры, употреблением ничего не значащих местоимений и частиц: «А я вот к тебе, Петрович, того...» (Г 3, 149). Так обычно изъясняется Акакий Акакиевич, и автор прибавляет при этом: «Нужно знать, что Акакий Акакиевич изъяснялся большею частью предложениями, наречиями, и, наконец, такими частицами, которые решительно не имеют никакого значения» (Г 3, 149). Речь князя К. в повести «Дядюшкин сон» сбивчива, отрывиста, для нее характерно растягивание слов: «Ну, вообще, знаете, много за-ня-тий. Когда – отдыхаешь; а иногда, знаете, хожу, воображаю разные вещи...» (Д 3, 167). Автор добавляет при этом: «Некоторые слоги он произносит необыкновенно сладко, особенно напирая на букву э. Да у него как-то выходит ддэ, но только еще немного послаще. Во всех манерах его что-то небрежное, заученное...» (Д 3, 166). Это характеризует безвольность, бесхарактерность князя. О герое «Господина Прохарчина» сказано: «С своей стороны, Семен Иванович говорил и поступал, вероятно, от долгой привычки молчать, более в отрывистом роде, и кроме того, когда, например, случалось ему вести долгую фразу, то, по мере углубления в нее, каждое слово, казалось, рождало еще по другому слову, другое слово, тотчас при рождении, по третьему, третье по четвертому и т. д., так что набивался полон рот, начиналась перхота и набивные

слова принимались, наконец, вылетать в самом живописном беспорядке» (Д 1, 176).

Речь Девушкина в «Бедных людях» более многословна. Это обусловлено жанром произведения: «Бедные люди» – роман в письмах. Речь персонажа насыщена постоянными обращениями к Варваре Алексеевне: «маточка», «ясочка». Эта черта придает наивно-комический характер речи Макара Алексеевича. Уменьшительно-ласкательные суффиксы придают языку эмоциональность. В «Селе Степанчиково...» дядя, рассказывая историю, происшедшую с ним в театре, употребляет следующие слова: «розанчик-розанчиком», «сидит херувимчиком», «дамочка». Манилов в «Мертвых душах» говорил своей жене: «Разинь, душенька, свой ротик, я тебе положу этот кусочек» (Г 6, 243).

Очень выразительно представлена речевая характеристика Марьи Александровны («Дядюшкин сон»). Она интенсивно использует экспрессивную лексику, которая создает впечатление неискренности: «Но, князь, – поспешно перебивает Марья Александровна, – я слышала об ужаснейшем происшествии! Признаюсь, я была вне себя от испуга <...> Не ушиблись ли вы? Смотрите! этим пренебрегать невозможно...» (Д 3, 376). Изобилует речь героини стертými книжными выражениями: «Ты не веришь мне, Зина! Не смотри на меня враждебно, дитя мое! Я не осушала глаз эти два года, но скрывала от тебя мои слезы, и, клянусь тебе, я во многом изменилась сама в это время! Я давно поняла твои чувства и, каюсь, только теперь узнала всю силу твоей тоски...» (Д 3, 386). «Ах, Боже мой, как вы наивны, *mon cher Paul*. Напротив, нам надобно молить Бога о его здоровье. Надобно всем сердцем желать долгих дней этому милому, этому доброму, этому рыцарски честному старичку! Я первая, со слезами, и день и ночь буду молиться за счастье моей дочери...» (Д 3, 425). «Я уже не говорю о том, можно сказать, *восторге*, который я чувствую, видя вас обеих у меня, и еще вечером, – запела Марья Александровна, оправившись от первого изумления, – но скажите, пожалуйста, какое же чудо зазвало вас сегодня ко мне, когда я уже совсем отчаялась иметь эту честь?» (Д 3, 443).

Наедине же с собой, иногда при дочери, с мужем Афанасием Матвеевичем героиня искренна и груба: «Ах, Боже мой! – вскричала она, – *черт несет эту сороку*, полковницу!» (Д 3, 392). «Ах, *черт бы их взял!* я и не подумала об этом театре! изловчились, *сороки!*» – прошептала Марья Александровна вне себя от бешенства» (Д 3,

444). Достоевский – мастер использования совершенно уникальных глаголов говорения, что видно в приведенных примерах.

Фома Фомич маскирует свое ничтожество благородными либеральными и гражданскими фразами. Например, разговаривая с мужиком, Фома показывает все свои мнимые добродетели: «А я вот двадцать тысяч получал, когда у министра служил, да и тех не брал, потому что я из чести служил, свой был достаток» (Д 3, 232). В речи этого персонажа присутствует возвышенная лексика: «На кого вы были похожи до меня? А теперь я заронил в вас *искру того небесного огня*, который *горит* теперь в душе вашей» (Д 3, 124). О самых обыденных происшествиях Фома говорит торжественно и книжно, применяя причастные обороты: «Теперь я очнулся совсем; гром еще не убил во мне умственных способностей; осталась, правда, глухота в правом ухе, *происшедшая, может быть, не столько от грома, сколько от падения с крыльца*» (Д 3, 165). Речь Фомы украшена многочисленными прилагательными: «змеиные речи», «волчья яма», «райские чувства», «сердечный вопль», а также прилагательными в превосходной степени: «наиблагороднейший из поступков», «наиневиннейший вид», «высочайшая любовь».

Гоголь боролся со «светским» языком русского дворянства, который находит свое выражение в комическом изображении тех перифраз, которыми кишела речь чиновников и помещиков мелкого и среднего ранга, подражавших языку аристократических салонов. Здесь, конечно, прежде всего выделяется «язык дам»⁵. Он получает такую характеристику от автора:

«Никогда не говорили они: «я высморкалась, я вспотела, я плюнула», а говорили: «я облегчила себе нос, я обошлась посредством платка» (Г 6, 158). В своей замечательной характеристике Гоголь иронически подчеркивает условный, жеманно-лицемерный характер всей этой фразеологии, засоренность ее иностранными словами и сознательное противопоставление ее русской народной речи. Дамские диалоги пестрят французскими цитатами: «Ведь это история, понимаете ли, история, сконापель истоар! – говорила гостья с выражением почти отчаяния...» (Г 6, 182). «Ну, просто, оррер, оррер, оррер». (Г 6, 183). С наименьшей тонкостью и остротой выставлены лексико-фразеологические формы сентиментально-дамского стиля в тех вопросах, которые обращены к Чичикову: «Где находятся те места, в которых порхает мысль ваша?» (Г 6, 192). «Можно ли знать имя той, которая погрузила вас в эту сладкую долину задумчивости?» (Г 6, 198).

В повести «Село Степанчиково...» Достоевский передает высокопарность речи Марьи Александровны, соседствующую с грубостью: «Неужели вы не слышите, как нас срамят и бесчестят?... *Что вы глазами-то хлопаете?* Другой муж давно бы уже *кровью смыл обиду своего семейства!*» (Д 3, 396). Звучит язык мордасовских дам: «...раскраснелись. Ноги вывертывают, такой монплезир пошел, что люли, да и только!» (Д 3, 398).

В этой чересполосице стиля в комическом свете выставляются сентиментальная лексика и фразеология «дамского» языка, «красивости» которого убиваются вульгаризмами.

Еще один прием создания комического – алогизм, то есть появление нелепых рассуждений, неумение связывать следствия с причинами⁶. Так, Коробочка, уже готовая уступить Чичикову мертвые души, робко замечает: «А может, в хозяйстве-то как-нибудь под случай понадобятся...» (Г 6, 53), чем выводит из себя Чичикова. Можно заметить, что многие из гоголевских персонажей – Хлестаков, Бобчинский, Добчинский, Ноздрев, Коробочка и другие – не умеют толково связать двух слов и вразумительно рассказать о том, что произошло. И у некоторых героев Достоевского ход рассуждения бывает самый нелепый. Марья Александровна советует князю съездить за границу на лечение, на что он отвечает: «Я помню, когда я был за границей <...> там было удивительно весело. Я чуть-чуть не женился...» (Д 3, 395).

Усиливают комический эффект ругательства по отношению к другим героям. Марья Александровна говорит своему мужу: «Ах, ты, харя! Ах ты, осиновый кол!» (Д 3, 412). Жена цирюльника в повести «Нос» кричит: «Где это ты, зверь, отрезал нос?», «Ах ты, пачкун, бревно глухое» (Г 2, 345).

Достоевский повторяет стилевые приемы Гоголя в своих произведениях. В «Бедных людях» Девушкин не хочет идти на Невский проспект: тогда бы все узнали, что у него «сапоги в заплатках». Даже «какая-нибудь там контесса-дюшесса узнала бы» (Д 1, 123). Эти рассуждения восходят к гоголевскому «Невскому проспекту», где тоже описываются события, случающиеся на главной улице столицы: «Есть множество таких людей, которые, встретившись с вами, непременно посмотрят на сапоги ваши...» (Г 2, 324).

Ю.Н.Тынянов в своей работе «Достоевский и Гоголь (к теории пародии)»⁷ пишет о том, что Достоевский пародирует стиль Гоголя, вводит литературу в речь действующих лиц (Девушкин критику-

ет автора «Шинели»). В типе Фомы Опискина исследователи видят пародирование поведения Н.В.Гоголя в семействе Аксаковых. Достоевский высмеял в «Селе Степанчиково...» политические и моральные установки автора «Выбранных мест...», а также стиль этой книги, который пародируется во многих речах Фомы Опискина. Стиль и речь Фомы, сочетание грубости и витиеватости, обилие риторических фигур, нагнетание вопросов, повторение одного и того же слова связаны с Гоголем. Имя Фомы Фомича – установка на гоголевскую манеру (Иван Иванович, Акакий Акакиевич). Достоевский продолжал традицию своего великого предшественника, но вносил при этом что-то новое.

Речь Гоголя одушевлена близостью к разговорному просторечию, к стихии народного языка. Яркая, образная, богатейшая речь Гоголя с необыкновенной полнотой передает самые разнообразные оттенки характера, манеру разговора каждого его героя. Можно выявить ряд черт художественного своеобразия языка произведений Достоевского. Достоевский выходит за пределы языковой нормы: смешивает разные пласты лексики (низкий, средний, высокий). Просторечия играют важную роль в тексте. Происходит установка на «народное слово». Достоевский ориентируется на лексические средства языка: превосходная степень прилагательных, повышенная «глагольность» лексического состава. Таким образом, фраза становится экспрессивно окрашенной. Это достигается еще за счет предельного выражения, граничащего с гиперболизацией. Сосредоточенность на стиле, слоге, речевом способе выражения очень велика во внутреннем мире произведений Гоголя и Достоевского.

Примечания

¹ Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского. 4-е изд. М, 1972. С. 113.

² Корман, Б. О. Изучение текста художественного произведения. М., 1972. С. 20.

³ Достоевский, Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. III. Л.: Наука, 1985. С. 149 (В дальнейшем ссылки на это издание даются в скобках с обозначением после буквы Д. тома и страниц).

Notes

1 Bahtin, M. M. Problemy pojetiki Dostoevskogo. 4-e izd. M, 1972. S. 113.

2 Korman, B. O. Izuchenie teksta hudozhestvennogo proizvedenija. M., 1972. S. 20.

3 Dostoevskij, F. M. Poln. sobr. soch.: V 30 t. T. III. L.: Nauka, 1985. S. 149 (V dal'nejšem sсыlki na jeto izdanie dajutsja v skobkah s oboznacheniem posle bukvy D.toma i stranic).

- ⁴ Гоголь, Н. В. Полн. собр. соч.: В 8 т. Т. II, III, VI. М.: Правда, 1984. С. 116 (В дальнейшем ссылки на это издание даются в скобках с обозначением после буквы Г. тома и страниц).
- ⁵ Виноградов, В. В. Язык Гоголя // Н.В.Гоголь. Материалы и исследования. Под ред. В.В.Гиппиуса. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1936. С. 310-312.
- ⁶ Пропп, В. Я. Природа комического у Гоголя (публикация В.И.Ереминой) // Русская литература. 1988. № 1. С. 27-43.
- ⁷ Тынянов, Ю. Н. Достоевский и Гоголь (к теории пародии) // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: «Наука», 1977. С. 198–226.
- ⁴ Gogol', N. V. Poln. sobr. soch.: V 8 t. T. II, III, VI. M.: Pravda, 1984. S. 116 (V dal'nejšem sсыlki na jeto izdanie dajutsja v skobkah s oboznacheniem posle bukvy G. toma i stranic).
- ⁵ Vinogradov, V. V. Jazyk Gogolja // N.V.Gogol'. Materialy i issledovanija. Pod red. V.V.Gippiusa. M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1936. S. 310-312.
- ⁶ Propp, V. Ja. Priroda komicheskogo u Gogolja (publikacija V.I.Ereminoj) // Russkaja literatura. 1988. № 1. S. 27-43.
- ⁷ Tynjanov, Ju. N. Dostoevskij i Gogol' (k teorii parodii) // Tynjanov Ju.N. Pojetika. Istorija literatury. Kino. M.: «Nauka», 1977. S. 198–226.

НОВАТОРСТВО В. НАБОКОВА – ПЕРЕВОДЧИКА

М. М. Идрисова

В статье рассказывается о Владимире Набокове как переводчике. У его переводов есть специальное место в истории российской и мировой литературы, без знакомства с которыми невозможно понять и оценить литературный процесс прошлого столетия.

Ключевые слова: В. Набоков, национальная литература, перевод художественного текста.

На развитие литературного процесса в стране и национальной литературы оказывают огромное влияние двуязычные писатели. В. Набоков уже при жизни стал выдающимся русско-американским писателем, наиболее удачным синтезом русско-американской традиции в литературе. Его творчество стало неотъемлемой частью мировой литературы. Творчество В. Набокова неразрывно связано с переводческой деятельностью. Первые переводы были неким опытом работы в двуязычной «среде». В дальнейшем В. Набоков прекрасно совмещал писательство и переводческую деятельность, привнес в нее литературное чутье, острый художественный взгляд, способность к мимикрии. Набоковский подход к переводу создал совершенно новое «прочтение» переводческой работы.

Перевод художественного текста с одного языка на другой требует адекватного творческого подхода. «Нужно донести до иноязычного читателя буквальный смысл слов и языковых грамматических конструкций того текста, с которым он работает, соблюсти корректность передачи текста, сохраняя при этом художественную сущность переводимого произведения» [4. С.180].

Кроме того, переводчик должен прекрасно знать оба народа, оба языка, все детали авторского стиля и метода, происхождение слов и словообразование, исторические аллюзии и думать о том, какими глазами читатель воспримет сделанный перевод. Для создания идеального текста переводчик, должен быть столь же талантлив, сколь выбранный им автор. Необходимое важное свойство переводчика, по мнению В. Набокова – способность к мимикрии, «он должен действовать так, словно он и есть истинный автор, воспроизводя его

манеру речи и поведения, нравы и мышление с максимальным правдоподобием» [2. С. 150].

Этими основными правилами руководствовался Набоков, переводя произведения русских и иностранных классиков, а также собственные, способствуя при этом делу взаимопроникновения культур, их обогащения и развития через язык. Переводя произведения русских классиков, он вносит свое художественное видение, руководствуется принципом буквализма, понимаемый им как буквализм функциональный, необходимый для передачи «точного контекстуального смысла оригинала настолько близко, насколько это позволяют ассоциативные и стилистические возможности другого языка».

Переводческая деятельность В. Набокова началась с повести Романа Роллана «Кола Брюньон», ставшей в его переводе «Николка Персик» (1922). Кола Брюньон, ставший Николкой, фрондер, шутник, жизнелюбец. Его говорок, почти целиком состоящий из прибауток и каламбуров, привлек внимание В. Набокова изобретательностью словесной игры, которой в его изложении подчиненно все, вплоть до смысловой точности.

Перевод «Алисы в стране чудес» Льюиса Кэрролла на русский язык является не столько переводом, сколько переложением на русский лад известной английской сказки, получившей название «Аня в стране чудес» (1923). Писатель вникает в текст и создает с точки зрения русской культуры не перевод в чистом виде, а инвариант произведения. Набоков упрощает стиль Л. Кэрролла, отрывает его героев от родной почвы, «насыщая их русским духом и приближая к русскому пейзажу и даже русской истории» [5. С. 230]. В нем переплетаются русские и английские культурные реалии, русская культура обогащается новыми героями и сюжетами, соединяясь со ставшими уже классическими в ней образами.

Набоковский перевод «Евгения Онегина» с комментариями существует как часть русской и американской культуры. В. Набоков начал работать над книгой переводов «Онегина» еще в тридцатые годы. Когда «в 1964 году вышли его (*Набокова*) комментарии к «Евгению Онегину» (и его перевод), - вспоминает Нина Берберова, - оказалось, что не с чем их сравнить: похожего в мировой литературе нет и не было, нет стандартов, которые помогли бы судить об этой работе. Набоков сам придумал свой метод и сам осуществил его» [3.С. 120]. Начав переводить «Евгения Онегина» стихами, он отказался от этого, увидев неминуемые потери. Набоков перевел весь роман ритми-

ческой прозой, надеясь, что всю «солнечную сторону» текста можно будет подробно объяснить «в тысяча и одном примечании» [11. С. 85]. Набоков знал литературу, известную Пушкину, раскрывал читателю множество значений, связанных с тем или иным словом в «Онегине». Он считал, что для понимания перевода на английский необходимо также знать и литературу английскую и немецкую, переводы которой на французский язык были известны Пушкину. И «погружает» «Евгения Онегина» в контекст мировой литературы.

Писатель буквально построчно сопроводил роман своими примечаниями. Сделанный им комментарий является синтезом исторических взглядов В. Набокова, анализом образа жизни русского народа, рассмотрением романа тех или иных особенностей романа в стихах в связи с культурой, историей, бытом и фольклором России. Важным является тот факт, что комментарий Набокова может существовать отдельно от перевода, он имеет как подчиненный, так и самостоятельный характер, может стать предметом отдельного исследования и представляет собой особый вклад в русскую культуру.

Перевод «Слова о полку Игореве» был сделан В. Набоковым в 1960 году. Текст «Слова» представляет для переводчика целый комплекс проблем. Прежде всего, то обстоятельство, что оригинал написан на языке XII века, делает необходимым привлечение к работе другого «перевода» – на современный русский. Кроме того, В. Набоков ни на минуту не забывал, что имеет дело не с самим оригиналом, а с копией, составленной А. И. Мусиным-Пушкиным, без сомнения, требующей некоторых корректировок. «Тёмные места» «Слова» также требовали определённых переводческих решений, для чего следовало подробнейшим образом изучить существующие к тому моменту трактовки и комментарии. При переводе нужно было придать некоторую архаичность английской версии. Здесь Набоков пошёл по пути использования целого ряда архаичных слов и выражений, а также некоторых лексических единиц, отмеченные в словарях как «редкие» и «книжные». Неоценимую помощь в придании английскому тексту нужного колорита, архаичного звучания и поэтичности оказал Набокову другой шедевр европейской литературы – поэмы Оссиана, содержащие, как было замечено Набоковым, параллели со «Словом». Об этом сходстве говорится в набоковском Предисловии к переводу, а в его комментарии отмечаются наиболее характерные места. Оба произведения написаны ритмической прозой, они близки по тематике. Как и многие поэмы Оссиана, «Слово» посвящено

сражению. И в том и в другом случае для повествования характерны лиризм, описания чувств героев. Важную роль в обоих произведениях играет пейзаж, имеющий лирическую окраску, когда картины природы согласуются с настроениями героев.

Сделанный в дальнейшем перевод романа Лермонтова «Герой нашего времени» – важный культурный шаг В. Набокова. В «Предисловии» он подчеркивает, что лермонтовское произведение, наряду с новациями сюжетно-композиционного плана, отличает глубоко личное восприятие мира, обнаруживающее общечеловеческую и философскую перспективу, а значит, заслуживающее достойной оценки в эстетическом контексте мировой литературы, что и призван подчеркнуть перевод.

Переводы В. Набокова, запечатлели эволюцию, которую он прошел как переводчик. Он вырабатывает и избирает свой способ перевода, «описательный», который передает релевантные «узлы сообщения» [13. С. 18] и содержательные ассоциации. При русификации произведение максимально адаптировано для понимания читателя принимающей культуры. В более поздних переводах, В. Набоков предоставляет читателю возможность самому решать все сложности восприятия, максимально сохраняя индивидуальность переводимого произведения.

Список литературы

1. The Lay of the Warfare Waged by Igor. M., 1981.
2. Анастасьев, Н. Владимир Набоков. Одинокий король. М., 2002.
3. Берберова, Н. Курсив мой. М., 1996.
4. Жутовская, Н. М. «Мир истории». №5, 2000.
5. Иваск, Ю. Мир Владимира Набокова. Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве Владимира Набокова. М., 2000.
6. Левин, Ю. Д. «Поэмы Оссиана» Дж.Макферсона / Макферсон Дж. Поэмы Оссиана. Л.: Наука, 1983.
7. Набоков, В. Комментарий к

List of literature

1. The Lay of the Warfare Waged by Igor. M., 1981.
2. Anastas'ev, N. Vladimir Nabokov. Odnokij korol'. M., 2002.
3. Berberova, N. Kursiv moj. M., 1996.
4. Zhutovskaja, N. M. «Mir istorii». №5, 2000.
5. Ivask, Ju. Mir Vladimira Nabokova. Klassik bez retushi. Literaturnyj mir o tvorcestve Vladimira Nabokova. M., 2000.
6. Levin, Ju. D. «Pojemy Ossiana» Dzh.Makfersona / Makferson Dzh. Pojemy Ossiana. L.: Nauka, 1983.
7. Nabokov, V. Kommentarij k

- роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб., 1998.
8. Набоков, В. Собрание сочинений американского периода. Столетие со дня рождения 1899–1999. Т 1. СПб. : «Симпозиум», 1999.
9. Нехамкин, Э. Просто В. Набоков // «Вестник». 1999. №10 (217).
10. Орлов, В. На полпути к России: Набоков и Пушкин // «Вестник». 1999. №11 (218).
11. Рягузова, М. Н.. «Пушкин в Набоковском «прожекторе обратного освещения». А. С. Пушкин и В. В. Набоков. Материалы междунар. науч. кон. СПб., 1999.
12. Чуковский, К. Онегин на чужбине // Дружба народов. 1988. №4.
13. Черемесина, И. А. «Владимир Набоков – комментатор и переводчик романа в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин» : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1997.
- romanu A. S. Pushkina «Evgenij Onegin». SPb., 1998.
8. Nabokov, V. Sbranie sochinenij amerikanskogo perioda. Stoletie so dnja rozhdenija 1899–1999. T 1. SPb. : «Simpozium», 1999.
9. Nehamkin, Je. Prosto V. Nabokov // «Vestnik». 1999. №10 (217).
10. Orlov, V. Na polputi k Rossii: Nabokov i Pushkin // «Vestnik». 1999. №11 (218).
11. Rjaguzova, M. N.. «Pushkin v Nabokovskom «prozhektore obratnogo osvewenija». A. S. Pushkin i V. V. Nabokov. Materialy mezhdunar. nauch. kon. SPb., 1999.
12. Chukovskij, K. Onegin na chuzhbine // Druzhiba narodov. 1988. №4.
13. Cheremesina, I. A. «Vladimir Nabokov – kommentator i perevodchik romana v stihah A. S. Pushkina «Evgenij Onegin» : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tomsk, 1997.

**ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ
ОСОБЕННОСТЕЙ В МУЗЫКАЛЬНО-ПОЭТИЧЕСКИХ
ПРОИЗВЕДЕНИЯХ (ПЕСНЯХ НА СТИХИ А. РУСАКА
И В. КАРИЗНЫ)**

Е. В. Михайлова

В статье описываются музыкально-поэтические произведения – стихи белорусских поэтов А. Русака и В. Каризны, положенные на музыку. В них отражаются национально-культурные особенности: реализуется концепт «музыка», тесно связанный с концептами «Родина», «любовь», «душа», «сердце», с лексическими единицами и образами, представляющими белорусскую культурную парадигму. Доминанта концепта «музыка» в рассмотренных произведениях – образ песни.

Ключевые слова: национально-культурные особенности, музыкально-поэтические произведения, песни, стихи, концепт «музыка».

Музыкально-поэтические произведения – это стихи, положенные на музыку. В таких произведениях изобразительные и выразительные возможности музыки и поэзии объединяются, образуя союз (его можно назвать так: «...содружество соперников, соперничество друзей» [6. С. 8]): «Музыка и поэзия шагают рядом, рука об руку, на всем необозримом протяжении истории. Их взаимодействие знает множество различных и сложных форм. Это не механическое соединение, “рядоположение” самостоятельных и “равнодушных” друг к другу начал, но и не некое идеальное, полностью гармоническое слияние без борьбы» [6. С. 8]. В поэтическом произведении обязательно реализуется идея, но это не только вербальная реализация, «...она возникает из сопоставления образов, из развития эмоций» [6. С. 13]. Музыка играет очень большую роль в передаче эмоциональности и экспрессивности поэтического текста, она – «...это искусство анализа, запечатления, воссоздания, передачи психических состояний художественными средствами» [3. С. 247]. Поэтому в союзе музыки и поэзии, выраженном в поэтическом произведении, которое предназначено для вокального исполнения, «...музыка становится

ся не только равноправным, но и ведущим участником <...> лишь тогда, когда воплощает не только текст стихотворения (это – иллюстративность), но и его подтекст» [6. С. 14]. У стихотворения, положенного на музыку, возникает вторая жизнь, которая является «...непременно иной, чем первая, данная ему поэтом» [10. С. 6]. М. Элик указывает: «Не исключено, и даже вероятно, что эта вторая жизнь, это музыкальное “инобытие” стиха может оказывать воздействие на восприятие читателями-слушателями первоначального поэтического замысла, трансформировать его, приближая к композиторскому прочтению» [10. С. 6].

Белорусская поэзия очень музыкальна. Связь современной белорусской поэзии с музыкой «...особенно чувствуется в утонченности чувств и романтической возвышенности, камерности и романсовой озвученности лирических переживаний в книгах Л. Дранько-Майсюка «Утомленность Парижем» (1995), а также «Я путешествую в столетиях» (1998) и «Ребро Адама» (1999) Т. Мушинской» [7. С. 9]. Данные слова применимы и к поэтическим произведениям А. Русака и В. Каризны, положенным на музыку различными композиторами (Ю. Семенякой, И. Лученком и др.) [12. С. 529–530], [11. С. 6].

А. Русак в 1930 году закончил Белорусский музыкальный техникум, а в 1934 году – Ленинградскую консерваторию [12. С. 529]. Он работал «...солистом оркестра Ленинградского Малого оперного театра (1932–49), Белорусской филармонии (1949–59)» [12. С. 529]. Его стихи выделяются «...этакой напевностью, задушевым лиризмом, мягким народным юмором, легко ложатся на музыку» [4. С. 247]. Эпиграфом к его сборнику «Закрасуйся, Нёман. Песни, лирика, юмор» стали следующие строки: «Рэкі // імчацца // да // мора, // Цягнуцца // дрэвы // да // сонца, // Людзі // да // шчасця // імкнуцца, // Песні // ад // радасці // льюцца» [4. С. 3]. Поэт основывает свою музыкальную концепцию на следующем положении: существует специфика «...содержания музыки как вида искусства, имеющего в целом позитивную концепцию» [9. С. 15]. Она отражена и в стихотворении «Не шумите, клены»: «Не шуміце, клёны, не спявайце // Пра гады мінулыя мае, // Успамінам сэрца не кранайце, // Сэрца толькі ў радасці пяе» [4. С. 110].

Концепт «музыка» в поэтических произведениях А. Русака, получивших вокальную реализацию, эксплицирован уже в их названиях: «Зазвенели струны» [4. С. 11–12], «Жатвенная песня» [4. С. 13–14], «Лесная песня» [4. С. 51], «Недопетая песня» [4. С. 54–55], «Играйте,

баяны» [4. С. 96–97], «Запела радость» [4. С. 103], «Песня Марины» [4. С. 107], «Копыльские дудочки» [4. С. 144–145]. Очевидно, что в данной сильной позиции текста у А. Русака представлены названия музыкальных инструментов и их частей (*баяны, струны*), музыкального жанра (*песня*), различных видов музыкальной деятельности (*іграйце, заспявала*), людей, осуществляющих такую деятельность (*дудары*); превалирует в ней наименование жанра. Рассматриваемый концепт в музыкально-поэтических произведениях (песнях на стихи А. Русака) реализован широко и многогранно.

В текстах анализируемых произведений поэт употребляет разнообразные музыкальные лексические единицы. Это названия музыкальных инструментов и их частей: 1) *ліра* («Ды на звонкай ліры // Жабракі спявалі...» [4. С. 11]), 2) *струны (струна)* («Гэй, звiнiце, струны, // Радасцю звiнiце...» [4. С. 12] и др.), 3) *баяны* («Іграйце, баяны...» [4. С. 97] и др.), 4) *гармонiк* («Маладзечна, Маладзечна, // Табе сонца свецiць вечна, // Твой гармонiк серабрысты, // Залацiсты, галасiсты...» [4. С. 124]), 5) *дудка* («У Капылі на гары // Заiгралi дудары. // Перша дудка – салавейкам, // А другая – канарэйкай...» [4. С. 144]). Преобладают наименования народных инструментов [5. С. 116–229]. Используются и названия музыкальных жанров: 1) *песня* («Твая песня мчалася // Да лясоў // I танула ў шопаце // Каласоў» [4. С. 22] и др.), 2) *вальс* («Кружацца пары, // Танцы ў разгары, // Вальс іграюць баяны» [4. С. 96] и др.), 3) *полька* («Пад гармонiк галасiсты // Польку танцавацi» [4. С. 102] и др.), 4) *песня, гiмн* («I зложыце песнi сваёй стараны, // I зложыце гiмн чалавеку» [4. С. 120]). Среди данных лексических единиц – названия вокальных и танцевальных жанров. Слова употребляются как в прямом, так и в переносном значении.

Глагол *пець* (и его дериваты) способен иметь прямое дополнение в песнях на стихи А. Русака: «Ці я песню заспяваю – // Для цябе, жыццё...» [4. С. 34] и др. Этот глагол приобретает следующие семантические компоненты: 1) ‘интеллектуальная деятельность’ («Ты выходзіш на работу // I пра бульбу запяеш» [4. С. 71] и др.), 2) ‘эмоциональное отношение к объекту’ («Над магілай вецер // Песню напявае» [4. С. 81] и др.), 3) ‘передача информации’ («Прыляцiць салоўка рана-ранiцай, // Запяе ў садочку майму міламу» [4. С. 67] и др.) и др. В семантике глагола *граць (іграць)* актуализируется сема ‘интеллектуальная деятельность’ («Пра што граюць дудары? // Ты паслухай, разбяры: // Дзве Алёны – пра каханне, // Дзве Настулі – пра

спатканне...» [4. С. 144]) и сема 'передача информации' ([гармонік] «Сэрцы юныя яднае, // На вяселлі ім іграе» [4. С. 125]). Такое семантическое содержание глаголов демонстрирует сложность рассматриваемого концепта.

Лирический герой А. Русака передает в своих песнях легенды леса: «Я часта йду тваёй дарогай, // Імкнуся сэрцам пераняць // Твае адвечныя легенды, // Каб іх у песнях перадаць» [4. С. 48]. Лесная песня – символ непобедимости Родины в борьбе с фашистами: «Толькі сэрцам пачую // Тваю песню лясную // Ды успомню быллыя гады» [4. С. 51]. Песня присуща родному краю: «Пяе зямля, цвітуць сады, // І гэта ўсё – мой край» [4. С. 85]. Очевидно, что концепт «Родина» реализуется у А. Русака в связи с концептом «музыка».

В стихотворении «Зазвенели струны», посвященному открытию Белорусской государственной консерватории, поэт пишет: «Зазвінелі струны, // І гучаць мажоры, // Скалыхнулі хваляй // Вольныя прасторы. // Зазвінелі струны» [4. С. 11], выражая радость по поводу появления высшего музыкального учебного заведения. Вокальная палитра стихотворения «Жатвенная песня» состоит из музыки различного характера: «У палях пакоіцца // Спеў машын, спеў машын» [4. С. 13], «Скалыхну я песняю // Звонкі бор, звонкі бор» [4. С. 14]. В музыку окружающего мира время принесло свои изменения, добавилась *песня сталі*: «Мы сягоння прывіталі // Наш палетак песняй сталі, // Толькі звонам // Праз загоны // Мчыцца рэха па бары» [4. С. 15]. Музыка – обязательный элемент *дажынак* (обрядового праздника «...в день окончания жатвы» [8. С. 117]): «Дык рыхтуй жа пітво // Ды музыкаў збірай, // Ты на славу цяпер // Нам дажынкi спраўляй» [4. С. 27]. В стихотворении «Недопетая песня», посвященном памяти П. Труса, А. Русак высказывает мысль о том, что дело так рано ушедшего из жизни талантливого белорусского поэта будет продолжаться: «І буйныя ветры // Шумяць напрудвесні, // Спяваюць тваю // Недапетую песню» [4. С. 55].

С образом музыки у поэта тесно связаны концепты «душа» и «сердце». Отчизне лирический герой несет такой дар: «Я нясу табе дар сэрца, // Звонкі спеў душы» [4. С. 40]. У девушки из стихотворения «Девушка синеглазая» – песенная душа: «Дзяўчына сінявокая, // Ростам невысокая, // Тварам загарэлая, // З песеннай душой» [4. С. 63]. На душу и сердце лирического героя воздействует песня и пение: «І песняю дзявочаю // Мне душу скалыхне» [4. С. 66], «Над ціхай крыніцаю спеў салаўіны // Увечары сэрца маё закране»

[4. С. 78], [краса-дзяўчына] «Лён кудравы поле, // Голасна спявае, // Песняю чароўнай // Сэрца закранае» [4. С. 88] и др. Песни владеют и чувствами, и мыслями автора стихов: «І у сэрцы льюцца // Веснавыя спевы, // Расквітнеў у красках // За палеткам гай. // Многа тут прастору // Думаем маім вольным, // Песням галасістым // Пра цябе, мой край» [4. С. 58]. В сердце лирического героя – песни о любимом крае: «А ў сэрцы песень не стрымаць // Пра мой любімы край» [4. С. 86]. Движение нивы находит песенный отзвук в его сердце: «Морам ніва ў нас калыхаецца, // Ў сэрцы песняю адзваецца» [4. С. 98]. Сердце уподобляется музыкальному инструменту, так как в нем имеется струна: «Зазвінела ў сэрцы // Радасці струна...» [4. С. 103]. Имя существительное с эмоциональной семантикой – *радосьць* – обозначает чувство, которое наделяется способностью петь: «Заспявала радасць // На душы маёй // Ад таго, што чую // Любы голас твой» [4. С. 103]; такую же способность приобретает и сама душа: «Ты скажы такое слова, // Каб душа спявала...» [4. С. 151]. Песня может находиться в сердце: «Заспявай мне песню тую, // Што з палёў збіраеш, // Што у сэрцы палымяным // Для мяне хаваеш» [4. С. 151]. Музыкальный инструмент – гармонь – не дает покоя душе и дружит с сердцем: [гармонік] «Не дае душы спакою // Ні улетку, ні вясною. // Ходзіць-водзіць ён садамі // Карагоды вечарамі. // Ён з гарачым сэрцам дружыць, // Галаву дзяўчатам кружыць...» [4. С. 125]. Описывая город Молодечно, А. Русак связывает его образ со способностью всего становиться моложе: «Маладзёуць сэрцы ў песнях...» [4. С. 124].

Поэт пишет о разных песнях, но особое место в его «возможном мире» занимают *жніўныя песні*. Такую песню несет в простор Неман: «Закрасуйся, Нёман, // Між лясоў і гор, // Панясі ты песню // Жніўную ў прастор» [4. С. 30]. С этой песней по полю плывут комбайны: «Засявай з краю ў край // Буйным зернем палі, // Каб камбайны па іх // З песняй жніўнай плылі» [4. С. 128] и др.

Образ музыки воплощается поэтом в связи с реализацией концепта «любовь». Без девичьей песни не может жить герой стихотворения «Люблю луги цветистые»: «А сэрца... сэрца чулае // Падказвае з грудзей, // Што мне не жыць без песні той, // Не жыць без тых вачей» [4. С. 66]. Образ песни соотносится с образом любимого человека в стихотворении «Не ищи»: «Не спявай пад акном // Ты мне песні сваёй, // Не спявай... // Калі ў сэрцы не я // Буду песняй тваёй, // Не спявай...» [4. С. 104]. Любимую можно сравнить только с песней,

чем подчеркивается ее ценность для лирического героя: «Толькі з песняй цябе параўнаю, // Што у сэрцы сваім берагу, // Тую песню я вечна спяваю, // Без той песні я жыць не магу» [4. С. 107]. При помощи описания березы поэт воплощает образ девушки; данные образы взаимосвязаны с пением: «Я люблю бярозку, // Што пяе з вятрамі...» [4. С. 112], «Я люблю бярозку // Каля роднай хаты, // Дзе у вечар зорны // Запяюць дзяўчаты» [4. С. 112]. Соловьиной песней о девичьей весне звенит роща: «Чуеш, гай звiнiць за рэчкай // Песняй салаўiнай // Аб вясне маёй дзявочай, // Сонечнай, шчаслiвай» [4. С. 116]. Имя существительное *дзяўчаты* – субъект при глаголе *распяваць*: «–Ка мне йшлі дзяўчаты, // Кветкі мае рвалі, // Жніўныя, вясельныя // Песні распявалі» [4. С. 129]. Лирический герой поет девушке песню весны: «Насустрач табе // Я выйду, спаткаю // І песню вясны // Табе заспяваю. // Песню вясны // У сэрцы дзявочым...» [4. С. 158–159].

Анализ концепта «музыка» в вокальных произведениях на стихи А. Русака показывает его значительную роль в передаче национально-культурной парадигмы.

В поэтическом мире В. Каризны также имеются названия стихов, содержащие музыкальную лексику: «Музыка» [2. С. 119], «Песня о родной земле» [1. С. 246], «Песня родная» [1. С. 253], «Песня счастья» [1. С. 254], «Соловей поет» [1. С. 259–260]. Доминирует в этих названиях слово *песня*, эксплицирующее соответствующий образ. В текстах его музыкально-поэтических произведений употребляются следующие наименования музыкальных инструментов (в основном народных [5. С. 116–229]): 1) *скрыпка*, *бубен* («Сцяпан на скрыпцы грае, // Иван у бубен б’е, // Аж сэрца замірае, // Калі Антось пяе» [2. С. 129]), 2) *ліра* («Колькі ні гляджу, а не відаць // Той вясны далёкай і шчаслiвай, // Што са мной ішла на сенажаць // І звiнела ў сэрцы ціхай лірай» [1. С. 264]), 3) *званочки* («Не трэба нам зусім // Ні зайдрасць і ні злосць, // А трэба нам усім // Святла ў званочках рос» [1. С. 248]), 4) *гармонік* («–Я возьму гармонік...» [1. С. 260] и др.). Использует В. Каризна и названия музыкальных жанров: 1) *песня* («Мяне тут нават ліст вярбы кранае, // А як мне вечар салаўiны люб, // Што з туманоў кашулю апранае // І шчырай песняй адчыняе клуб...» [2. С. 116] и др.), 2) *калыханка* («Нас не песціў калыханкай час» [1. С. 244]), 3) *полечка* («–Я возьму гармонік, // Полечку зайграю...» [1. С. 260]). Преобладают наименования вокальных жанров. Имеются в его «возможном мире» и глаголы, объективирующие музыкальную деятельность: *пець* (и его дериват *спяваць*) («І не пяе салоўка...»

[2. С. 130] и др.), *граць* (и образованный от него глагол *зайграць*) («Сцяпан на скрыпцы грае...» [2. С. 129] и др.), *спяваць, скакаць* («Як Тася на вячорках // Пачне спяваць, скакаць, – // Злятаюць з неба зоркі, // А хлопцы аж гараць» [2. С. 130]). Использует поэт и слово *музыка*: «З дзявочых вокнаў музыка // Шугае, як агонь» [1. С. 262] и др. Очевидно, что слова из семантического поля ‘музыка’ имеют как прямое, так и переносное значение.

В музыкально-поэтических произведениях В. Каризны концепт «музыка» взаимодействует с концептами «Родина» и «любовь», с образами души и сердца, воплощающими соответствующие концепты. Поэт слышит музыку природы: «Калі прыходжу ў лес, я чую музыку, // Якую не прыдумаць, не прысніць» [2. С. 119]. Эта музыка связана с детством лирического героя и напоминает сказку: «Расказвае яна ўсё і паказвае, // Нібы маё дзяцінства ажыло // І з цішыні ялін нясветлай казкаю // Яно у гэту музыку ўвайшло» [2. С. 119]. Музыка созвучна и с первой любовью: «Нас прывяло сюды каханне першае, // І сёння яно музыкай гучыць» [2. С. 119]. Поэт сравнивает любовь с пением и другими реалиями, относящимися к концепту «Родина»: «Любоў, як вясновае сонца, // Як колас жытнёвы, як сосны, // Як спеў серабрысты у вецці – // Не жыць без яе мне на свеце!» [1. С. 242]. Песня для В. Каризны – важнейшая часть образа Родины (наряду со славой, красотой и др.): [Беларусь] «Славой слаўная ты быліннаю, // Залатою сваёй красой, // Майскай песняю салаўінаю // І вясёлкамі над ракой...» [1. С. 242]. Без песни не обходятся взаимоотношения людей: «Ну як не любіць твая хаты ля гаю, // Ля сініх азёр і палёў залатых, // Дзе хлебам і соллю сяброў сустракаюць // І з песняй праводзяць, як родных сваіх» [1. С. 243]. Поэтический мир В. Каризны озвучен и колористичен: «Навальніцамі // Лозы ніцыя // Прытуляюцца да зямлі, // Дзе і мы з табой пад крынічныя // Званы сінія узраслі» [1. С. 246]. Музыку слушают озера: «Падходзяць да самага, самага бору, // Шумлівага бору, // Уволло наслухацца музыкі спеўнай // Азёры» [1. С. 251]. Песня – любовь поэта, она у него в душе: «Цёплая, нібы вясны світанне, // Светлая, як вераснёвы сум, // Песня родная – маё каханне, // Я цябе ў душы сваёй нясу» [1. С. 253]. Слушая родную песню, он вспоминает мать и знакомые места: «Слухаю – і чую голас маці, // Бачу яе рукі наяву, // Хмельны звон знаёмай сенажаці // Кружыць, як калісьці, галаву» [1. С. 253]. Родная песня связана со всем светлым и чистым, что есть на земле: «На лапках зор ідзе ноч над садамі. // А росы – як дзівосныя агні. // І вусны роднай песні

прыпадаюць // Да гэтай найсвятлейшай чысціні» [1. С. 254]. Она сравнивается с самым прекрасным – с дыханием весны и любовью: «Сэрца полымем сваім кранаеш, // Як вясны дыханне і любоў» [1. С. 253]. Любовь сопоставляется с песней: «З цішыні запаветнай, са шляхоў // Апускаешся песняй ты, любоў» [1. С. 259]. Концепты «музыка» и «любовь» у В. Каризны взаимодействуют: «Ты гэта // Ці вятроў павеў, // Ці, можа памяць разгуканая // І салаўіны той напеў... // Чаканая і нечаканая?» [2. С. 120], «Як цяжка ўпершыню парой неспадзяванай // На самай вышыні “бывай” сказаць каханню... // ... // Надзеяцца, чакаць вясновых светлых дзён, // З усмешкай уздыхаць пад жоўтых лісцяў звон...» [2. С. 125]. Любовь у поэта – широкое понятие, он любит людей и хочет, чтобы его песня помогала им: «Я люблю вас, людзі, // І песняй прыйшоў памагчы. // Давайце разам будзем // Любоў на зямлі берагчы» [1. С. 248]. Все оттенки и нюансы звуков окружающего мира, связанных с любовными чувствами, откликаются в сердце лирического героя: «Пазаву-патрывожу сіні звон // Недалёкіх далёкіх дзіўных дзён, // Калі ў сэрцы салоўка – як агонь, // А ў садочку чаромха ды гармонь. // Вясновых дзён з табой ніколі не забыць... // І мелодыя ў сэрцы ўсё звініць» [1. С. 259]. Такковы основные черты концепта «музыка» в вокальных произведениях на стихи В. Каризны.

Таким образом, в поэтических произведениях А. Русака и В. Каризны, положенных на музыку, воплощаются национально-культурные особенности: реализуется концепт «музыка», который тесно связан с концептами «Родина», «любовь», «душа» и «сердце», с лексическими единицами и образами, принадлежащими к белорусской культурной парадигме. Доминирует в структуре данного концепта образ песни.

Список литературы

1. Карызна, У. І. Песні // Карызна, У. І. Душы разгуканай мелодыя: вершы, паэмы, песні. Мінск: Маст. літ., 1988. С. 240–265.
2. Карызна, У. І. Хаджу сунічнымі барамі. Песні // Карызна, У. І. Музыка ў свеце: лірыка. Мінск : Маст. літ., 1985. С. 114–132.
3. Назайкинский, Е. В. Настрой-ка и настроение в музыке // На-

List of literature

1. Karyzna, U. I. Pesni // Karyzna, U. I. Dushy razgukanaj melodyja: vershy, pajemy, pesni. Minsk: Mast. lit., 1988. S. 240–265.
2. Karyzna, U. I. Hadzhu sunichnymi barami. Pesni // Karyzna, U. I. Muzyka ў свеце: liryka. Minsk : Mast. lit., 1985. S. 114–132.
3. Nazajkinskij, E. V. Nastrojka i nastroenie v muzyke //

- зайкинский, Е. В. История в музыке: Избранные исследования. М. : Научно-издательский центр «Московская консерватория», 2009. С. 213–249.
4. Русак, А. Г. Песні // Русак, А.Г. Закрасуйся, Нёман. Песні, лірыка, гумар. Мінск : Маст. літ., 1978. С. 5–160.
5. Скорабатчанка, А. В. Беларускія народныя музычныя інструменты XX стагоддзя: вучэб. дапам. Мінск : Бел. навука, 2001. 398 с.
6. Сохор, А. Друзья-соперники // Поэзия и музыка: сб. статей и исследований / Союз композиторов РСФСР, Ленинградская организация, Секция музыковедения и критики; сост. В.А. Фрумкин; ред. колл.: В.А. Васина-Гроссман [и др.]. М. : Музыка, 1973. С. 5–17.
7. Сучасная літаратура: каардынаты ідэйна-мастацкага пошуку / С.А. Андраюк [і інш.]; навук. рэд. В.М. Стральцова / НАН Беларусі, Ін-т мовы і літаратуры імя Я. Коласа і Я. Купалы. Мінск : Беларус. навука, 2008. 286 с.
8. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы. Мінск: Гал. рэд. Беларус. Сав. Энциклапедыі, 1978. Т. 2. Г – К / [Рэд. тома А.Я. Баханькоў]. 768 с.
9. Холопова, В. Теория музыкальных эмоций: опыт разработки проблемы // Музыкальная академия. 2009. №1. С. 12–19.
- Nazajkinskij, E. V. Istorija v muzyke: Izbrannye issledovanija. M. : Nauchno-izdatel'skij centr «Moskovskaja konservatorija», 2009. S. 213–249.
4. Rusak, A. G. Pesni // Rusak, A.G. Zakrasujsja, Njoman. Pesni, liryka, gumar. Minsk : Mast. lit., 1978. S. 5–160.
5. Skorabagatchanka, A. V. Belaruskija narodnyja muzychnyja instrumenty XX stagoddzja: vuchjeb. dapam. Minsk : Bel. navuka, 2001. 398 s.
6. Sohor, A. Druz'ja-soperniki // Pojezija i muzyka: sb. statej i issledovanij / Sojuz kompozitorov RSFSR, Leningradskaja organizacija, Sekcija muzykovedenija i kritiki; sost. V.A. Frumkin; red. koll.: V.A. Vasina-Grossman [i dr.]. M. : Muzyka, 1973. S. 5–17.
7. Suchasnaja litaratura: kaardynaty idjejna-mastackaga poshuku / S.A. Andrajuk [i insh.]; navuk. rjed. V.M. Stral'cova / NAN Belarusi, In-t movy i litaratury imja Ja. Kolasa i Ja. Kupaly. Minsk : Belarus. navuka, 2008. 286 s.
8. Tlumachal'ny sloŭnik belaruskaj movy. Minsk: Gal. rjed. Belarus. Sav. Jencyklapedyi, 1978. T. 2. G – K / [Rjed. toma A.Ja. Bahan'koŭ]. 768 s.
9. Holopova, V. Teorija muzykal'nyh jemocij: opyt razrabotki problemy // Muzykal'naja akademija. 2009. №1. S. 12–19.

10. Элик, М. От составителя // Блок и музыка: сб. ст. / сост. М. Элик; под общ. ред. Г.А. Орлова. Л.; М. : Сов. композитор, Ленингр. отд-ние, 1972. С. 4–7.
11. Энцыклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі: У 5-і т. Т. 3. Карчма – Найгрыш / Рэдкал.: І.П. Шамякін (гал. рэд.) і інш. Мінск : БелСЭ, 1986. С. 6.
12. Энцыклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі: У 5-і т. Т. 4. Накцюрн – Скальскі / Рэдкал.: І.П. Шамякін (гал. рэд.) і інш. Мінск : БелСЭ, 1986. С. 529–530.
10. Jelik, M. Ot sostavitelja // Blok i muzyka: sb. st. / sost. M. Jelik; pod obw. red. G.A. Orlova. L.; M. : Sov. kompozitor, Leningr. otd-nie, 1972. S. 4–7.
11. Jencyklapedyja litaratury i mastactva Belarusi: U 5-i t. T. 3. Karchma – Najgrysh / Rjedkal.: I.P. Shamjakin (gal. rjed.) i insh. Minsk : BelSJe, 1986. S. 6.
12. Jencyklapedyja litaratury i mastactva Belarusi: U 5-i t. T. 4. Naksjurn – Skal'ski / Rjedkal.: I.P. Shamjakin (gal. rjed.) i insh. Minsk : BelSJe, 1986. S. 529–530.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

РИТОРИКА КОРПОРАТИВНОГО БЛОГА

Ю. В. Данюшина

Работа посвящена исследованию риторики корпоративного блога и его роли в создании лояльности клиента и образа компании в общественном мнении.

Ключевые слова: риторика, корпоративный блог, бизнес-коммуникация.

Корпоративный блог становится все более важным инновационным инструментом бизнес-коммуникации, а его риторика заслуживает все более пристального изучения не только в рамках прикладной лингвистики, но и в сфере рекламы, маркетинга и связей с общественностью.

В работе корпоративных коммуникационных департаментов все чаще появляется термин «BR – blogger relations», который дополняет и расширяет традиционное понятие «PR», внося новые перспективы в корпоративные коммуникации и маркетинговые стратегии.

О важности блога для построения и удержания отношений с потребителями в последнее время говорят многие бизнес-практики. Шведский эксперт по корпоративной коммуникации **Fredrik Wacka [3]** приводит следующие мнения о роли корпоративных блогов [здесь и далее перевод наш – Ю. В.]: в блоге создается пространство, где клиенты и будущие клиенты проводят время с вашим брендом, тем самым, блог-общение трансформируется в бизнес. Сам Ф. Вака определяет блог как микросайты, отражающие интересы и мнения людей его создающих, и характеризующиеся регулярными обновлениями, неформальным тоном и обилием ссылок на другие веб-источники, а корпоративный блог – как блог, публикуемый организацией (либо с ее помощью) для достижения ее целей. По мнению эксперта, блог не объективен и не должен таковым быть, напротив, в блоге должны чувствоваться индивидуальные личности его авторов, их авторские голоса.

Еще один специалист по корпоративным блогам американец Р.Фишкин [2], среди прочего, рекомендует

- уделять особое внимание заголовкам, которые должны быть краткими, информативными и привлекающими внимание читателя;

- звучать в своем блоге харизматично, страстно, честно и с эмпатией, но сдерживать свои эмоции, позволяя новому написанному сообщению «отлежаться» пару часов перед опубликованием, с обязательным корректирующим перечитыванием (с последним советом могли бы поспорить те, кто ценит быстроту доставки информации, которая часто становится важнейшей чертой электронного общения);

- раскрывать информацию, которая может считаться приватной, т.к. блог – это часть открытого обмена информацией, поэтому «выдача» корпоративных секретов (в разумных пределах) будет встречена с энтузиазмом;

- создавать персональный стиль и затем придерживаться его, хотя гостевые авторы могут добавить разнообразия; инсайдерские шутки могут оттолкнуть случайных новичков, но они привяжут постоянную публику, которая начнет осознавать, что они «в теме», среди своих.

Можно классифицировать блоги по нескольким параметрам:

а) по целевой аудитории: внутренний корпоративный блог содействует сотрудничеству персонала и управлению знаниями; внешний корпоративный блог усиливает отношения с важными целевыми группами и позиционирует компанию/организацию как отраслевого эксперта;

б) по функции: коммерческий блог нацелен на продажу товара/услуги через сеть; брендинговый блог ориентирован на построение и развитие клиентской информированности о бренде (brand awareness) и клиентской лояльности; реляционный блог служит цели установления и улучшения отношений с существующими и потенциальными потребителями.

Однако, в реальности успешный корпоративный блог совмещает в себе эти функции, как информируя о продукте компании, так и формируя положительное общественное мнение и отношение к самой компании и ее деятельности, тем самым, достигая долгосрочных коммерческих целей. Это относится и к корпоративному блогу американской корпорации Google, занимающему во многих рейтингах первое место и являющемуся ярким примером использования верной корпоративной блог-риторики.

Блог-площадки этой компании вышли за рамки узкокорпоративных интересов и стали, фактически, гражданским фору-

мом для общенациональных дискуссий и инициатив, например, волонтерской инициативы, выдвинутой супругой Президента США и нацеленной на усиление роли граждан в жизни местных сообществ, президентской программы «Послужим вместе», направленной на развитие гражданского самосознания. Блог также развернул общенациональное обсуждение по проекту реформирования национальной системы здравоохранения. В подразделе google.org blog содержатся сообщения от «филантропического отдела» фирмы (*News and notes from Google's philanthropic arm*); тем самым компания широко заявляет о значимости благотворительных проектов в своей работе, что не может не поднять доверие к ней общества, существует и *Citizen-tube* («гражданская труба»), видеоблог для «наблюдений за видеоизменением мира» – *Watching video change our world*.

Среди материалов блога не только описания новых интеллектуальных информационно-коммуникационных продуктов компании, но и сообщения о ее социально-полезной деятельности, например, сообщение *Bringing Project CARE to veterans in Washington, D.C. 1/22/2010 12:03:00 PM* о новой программе компании для бездомных ветеранов под названием «Забота», которая поможет им в поиске работы, получения медицинской помощи, общении с семьей и т.п.). Сама ключевая лексика сообщения наводит на мысль о том, что социальное благо является одним из ключевых концептов корпоративной риторики компании (подчеркивания наши): *...Project CARE is a program to provide free Google Voice phone numbers and voicemail accounts to homeless individuals. The Google Voice team has been offering this program in the San Francisco Bay Area for more than two years, and we're excited to bring Project CARE to a new city. On Saturday, Google Voice will join dozens of other Washington, D.C. organizations at the Winterhaven Homeless Veterans Stand Down at the D.C. Veterans Affairs Medical Center to try and make life a little easier for hundreds of veterans in the Washington, D.C. area. We will be handing out Project CARE cards and helping attendees set up unique phone numbers and voicemail accounts, which they can use when applying for jobs or filling out medical forms, or share with family...Posted by Vincent Paquet, Senior Product Manager.*

Приведенные примеры наглядно показывают, каким образом корпоративный блог Гугл становятся эффективным механизмом для продвижения бизнеса и самого образа компании в глазах существующих и потенциальных клиентов. Это достигается, среди прочего,

следующими риторическими приемами, характерными для дискурса ее блога:

- высокий уровень личностной персонификации сообщений,
- широкое использование лексики, несущей семантику активности, созидания, реализации, воплощения, а также положительных эмоций,
- создание образа социально-ответственной компании, информирование о ее социальных (благотворительных, филантропических) проектах.

Среди российских компаний еще далеко не все оценили значимость корпоративной блог-риторики, хотя некоторые отечественные специалисты уже поняли важность блоггинга. Так, например, Е. Ющук [1] говорит о «боевом блоггинге», т.е. об «использовании блогов для целенаправленной коррекции информационного поля в Интернете <...> Мероприятия боевого блоггинга могут проводиться, как для доведения своей точки зрения о компании (или ситуации в компании) до потребителей или властей под нужным углом зрения, так и для защиты репутации компании от черного пиара в Интернете».

Однако на практике блоггинг в российском бизнесе еще не реализовал весь свой потенциал.

Список литературы

1. Ющук, Е. Боевой блоггинг. URL : http://www.ci-journal.ru/article/47/200801fight_blogging
2. Fishkin, R. 21 Tactics to Increase Blog Traffic. URL : <http://www.seomoz.org/blog/21-tactics-to-increase-blog-traffic>
3. Wacka, F. Your Guide to Corporate Business Blogging. URL : www.corporateblogging.info

List of literature

1. Juwuk, E. Boevoj blogging. URL : http://www.ci-journal.ru/article/47/200801fight_blogging
2. Fishkin, R. 21 Tactics to Increase Blog Traffic. URL : <http://www.seomoz.org/blog/21-tactics-to-increase-blog-traffic>
3. Wacka, F. Your Guide to Corporate Business Blogging. URL : www.corporateblogging.info

**ПОЛЕВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «БАБА»
В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ**

М. С. Досимова

Статья посвящена проблеме структурирования и моделирования понятия «ромовая баба (женщина)». На основе экспериментальных данных были сформулированы познавательные особенности понятия. Познавательные особенности были распределены в ядре, околоядерном пространстве, отдаленной и предельной периферии. Содержание понятия было представлено как стратифицированная структура, страты которой расположены в соответствии с процентом.

Ключевые слова: концепт «баба», направленный ассоциативный эксперимент, структура концепта, полевая организация концепта, ядро, ближняя периферия, дальняя периферия, крайняя периферия.

Данная статья представляет собой изложение исследовательской работы автора, посвященной лингвокогнитивному изучению средств языковой объективации концепта «женщина» в русском языковом сознании [1]. Исследование выполнено в русле *семантико-когнитивного направления* когнитивной лингвистики, разрабатываемого научной школой Воронежского государственного университета (З. Д. Попова, И. А. Стернин).

Первоначально было установлено, что концепт «женщина» в русском языковом сознании, главным образом, вербализуется двумя наиболее значимыми лексемами – *женщина* и *баба*. Данные лексеммы рассматривались нами как ключевые лексеммы-репрезентанты концепта «женщина», поскольку они являются наиболее частотными, согласно частотным словарям [7], а также по данным верификации, проведенной у носителей русского языка, которая показала, что для обыденного сознания это самые употребительные наименования данного концепта. Однако в ходе исследования было установлено, что они репрезентируют самостоятельные концепты, близкие, но разные, отличные друг от друга.

Придерживаясь концепции семантико-когнитивного направления когнитивной лингвистики, мы рассматриваем семантику языковых

средств, объективирующих концепт, как средство доступа к его содержанию и как средство теоретического моделирования структуры и содержания концепта [5. С. 13–16].

Настоящая статья посвящена описанию полевой организации концепта «баба», которое является одним из этапов моделирования концепта.

Основным методом описания содержания концептов в актуальном когнитивном сознании народа является эксперимент. Как отмечают З. Д. Попова и И. А. Стернин, наиболее информативным для исследователя представляется направленный ассоциативный эксперимент, поскольку он дает богатый и наиболее достоверный материал для исследования концептов в актуальном языковом сознании того или иного народа, выявляет когнитивные признаки, которые образуют содержание концепта и отражают концептуализацию предметов или явлений народом [5. С. 122]. Согласно последним работам, выполненным в рамках семантико-когнитивного подхода к языку, направленный ассоциативный эксперимент позволяет наиболее эффективным и надежным способом эксплицировать и описать реальное языковое (обыденное) сознание носителей языка [1; 2; 3; 4; 5; 6.].

Направленный ассоциативный эксперимент предполагает ответ, ограниченный определенными условиями – например, определенной частью речи [5. С. 130].

Для изучения языковой объективации концепта «баба» нами применялся метод направленного ассоциативного эксперимента, использовавшийся в двух формах – «Баба – какая?» и «Баба – что делает?». Выбор этих форм обусловлен тем, что (как показал проведенный нами пилотажный эксперимент) они позволяют целенаправленно выявить наиболее содержательные сведения о содержании концептов, установить наибольшее количество языковых средств, объективирующих концепты, отражающих реальное языковое сознание народа и удобных для проведения когнитивной интерпретации.

Эксперимент проводился с июня 2006 по ноябрь 2007 года в Астрахани и отдельных населенных пунктах Астраханской области. В эксперименте приняли участие 303 носителя русского языка.

Из числа испытуемых женщин – 168, мужчин – 135; 234 городских и 69 сельских жителей. Из них – 197 в возрасте от 15 до 25 лет (младшая возрастная группа); 57 человек в возрасте от 26 до 40 лет (средняя возрастная группа); и 49 человек в возрасте от 41 и старше

(старшая возрастная группа); 87 человек состоят в браке, 216 человек в браке не состоят.

Испытуемыми выступали студенты и преподаватели Астраханского государственного университета, учителя школ, врачи, экономисты, юристы, продавцы, пенсионеры и т.д.

Испытуемым была предъявлена следующая инструкция: «Просим вас принять участие в психолингвистическом эксперименте, который проводится в научных целях», и предлагалось письменно ответить на вопросы «Баба – какая?»; «Баба – что делает?». Предлагалось дать три ассоциативные реакции на слово-стимул «баба», время выполнения задания не ограничивалось. Эксперимент осуществлялся как в групповой, так и в индивидуальной форме. Групповой эксперимент проводился с 10 – 15 испытуемыми за один сеанс.

Реакции на стимулы «какая?» и «что делает?» были объединены, в результате было получено 1674 реакции. По завершении обработки полученных ассоциатов (реакций) было сформировано **ассоциативное поле** концепта «баба», представляющее собой совокупность всех ассоциатов, расположенных по убыванию их частотности и выступающее как средство языковой объективации концепта. В дальнейшем результаты экспериментального исследования были обобщены и обработаны методом **когнитивной интерпретации**, в результате которой было получено 138 когнитивных признаков концепта «баба».

Одним из этапов **моделирования концепта** является описание его **полевой организации**, которое подразумевает выявление когнитивных признаков, составляющих ядро, ближнюю, дальнюю и крайнюю периферию концепта, и представление содержания концепта в виде полевой структуры [5. С. 113].

Полевая организация концепта «баба»

Ядро (4 признака) (3%)

ведет домашнее хозяйство(0,82); ругается (0,48); полная(0,38); много работает(0,36);

Ближняя периферия (19 признаков) (14%)

неухоженная, неопрятная (0,23); грубая (0,22); занимается сельским хозяйством (0,21); занимается семьей (0,15); пьющая (0,14); крестьянского происхождения (0,11); развратная (0,11); злая (0,10); глупая (0,10); добрая (0,09); крупная (0,09); некрасивая (0,09); жизнерадостная (0,09); смелая (0,08); курит (0,07); любит поговорить (0,07); любит поест (0,07); пожилого возраста (0,07); сильная (0,07);

Дальняя периферия (63 признака) (46%)

торгует (0,06); рождает детей (0,05); русская (0,05); Рязанская (0,05); Баба-яга (0,05); красивая (0,05); бьет мужа (0,04); простодушная (0,04); сплетница (0,04); ворчливая (0,04); бойкая (0,03); носит воду (0,03); заботится о мужчине (0,03); необразованная (0,03); плохая (0,03); жестокая (0,03); хорошая (0,03); мужеподобная (0,02); ленивая (0,02); невоспитанная (0,02); смешная (0,02); в платке (0,02); заботливая, чуткая (0,02); любящая (0,02); несет все гостю (0,02); ругается матом (0,02); усталая (0,02); вяжет (0,01); заботится о привлекательной внешности (0,01); понукает мужем (0,01); плачет (0,01); плохо обращается с детьми (0,01); румяная (0,01); умная (0,01); хитрая (0,01); бесполезная (0,01); мудрая (0,01); ненакрашенная (0,01); скрытная (0,01); следует моде (0,01); худая (0,01); шьет (0,01); верная (0,01); властная (0,01); выделяющаяся (0,01); высокая (0,01); вышивает (0,01); жалуется на жизнь (0,01); занимается колдовством (0,01); лжет (0,01); настоящая (0,01); не следует моральным принципам (0,01); неверная (0,01); прямолинейная (0,01); равнодушная (0,01); невысокого роста (0,01); немодная (0,01); поет (0,01); с длинными волосами (0,01); светловолосая (0,01); спорит (0,01); танцует (0,01); шумная (0,01);

Крайняя периферия (52 признака) (37%)

в сарафане (0,003); в фартуке (0,003); грызет семечки (0,003); деловая (0,003); жадная (0,003); женственная (0,003); занимается сексом (0,003); играет на пианино (0,003); кормит (0,003); культурно себя ведет (0,003); купается (0,003); легкомысленная (0,003); любимая (0,003); любопытная (0,003); метет дворы (0,003); молодая (0,003); моя (0,003); надежная (0,003); не имеет достоинства (0,003); не умеет воспитывать детей и готовить (0,003); не умеет работать (0,003); немногословная (0,003); ненавидит соседей (0,003); беспокойная (0,003); неуклюжая (0,003); образованная (0,003); пишет письмо (0,003); принимает наркотики (0,003); простоволосая (0,003); прощает все мужчине (0,003); разговаривает по телефону (0,003); ревнивая (0,003); рукодельничает (0,003); рыжеволосая (0,003), рыжая (0,003); с седыми волосами (0,003); смуглая (0,003); самоуверенная (0,003); скучает (0,003); собирает пустые бутылки (0,003); сплевывает (0,003); спокойная (0,003); странная (0,003); страстная (0,003); суеверная (0,003); сучит пряжу (0,003); учит (0,003); упрямая (0,003); ходит на дискотеки (0,003); честная (0,003); читает (0,003); эгоистичная (0,003); ябедничает (0,003).

Таким образом, ядро концепта «баба» включает 4 признака, наиболее релевантных для русского языкового сознания. Экспонирование стереотипного представления о бабе в русском языковом сознании осуществляется когнитивными признаками «ведет домашнее хозяйство (0,82)», «ругается (0,48)», «полная (0,38)» и «много работает (0,36)», т.е. концептуализация бабы опирается на характерную деятельность, характерное поведение и внешние характеристики.

Ядро четко очерчено и отделено от ближней периферии, представленной 19 признаками. Доля ядра составляет 3%, доля ближней периферии – 14%.

Самой обширной в полевой модели концепта «баба» является дальняя периферия, состоящая из 63 признаков (46%). Довольно обширна крайняя периферия (37%), больших разрывов между этими зонами не выявлено. Преобладание количества признаков и процентного содержания двух последних периферийных зон свидетельствует о коммуникативной релевантности концепта «баба» в русском языковом сознании.

Представление содержания концепта в виде полевой структуры является завершающим этапом моделирования концепта в рамках лингвоконцептологического исследования.

Список литературы

1. Досимова, М. С. Национальная специфика языковой объективации концепта «женщина» (на материале русского и казахского языков) : дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2008. 206 с.
2. Дуссалиева, Э. А. Национальная специфика языковой объективации концепта «мужчина» (на материале русского, татарского и английского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2009. 23 с.
3. Иванова, М. М. Языковая объективация концепта «предприниматель» в русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2008. 22 с.

List of literature

1. Dosimova, M. S. Nacional'naja specifika jazykovoj ob#ektivacii koncepta «zhenwina» (na materiale russkogo i kazahskogo jazykov) : dis. ... kand. filol. nauk. Voronezh, 2008. 206 s.
2. Dussaliev, Je. A. Nacional'naja specifika jazykovoj ob#ektivacii koncepta «muzhchina» (na materiale russkogo, tatarskogo i anglijskogo jazykov) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Voronezh, 2009. 23 s.
3. Ivanova, M. M. Jazykovaja ob#ektivacija koncepta «predprinimatel'» v russkom jazyke : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Voronezh, 2008. 22 s.

4. Онищенко, М. С. Национальная специфика лексико-фразеологической объективации Концепта свободная страна в русском, английском и немецком языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2008. 21 с.
5. Попова, З. Д. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж : «Истоки», 2006. 226 с.
6. Тавдгиридзе, Л. А. Концепт «Русский язык» в русском языковом сознании : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2005. 23 с.
7. Шаров, С. А. Частотный словарь. URL : <http://www.artint.ru/projects/frqlist.asp>
4. Oniwenko, M. S. Nacional'naja specifika leksiko-frazeologicheskoy ob#ektivacii Koncepta svobodnaja strana v russkom, anglijskom i nemeckom jazykah : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Voronezh, 2008. 21 s.
5. Popova, Z. D. Semantiko-kognitivnyj analiz jazyka. Voronezh : «Istoki», 2006. 226 s.
6. Tavdgiridze, L. A. Koncept «Russkij jazyk» v russkom jazykovom soznanii : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Voronezh, 2005. 23 s.
7. Sharov, S. A. Chastotnyj slovar'. URL : <http://www.artint.ru/projects/frqlist.asp>

**ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ГЕРМЕНЕВТИКЕ
КАК СПОСОБ ПОНИМАНИЯ ТЕКСТА**

С. В. Первухина

В данной статье рассматривается становление подхода психологической герменевтики, анализируются основные термины этого направления лингвистики, входящие в методологию понимания текста.

Ключевые слова: психологическая герменевтика, понимание, смысл, рефлексия.

Герменевтикой называют науку о толковании текстов. До сих пор статус герменевтики как научного направления подвергается критике из-за отсутствия четкого предмета науки, некоторые ученые считают ее скорее методом анализа текстов, чем самостоятельной наукой. Г. И. Богин в связи с этим полагал: «Герменевтика – это деятельность человека или коллектива при понимании или интерпретации текста или того, что может трактоваться как текст. Герменевтика – именно деятельность, а не наука, но по герменевтике возможны и даже необходимы научные разработки» [1. С. 9]. Мы не оспариваем эту точку зрения, добавим только, что за время существования герменевтики заметно увеличилось количество методов, которые направлены на толкование текстов, и можно выделить определенные направления среди этих методов. В данной статье мы обратили внимание на психологическое направление в герменевтике как способ понимания текста и трактовку основных терминов в рамках этого направления.

Опишем кратко, как складывались герменевтические воззрения в ходе истории. Герменевтические методы изначально применялись для толкования текстов Святого Писания. Считалось, что их толкование должно осуществляться на основе самого текста, для этого следует учитывать внутритекстовые связи, а разгадку метафор этого текста нужно искать в самом тексте. Отхождение от этих принципов строго каралось и называлось ересью. Такое толкование текстов Библии было достаточно узким и не могло объяснить многих моментов. Тем более оно исключало понимание высокой художественной ценности Святого Писания. Позже обращались к эстетической трак-

товке Библии, что стало возможным после открытия других литературных источников того периода, позволивших ученым сравнить их и оценить их художественность, красоту языка, образность выражения мыслей. Эстетическому направлению толкования текстов свойственно обращение к культуре народа того времени, его обычаям и традициям. Такой взгляд значительно расширил толкование древних текстов, сделал их понимание более полным. Читатель мог глубже понять мотивы людей, описанных в Библии, по-другому позволил взглянуть на их поступки.

Психологическое направление выявило новое восприятие ключевых герменевтических терминов «понимание» и «текст», связав их с восприятием личности читателя и автора.

Одним из первых обратился к учету психологического состояния авторов текста А. Г. Франке при анализе Святого Писания. Искусство толкования, по его мнению, должно включать способность восстановить ход мыслей, которые автор пытался воссоздать у читателя [3. С. 48]. При толковании важно не только, какой образ видит читатель и что он понимает из данного текста, но и его осознание того образа, который автор стремился создать у него при написании текста. Сопоставление и анализ такой информации может дать более полное толкование данного текста.

«Штойдлин и Паулюс были первыми, кто понял, в психологической интерпретации дело идет о понимании внутренней жизни автора» [3. С. 222]. Понимание характера автора, времени и событий, повлиявших на его жизнь, позволят читателю полнее и ярче понять содержание его произведений. Характер автора и его внутренний мир в какой-то мере определяют его взгляд на жизнь, его система ценностей, жизненный опыт, эмоциональное состояние находят отражение в его творчестве. Как правило, автор пишет о том, что ему знакомо и понятно, в его произведениях затрагивается то, что им пережито, что взволновало его и заставило задуматься. Автор может идентифицировать себя с каким-то героем своего произведения, и тогда его характер ярче выражается в общей канве художественного произведения (например, «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова), или характер автора и его настроение может проявляться в общей тональности произведения. Для художественного творчества важны впечатления в большей степени, чем непосредственно чувственный опыт. Конечно, впечатления легче можно получить из чувственного опыта, но можно получить их и через общение с путешественника-

ми, которые видели мир собственными глазами и смогли ярко рассказать об увиденном, бесспорна роль воображения, которое может достраивать недостающие детали.

В зависимости от знаний и эрудированности автора, его творения будут обладать большей или меньшей глубиной по замыслу и охвату. Читатель может принимать текст за вымысел, пусть и искусно сделанный, или считать его достоверным, самостоятельно определяя долю этой достоверности. Читатель воспринимает текст как новую информацию о мире, постоянно сравнивая ее с тем, что он уже знает о мире, понимание читателем личности автора, в свою очередь, определяет отношение читателя к тексту, верификации этого произведения. Доверие к автору ведет к доверию к тексту и информации в этом тексте. Уважение взгляда автора приводит к тому, что читатель подсознательно может принимать эту точку зрения, и в этом случае возможно манипулирование взглядами читателя. Осознание присутствия автора как человека, излагающего не вселенские, а личностные ценности, дает читателю возможность иначе оценивать это произведение.

Ярким представителем психологического подхода в герменевтике был Ф. Шлейермахер. Он предположил, что «психологическое толкование делится на отыскание порождающего решения, или основной мысли, и побочных мыслей» [по З: С. 227]. В художественном произведении должна быть единая мысль, связывающая и организующая весь текст. Эта мысль может быть выражена композиционно или идейно, стилистически, а также с тональной и/или жанровой точки зрения. В зависимости от того, что именно выступает в качестве связующей мысли, произведение может быть объективным (описывать окружающий мир) или субъективным (описывать внутренний мир героев произведения или самого автора). Видимо, побочные мысли в тексте создают общий тон этого произведения и/или служат для продуцирования индивидуальных смыслов в этом тексте, личностного понимания читателем идеи и замысла текста.

Ф. Шлейермахер полагал, что «произведение по своему содержанию и форме возникает из живого порождающего решения; <...> будучи целостью, оно является дальнейшим развитием этого решения» [по З: С. 229]. Таким порождающим решением, видимо, может являться в тексте сюжет, жанр, общая эмоциональная тональность как субъективное мироощущение автора.

Монументальным трудом в области психологической герменевтики стала книга А. А. Брудного [2]. Он рассмотрел в ней вопро-

сы, посвященные пониманию текста и пониманию внешнего мира, и переосмыслил герменевтические термины «понимание», «текст» и «смысл», включил в герменевтическую терминологию понятие «культура».

Понимание повествовательных текстов, по мнению А. А. Брудного, складывается из понимания внешнего мира, понимания себя и способности увидеть себя и свои действия в других людях, оно возможно при обращении читателя не только к тексту и происходящим в нем событиям, но и к своей оценке этих событий с обращением к своему внутреннему миру [2. С. 17]. Человек имеет врожденную способность понимать, нет единого понимания для всех людей, так как каждый человек имеет свой неповторимый внутренний мир и индивидуальную систему ценностей и концептов.

А. А. Брудный выделил три поля понимания: первое поле понимания построено по принципу достоверности фактов, здесь важно, происходило ли что-либо на самом деле или нет. Это мир отношений между предметами. Второе поле построено по принципу истинности установок, оно образуется из истинных или ложных понятий. Третье поле – аксеологическое, оно содержит оценки того, что наблюдает человек. А. А. Брудный считал, что оно выражает отношения между людьми.

Понимание пронизывает всю жизнь и деятельность человека: с ним связано понятие культуры (более того, понимание определяет культуру). В теории А. А. Брудного текст получает смысл не только, если его рассматривать внутри его границ, но и в контексте культуры и контексте духовного мира читателя. Таким образом, с этой идеей психологическая герменевтика открыла нечто новое в технике понимания текстов: текст понимается через культуру и читателя, культура – через составляющие ее тексты, а читатель – через культуру, частью которой он является, и его оценку текста. В этом проявляется герменевтический круг: чтобы понять целое, необходимо понять его части. Текст в таком ключе воспринимается как часть культуры, в свою очередь текст имеет культуроспецифические черты, которые важны для его понимания.

Трактовка термина «понимание» в теории А. А. Брудного широко: оно задействует мотивационную сферу, контекст ситуации понимания (текста или собеседника), элементы воздействия участников коммуникации друг на друга. Отмечается не только важность широкого культурного контекста понимания текста, но и ситуация ком-

муникации, привносящая личностный фактор. Понимание наиболее полно происходит при общении, оно может включать то, что непосредственно в тексте не дано [2. С. 129]. В основе понимания лежит культура, смысл и общение [2. С. 215]. Общение здесь имеет функцию поиска информации, которая не дана в тексте непосредственно, но которая влияет на понимание текста. Либо читатель должен сам знать историческую эпоху, в которой написан этот текст, либо он должен обратиться за разъяснением. Но в любом случае, понимание – это процесс, для которого необходимы усилия, необходим поиск того, что заданно, а не дано открыто.

Большую сложность для понимания представляют тексты продуктивной семантики (художественные тексты, некоторые публицистические тексты) в силу своей символичности и образности. Символы и образы многозначны, они связывают культуры и исторические эпохи, обобщают жизненный опыт. Символическим может быть не только слово, но и сюжет: он может быть иносказанием чего-то еще, что существует не только в тексте, но и в культуре в этот момент.

И. Дж. Ли выделил несколько видов понимания, опираясь на принципы реакции адресата на текст: это может быть действие, вывод, словесная переформулировка, прогнозирование развития дальнейших событий, решение проблемы, согласование своих действий с изменившейся ситуацией [4]. Все эти виды понимания имеют деятельностный аспект: понимание – это изменение своего поведения или готовность к изменению поведения. Не все ученые согласны с такой трактовкой. Понимание в дальнейшем трактовалось и как изменение внутреннего мира читателя (или того, кто осуществляет понимание).

Психологический подход в герменевтике связан с историческим подходом, и это не случайно. Личность автора формируется под влиянием его исторической эпохи, глобальных процессов в жизни общества в то время. Становление мировоззрения автора и формирование его картины мира в большой степени происходит под влиянием той информации, которая приходит к нему из внешнего мира. Идеи художественных произведений (как и текстов другого жанра, например, публицистики, философской или даже научной литературы) в какой-то степени отражают происходящие в тот момент исторические процессы. А. А. Брудный писал: «Общественное развитие существенно обусловлено количеством циркулирующей в обществе информации. Социальное неравенство и социальный отбор выдающихся лично-

стей создают в обществе необходимую разность потенциалов и таким образом благоприятствуют развитию передачи информации» [3: С. 63].

Эпоха влияет на создание личности, а в свою очередь эта личность создает текст. Текст в этой перспективе видится как отражение внутреннего мира его создателя. Восприятие текста как данность сама в себе дает возможность понять лишь фактическую информацию, т.е. его содержание, но исключает осознание смыслов, созданных культурой той эпохи, а также смыслов, созданных эмоциональным состоянием автора текста.

В середине прошлого века на развитие психологической герменевтики сильно повлияли труды Г. П. Щедровицкого и его учение о системе мыследеятельности (СМД) [5]. Он разработал схему понимания, развил понятие «смысл», которое является одним из ключевых для герменевтики.

Принципиальное отличие теории Г. П. Щедровицкого от его предшественников в том, что он рассматривал мышление (и понимание) не в рамках культуры или внутреннего мира автора, а в рамках деятельности. Также как и А. А. Брудный, Г. П. Щедровицкий связывал понимание с ситуацией, в которой оно происходит, но в отличие от других исследователей он подчеркивал тесную связь понимания с мышлением: «*Понимание <...> выступает как определенная (смысловая) организация знаковой формы текста, осуществляющаяся в ходе соотнесения элементов текста с объектно-операциональными элементами ситуации* (можно говорить, что таким образом *восстанавливается* структура смысла, заложенная в текст процессом мышления), *и структурирование плоскости содержания соответственно смысловой структуре текста*» [5. С. 482]. Для Г. П. Щедровицкого понимание имеет структурированную форму, оно связано прежде всего с ситуацией и коммуникацией, а также с другими видами деятельности, которые задействуют мышление.

Понятие «смысл» в системе мыследеятельности рассматривалось в другой парадигме: «в качестве «побочного продукта» процесса мышления можно рассматривать *смысл* — связку из многих сопоставлений и соотнесений объектных и операциональных элементов ситуации друг с другом и с элементами текста, которую мы можем представить в виде статической *структуры* из отношений и связей между всеми этими элементами; связь между плоскостями содержания и знаковой формы, возникающая благодаря структуре смысла,

рассматривается как *объективное, или экстериоризованное, знание*» [5. С. 482]. Из этого определения следует, что понятие «смысл» трактуется в деятельностном аспекте, смысл – это не данность, а что-то текучее и движущееся, постоянно получаемое с помощью сопоставления и соотнесения статичных элементов текста. Г. П. Щедровицкий отмечал существование множественности индивидуальных смыслов текста, возникающее при прочтении текста разными читателями.

Говоря о развитии психологической герменевтики, необходимо упомянуть термин «рефлексия». Рефлексия трактуется как осмысление своих собственных действий, а также как оценка текстов на основе собственного мировоззрения, позволяющая глубже понять текст. О явлении рефлексии задумывались еще Аристотель и Платон, хотя термин появился только в трудах Локка и Лейбница. Со временем он претерпевал изменения, и в современных теориях он имеет деятельностные характеристики: рефлексия может рассматриваться как процесс и как структура деятельности, а также как определение формальных правил, управляющих конструированием моделей теории деятельности [5. С. 273]. Термин рефлексия широко разрабатывался также в рамках филологической герменевтики, в трудах Г. И. Богина [1] и его школы.

Психологическое направление в герменевтике сместило вектор исследования текста, и его интерпретация стала производиться с учетом личности читателя, его внутреннего мира, а также с учетом внутреннего мира автора текста. Это изменило трактовку таких терминов, как «понимание», «смысл» и «текст», открыло дорогу для появления других герменевтических направлений.

Список литературы

1. Богин, Г. И. Обретение способности понимать: Введение в герменевтику. М. : Психология и Бизнес Онлайн, 2001.
2. Брудный, А. А. Психологическая герменевтика. М. : Лабиринт, 2005.
3. Дильтей. Герменевтика и теория литературы. М. : Дом интеллектуальной книги, 2001.

List of literature

1. Bogin, G. I. Obretenie sposobnosti ponimat': Vvedenie v germe-nevtiku. M. : Psihologija i Biznes Onlajn, 2001.
2. Brudnyj, A. A. Psihologicheskaja germe-nevtika. M. : Labirint, 2005.
3. Dil'tej. Germenevtika i teorija literatury. M. : Dom intellektual'noj knigi, 2001.

4. Lee, I. J. Why Go Astray // Language. Meaning and Maturity: Selection from ETC (A Review of General Semantics). 1943–1953, ed. by Hayakawa. N.Y., 1954. P. 42–49.
5. Щедровицкий, Г. П. Избранные труды. М. : Шк. Культ. Полит., 1995.
4. Lee, I. J. Why Go Astray // Language. Meaning and Maturity: Selection from ETC (A Review of General Semantics). 1943–1953, ed. by Hayakawa. N.Y., 1954. P. 42–49.
5. Wedrovickij, G. P. Izbrannye trudy. M. : Shk. Kul't. Polit., 1995.

ПЕРСУАЗИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СОВРЕМЕННОГО ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОГО ТЕКСТА

С. Ю. Полуйкова

Статья посвящена рассмотрению персуазивного потенциала современных просветительских текстов в аспекте его реализации в коммуникативных стратегиях.

Ключевые слова: персуазивность, коммуникативные стратегии, просветительский текст.

Актуальность исследования определяется существующим в современной лингвистике интересом к процессу речевого воздействия, к текстам, в которых реализуется это воздействие, а также необходимостью комплексного изучения и описания средств персуазивной коммуникации.

Просветительский дискурс как форма современной социальной практики представляет собой актуальный, но мало изученный объект исследования. До настоящего момента отечественные и зарубежные лингвистические исследования посвящены в основном «поучительным» трактатам эпохи Просвещения и более поздних времен.

Сейчас уже можно утверждать, что в рамках просветительского дискурса XXI века сложилось несколько направлений: профессиональное, правовое, медицинское; просвещение граждан, находящихся в экстремальных условиях (инвалидов, мигрантов и т. п.).

Современные просветительские тексты представлены как в виде печатной продукции (брошюры, буклеты, стикеры, календари, тексты на упаковке кондитерских изделий), так и в новых интерактивных формах (песни, шоу, комиксы, общение посредством электронной почты или в чате). Специфика различных просветительских текстов обусловлена их основной целью – воздействие на адресата с целью формирования у него релевантного знания и адекватного поведения – и проявляется в их композиционных, текстовых средствах и способах презентации, когнитивных моделях структурирования информационного пространства, в используемых коммуникативных стратегиях.

Исследование просветительского дискурса неизбежно предполагает обращение к его эффективности, к его интенциональному

аспекту, что предполагает изучение его персуазивного потенциала. По определению В. Е. Чернявской, **персуазивность** – это воздействие автора устного или письменного сообщения на адресата с целью убедить в чем-либо, призвать совершать или не совершать те или иные действия [2. С. 25].

Как правило, персуазивное воздействие предполагает достижение цели путем убеждения через рациональное обоснование той или иной идеи. Однако оно предполагает также опору на эмоционально-оценочные средства воздействия. Поэтому в рамках данной статьи рассмотрим рациональные и эмоциональные коммуникативные стратегии, обладающие персуазивным потенциалом.

Материалом для исследования стали тексты русскоязычных и немецкоязычных просветительских брошюр, сайтов и опубликованные стенограммы он-лайн-консультирования Федерального центра медицинского просвещения в Германии (**Bundeszentrale für gesundheitliche Aufklärung**).

В рамках **рациональной** аргументации в немецкоязычных просветительских текстах, посвященных различным аспектам здорового образа жизни, наиболее популярным является перечисление статических данных, негативных фактов и последствий проблемной ситуации:

Tabakrauch enthält eine Vielzahl von Schadstoffen wie Kohlenmonoxid, Stickstoffoxide, Kadmium, Zink, Nickel, flüchtige Aldehyde, Benzole, polycyclische aromatische Kohlenwasserstoffe und Blei. Diese Schadstoffe verursachen weitreichende gesundheitliche Folgeschäden.

Также объектом перечисления становятся позитивные изменения, как следствия решения проблемы, например, описывается хронология позитивных явлений в организме человека после того, как он бросил курить:

... die positiven körperlichen Veränderungen <...> Nach 20 Minuten: Puls und Blutdruck sinken auf normale Werte, die Körpertemperatur in Händen und Füßen steigt auf die normale Höhe. Nach 8 Stunden: Der Kohlenmonoxid-Spiegel im Blut sinkt, der Sauerstoff-Spiegel steigt auf normale Höhe.

В качестве аргумента может выступать *экономическая выгода*. Например, в немецкой брошюре о вреде курения приводятся подробные математические расчеты, сколько можно сэкономить, не покупая сигареты (хотя адресат мог бы сам произвести эти расчеты): одна пачка сигарет в месяц – 110 евро, две пачки – 220 евро, три пач-

ки – 330 евро. Для автора важно, чтобы адресат увидел прогрессию и уже достаточно убедительную сумму в 330 евро.

Die Tabaksteuer wurde zum 1. September 2005 noch einmal erhöht. Die derzeitigen Kosten für eine Schachtel Zigaretten machen es ganz einfach, die *finanzielle Belastung* – oder *besser finanzielle Einsparungen* – zu berechnen: *eine Schachtel pro Tag entspricht etwa 110 € im Monat, 2 Schachtel 220 € und 3 Schachtel 330 €.*

Отметим еще одну важную тактику, используемую автором, - *перевод негативного в позитивное*, акцент на выгоде: уточнение «посчитать не затраты, а лучше экономию». И адресат считает вслед за автором уже *свои сэкономленные* деньги.

Для усиления *собственной позиции* автор ссылается на мнения других (а) или на данные исследований (в):

(а) *Raucher haben auch von diesen Suchtphänomenen gesprochen.*

(в) *Die amerikanische Krebsgesundheit hat die positiven körperlichen Veränderungen zusammengestellt*

Выстраивая свою аргументацию, автор просветительского текста прогнозирует возможные сомнения адресата и заранее их опровергает (*тактика опережающей контраргументации*).

Потенциальные возражения могут быть сформулированы эксплицитно:

Manche können mir widersprechen: Lieber 60 Jahre in vollen Zügen genießen als 90 Jahre ein langweiliges Leben führen.

Объектом опережающей контраргументации становятся возможные сомнения адресата, которые подаются имплицитно:

Egal in welchem Alter – das Risiko eines vorzeitigen Todes verringert sich, und das schon kurz nach dem Rauchstopp!

Egal in welchem Alter – предполагаемые сомнения: возраст курильщика имеет большое значение, и в пожилом возрасте бросать курить не имеет смысла – или das schon kurz nach dem Rauchstopp – предполагаемые сомнения: чтобы получить эффект, нужно не курить продолжительное время.

Для опровержения возможных сомнений используется *тактика понижения*, когда потенциальные сомнения преподносятся как незначительные, несущественные, легко опровергаемые:

Und Ihre Bedenken, zu einem langweiligen und ungemütlichen Nicht-raucher zu werden, *können ebenfalls leicht entkräftet werden.*

Для *эмоционального* воздействия на адресата просветительского текста используется, в частности, прием метафоризации, позволяю-

щий создать в сознании реципиента яркие и запоминающиеся образы.

Eine Tabakentwöhnung ist sicherlich nicht leicht. Der Weg zur Abstinenz ist *kein lauschiger Spaziergang am Sommerabend*, sondern eher *ein Hürdenlauf*. Aber viele Raucher haben diese *Hürden gemeistert* und sind heute wieder Nichtraucher. *Die Hürden* übrigens, die es zu überwinden gilt, werden im Laufe des Ausstiegsprozesses *immer niedriger*, und die Abstände zwischen diesen „Hürden“ werden immer länger.

Тактики на повышение или понижение степени сложности проблемы обладают эмоционально-воздействующим потенциалом:

(a) Aids wird zum Tod! (b) AIDS ist eine Krankheit.

В первом случае СПИД приравнивается к смерти и не оставляет больному шанса выжить, во втором случае СПИД называется просто болезнью, а значит, его можно лечить.

Таким образом, анализ фактического материала позволяет говорить о наличии в современных просветительских текстах различных стратегий и тактик, обеспечивающих персуазивное воздействие (рациональное и эмоциональное) на адресат просветительского послания с целью формирования у него релевантного знания и адекватного поведения.

Список литературы

1. Баранов, А. Н. Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1990. 48 с.
2. Чернявская, В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. М. : Флинта: Наука, 2006. 136 с.

List of literature

1. Baranov, A. N. Lingvisticheska-ja teorija argumentacii (kognitivnyj podhod) : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. M., 1990. 48 s.
2. Chernjavskaja, V. E. Diskurs vlasti i vlast' diskursa: problemy rechevogo vozdejstvija. M. : Flinta: Nauka, 2006. 136 s.

**ЭКСПЛИКАЦИЯ ЗАПРЕТА
КАК «СТАТУСНЫЙ» РЕЧЕВОЙ АКТ**

Т. Е. Потапова

Данная статья может быть использована в дальнейших прагматических исследованиях, при чтении лекций в курсе лингвистики. Статья раскрывает прагматический аспект запретов с точки зрения «статусного» различия коммуникантов.

Ключевые слова: иллокуция, директивный речевой акт, адресат, запрет.

Методологической основой теории речевых актов (ТРА) послужили идеи позднего Л. Витгенштейна, который рассматривал язык как деятельность, осуществляемую людьми в конкретных общественных ситуациях, как особую форму общественного существования. Центральным понятием ТРА является понятие речевого акта (РА), который понимается как способ осуществления целенаправленных действий с помощью языковых средств в процессе речепроизводства. РА заключается в произнесении говорящим высказывания, адресованного слушающему в определенной обстановке и с конкретной целью.

В теории речевых актов (ТРА) речевой акт рассматривается как трехуровневое единство, включающее три вида деятельности: локутивную, иллокутивную и перлокутивную. Локутивный акт представляет собой совершения действия произнесения чего-либо, иллокутивный акт – совершения действия в процессе произнесения чего-либо, перлокутивный акт – совершения действия посредством произнесения чего-либо [1]. На основе понятия иллокуции строятся различные классификации. Но на качественно иной основе строит свою классификацию Дж. Серль. Таксономия Дж. Серля включает пять классов: репрезентативы сообщают слушающему о том, каково положение дел в действительности, фиксируя степень ответственности говорящего за истинность выражаемого суждения; директивы представляют собой попытку побудить слушающего к действию и таким образом воздействовать на положение дел в действительности; комиссивы возлагают на говорящего обязательство совершить

действие, что в свою очередь приведет к изменению положения дел в действительности; декларации вносят изменения в положение дел в мире путем установления соответствия между содержанием высказывания и реальностью [1]. Запрет относят к директивным речевым актам (ДРА) большинство исследователей [1; 2; 3; 4].

Запрет становится в последнее десятилетие объектов комплексного изучения и получает системное и всестороннее осмысление в рамках различных подходов – функционально-грамматического, модального, речеактового, прагматического и др. его структурно-когнитивная и семантическая организация, средства выражения изучаются в англистике, германистике, романистике, русистике и в ряде работ в рамках типологического подхода. Изучение запрета и средств его выражения осуществляется по-разному применительно к описываемым языкам, и постепенно складываются общетеоретические представления, которые становятся общей методологической базой для анализа этого феномена в целом.

Коммуникативный акт запрета может быть охарактеризован как «попытка заставить адресата высказывания не совершать какое-то действие (прекратить действие)» [5. С. 85]. По определению В. И. Карасика, «запрет представляет собой выражение воли говорящего, направленное на прекращение существующего, либо предотвращение возможного положения дел» [2. С. 71]. Подобные определения существуют у многих исследователей. Вместе с тем коммуникативно-прагматический статус запрета однозначно не определен. Одни исследователи выделяют запрет как отдельный РА класса декларативов, другие не выделяют его в своих классификациях вообще. И. Б. Шатуновский выводит запреты и разрешения за рамки пробуждений и говорит о них как о «деонтических речевых актах разрешения и запрещения» [6. С. 319]. Но большинство исследователей относят запрет к ДРА [1; 2; 3; 4]. Основанием для этого служит то, что основной целью запрета, как и всех директивов, является воздействие на коммуниканта.

Класс ДРА разнообразен: с одной стороны, в него входят приказы, инструкции, запреты, а с другой – просьбы, пожелания, советы. Я. Н. Еремеев считает, что «директив представляет собой весьма сложное явление, в основе которого лежит коммуникативное взаимодействие адресата и адресанта, при этом адресант, считая, что требуется совершить некоторое действие (либо не совершать определенное действие, как в случае с запретом), и, зная, что адресат имеет представ-

ление о том, как осуществляется такое действие, высказывает свою волю, говоря: «Сделай то-то!». Хотя адресат сам принимает решение о совершении или несвершении действия, адресант может в целях усиления воздействия использовать различные виды мотивации – угрозу, убеждение, просьбу и прочее, которые могут способствовать росту директивной иллюкутивной силы высказывания» [7. С.12].

В ДРА можно выделить три аспекта: семантический, синтаксический и прагматический [1]. Семантический аспект ДРА составляет пропозициональное содержание высказывания.

Синтаксический аспект ДРА составляет формальная сторона выражения коммуникативной интенции. К прагматическому аспекту ДРА относится целый ряд социолингвистических факторов: распределение первичных и вторичных коммуникативных ролей между участниками ДРА; распределение социальных ролей между коммуникантами; характер межличностных отношений; отношение коммуникантов к потенциальному действию [1].

При анализе ДРА В. И. Карасик использует ряд коммуникативных признаков, которые частично совпадают с характеристиками, изложенными в работах Е. И. Беляевой. Исследователь выделяет следующие признаки:

- тот, кто налагает запрет, то есть обладает правом на запрет;
- тот, кто выражает запрет, то есть формулирует запрет как перформатив;
- тот, кому адресован запрет;
- запретное потенциальное действие;
- санкции, то есть наказания за нарушения;
- реальные причины запрета, то есть, относится ли запрет к текущему или потенциально возможному действию;
- называемые причины запрета;
- сферы запрета (бытовая, юридическая, религиозная, медицинская, педагогическая, спортивная и т.д.);
- срок и место действия запрета;
- тональность запрета (степень категоричности);

Предложенные признаки распадаются на группы:

- признаки, свойственные всем речевым действиям (непосредственность/опосредованность и эксплицитность/имплицитность);
- признаки, свойственные всем директивам (степень категоричности, статусное взаимоотношение коммуникантов, внутренняя оценка позиции);

- признаки, свойственные разновидностям ДРА (организационная определенность пропозиции, пропозициональный знак) [2. С. 70].

На основании признака организационной определенности про- тивопоставляются два класса побуждений: директивы, регламенти- рующие структуру действия и его последовательность; директивы, дающие возможность адресату самостоятельно структурировать действие. К первому классу относятся инструкции и рецепты, ко второму – приказы, просьбы, рекомендации и запреты [2. С. 71–72]. То, что запрет всегда относится ко второму классу высказываний, вызывает сомнение, так как запрет в различных ситуациях сочетает в себе черты и первого и второго классов, например, запреты, вклю- ченные в инструкции, правила пользования и другие подобные доку- менты, имеют превентивный характер, и их целью является именно регламентация действий.

Существенным признаком ДРА являются статусные взаимоотно- шения участников общения: выделение ведущего и ведомого. Для вышестоящего характерны приказы, для нижестоящего – просьбы. По мнению исследователей, среди участников ситуации запрета су- ществует статусное неравенство [2; 4; 5].

1. There was a crowd at the door and a man was facing them from the top of the step, waving his arms to keep them back.

“It’s no good, friends. I am very sorry, but we can’t help it. We’ve been threatened twice with prosecution for over-crowding”. He turned facetious. “Never heard of an Orthodox Church getting into trouble for that. No, sir, no” [8].

2. The children discover the rowboat and, using the oars as poles, bump from bank to bank. When they dip their hands into the calm brown water, where no fish lives, a mother watching from beneath the walnut tree shrieks, “Keep your hands inside the boat! Uncle Jesse says the creek’s polluted!” [9].

В. И. Карасик отмечает, что право на запрет может исходить из различных источников, оно может быть «подкреплено статусными характеристиками родственного или институционального старшин- ства, физической и психической силы, собственности, особыми уме- ниями» [2. С. 78]. И. Б. Шатуновский говорит о том, что в случае за- прещений отношения между говорящим и слушающим могут быть не так формальны, как в приказах [6]. Углубляя идею статусного не- равенства коммуникантов, Е. А. Шмелева подчеркивает, что от под- чиненного говорящему слушающего ожидается «безусловное испол-

нение повеления» [4. С. 67]. С другой стороны, «ролевые отношения коммуникантов могут иметь относительный характер и, находясь в тесной связи с коммуникативной ситуацией, могут варьироваться вместе с ней» [10. С. 145]. Последнее интересно тем, что в реальной коммуникативной ситуации запреты могут следовать поочередно и исходить от обоих коммуникантов, что подтверждает вариативность статуса.

Подводя итог вышесказанному, можно сказать следующее, что запрет представляет собой выражение воли говорящего, направленное на прекращение существующего, либо предотвращение возможного положения дел. Другими словами, запреты, как все директивы, направлены на изменение окружающего мира с помощью речевых действий. Ожидаемая реакция состоит в том, чтобы адресат запрета выполнил каузируемое действие либо способствовал его выполнению.

Таким образом, запрет является «статусным» речевым актом. Все запреты могут быть разделены на те, в которых присутствует статусная маркированность, а также те, в которых отсутствует статусная заданность. В рамках этих групп запрет может осуществляться как в направлении от старшего к младшему, так и наоборот.

Список литературы

1. Беляева, Е. И. Грамматика и прагматика побуждения: англ. яз. Воронеж : изд-во ВГУ, 1992. 145 с.
2. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 447 с.
3. Астапенко, Е. В. Высказывания о ситуациях запрета: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2004. 18 с.
4. Шмелева, Е. А. Разрешение и запрещение как побудительные речевые акты // Семантика и прагматика повелительных предложений: сб. науч. тр. М., 1990. С. 66-71.

List of literature

1. Beljaeva, E. I. Grammatika i pragmatika pobuzhdenija: angl. jaz. Voronezh : izd-vo VGU, 1992. 145 s.
2. Karasik, V. I. Jazykovoju krug: lichnost', koncepty, diskurs. Volgograd: Peremena, 2002. 447 s.
3. Astapenko, E. V. Vyskazyvanija o situacijah zapreta: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tver', 2004. 18 s.
4. Shmeleva, E. A. Razreshenie i zaprewenie kak pobuditel'nye rechevye акты // Semantika i pragmatika povelitel'nyh predlozhenij: sb. nauch. tr. M., 1990. S. 66-71.

5. Ломакина, Н. А. репрезентация концепта «запрет» в рамках диалогического дискурса //Филология и культура. Материалы III междунар. науч. конф. 16-18 мая 2001 года. Ч. 1. Тамбов, 2001. 10 с.
6. Шатуновский, И. Б. Ресевые акты разрешения и запрещения в русском языке //Логический анализ языка : сб. науч.тр. / Языки этики. М. : Слово, 2000. С.319–331.
7. Еремеев, Я. Н. Директивные высказывания с точки зрения диалогического подхода //Теоретическая и прикладная лингвистика : сб. науч. тр. Воронеж : Изд-во ВГТУ, 2000. 126 с.
8. Doyle, A. C. The Land of Mist/ A.C. Doyle СПб. : КАРО, 2007. 146 p.
9. Updike, J. The Family Meadow/J. Updike СПб. : КАРО, 2006. P. 45-56.
10. Сафаров, Ш. О дискурсивно-прагматической природе ДРА // Текст: структура и анализ: сб. науч. тр. М. : изд-во Моск. гос. ун-та, 1988. С. 34–41.
5. Lomakina, N. A. reprezentacija koncepta «zapret» v ramkah dialogicheskogo diskursa // Filologija i kul'tura. Materialy III mezhdunar. nauch. konf. 16-18 maja 2001 goda. Ch. 1. Tambov, 2001. 10 s.
6. Shatunovskij, I. B. Resevye akty razreshenija i zaprewenija v russkom jazyke //Logicheskij analiz jazyka : sb. nauch.tr. / Jazyki jetiki. M. : Slovo, 2000. S.319–331.
7. Eremeev, Ja. N. Direktivnye vyskazyvanija s točki zrenija dialogicheskogo podhoda //Teoreticheseskaja i prikladnaja lingvistika : sb. nauch. tr. Voronezh : Izd-vo VGTU, 2000. 126 s.
8. Doyle, A. C. The Land of Mist/ A.C. Doyle SPb. : KARO, 2007. 146 r.
9. Updike, J. The Family Meadow/J. Updike SPb. : KARO, 2006. R. 45-56.
10. Safarov, Sh. O diskursivno-pragmaticheskoj prirode DRA // Tekst: struktura i analiz: sb. nauch. tr. M. : izd-vo Mosk. gos. un-ta, 1988. S. 34–41.

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОЛЕКТОВ ВО ФРАНЦИИ

А. А. Сидоров

Ставится проблема факторов формирования региолектов во Франции. Анализируются данные факторы. Рассматривается оппозиция «диалект - региолект» и перспективы развития региональных языков Франции.

Ключевые слова: диалект, региолект, фактор формирования региолекта, языковое состояние, условие.

Вопрос о региональных языках (региолектах) в их сопоставлении с диалектами представляет собой одну из актуальных проблем для романского языкознания. В наши дни активно исследуются теории о расслоении языка на определенные состояния. Исходя из оппозиции «диалект / литературный язык», которая, по мнению А. И. Домашнева, составляет «нижнюю и верхнюю опоры» членений языка, можно построить парадигму разных форм языка, основные ступени которых следующие: диалект – переходная зона – литературный язык [2. С. 112]. Эти ступени рассматриваются в более или менее сложной парадигме языковых состояний. Они складываются из многочисленных звеньев, которые условно объединяются в группы:

1) идиолект, язык одной семьи, язык одного села (коммуны), говор, патуа, бесписьменный диалект (территориальный и социальный);

2) группа диалектов, литературный территориальный диалект, который обычно существует дольше, чем «просто диалект», т.е. обычный бесписьменный диалект, например, валлонский литературный диалект французского языка, региональные особенности речи, совокупность которых приводит к образованию региональных говоров, региональный язык, региональный литературный язык, распадающиеся на «подварианты»;

3) литературный язык как национальный язык, т.е. нормированный или стандартный литературный язык, национальный, надрегиональный;

4) наднациональный язык.

Языковые состояния не являются статичными, в языке. Попадая в ту или иную языковую, историческую, социокультурную ситуацию, языковые состояния трансформируются вплоть до исчезновения, перерождаются одно в другое, образуя новые языковые состояния и ситуации. Г. В. Степанов утверждает, что элемент языкового состояния получает свою конкретность только в ситуации, т. е. когда он вступает в определенные отношения к другим элементам целостного образования [5. С. 31]. Соответственно эти отношения можно рассматривать как синтагматические.

Исследователи по-разному определяют языковые состояния. Они исходят не только из своих воззрений, но и из реальной ситуации в той или иной исследуемой области. Так, в итальянской Швейцарии (Тессин), по мнению А. Лурагги, наблюдается по меньшей мере семь языковых стояний: «импортированный» итальянский литературный язык, местное литературное койне, региональные (междиалектные) единства, региональная речь, диалекты, говоры, патуа [7. Р. 217].

Представление о языке как о сложной многослойной структуре возникло в лингвистике сравнительно недавно. Еще лет 10-15 тому назад лингвисты довольствовались противопоставлением литературного языка диалекту. Исследования разных состояний языка, связанные с социолингвистической проблематикой, производились без попыток установления соответствующей иерархии.

В «цепочке» языковых состояний как особое звено, существенное в наши дни, выделяется понятие «региональные говоры»/«региональный язык», обозначающее группу переходных неустойчивых языковых состояний. Региональный язык/говор (или просто региолект) является не только языковым состоянием, но и проявлением определенных языковых ситуаций. Именно поэтому региолекты нарушают последовательную диасистему языковых структур. Региолект – это звено в системе языковых состояний, находящееся в постоянном движении в отличие от диалекта, который в течение определенного исторического периода настолько устойчив, что приравнивается к понятию «язык».

Обратимся непосредственно к факторам формирования региолектов во Франции. В соответствии с *территориальным фактором* необходимо изучить, составляет ли французский региональный язык столь же определенно очерченное территориальное единство, как в прошлом французские диалекты? И, если составляет, то каковы особенности этого единства?

По сравнению с диалектами система региональных говоров как менее устойчивая территориально очерчена тоже менее определенно, точнее ее очерченность более случайна, по словам Е.А. Реферовской. Как правило, более открытые системы региональных говоров/языков занимают большее пространство, чем более замкнутые системы территориальных диалектов [3. С. 45]. Наряду с этим существуют регионализмы, территориально не выраженные или неустойчивые. Территориальное распространение, развитие из патуа региональных черт прослеживается при работе над «Лингвистическими атласами Франции по регионам» [8. Р. 112].

Исторический фактор, т. е. длительность существования регионального языка рассмотрим ниже. Можно предположить, что, если французские территориальные диалекты сформировались в конце XI – начале XII вв., то региональные формы речи как потенциальные системы появляются в начале XIX в. в результате французской буржуазной революции, прекратившей феодальную замкнутость. В XX в. эти потенциальные системы превращаются в реальные региональные системы. При этом нельзя отрицать существование отдельных регионализмов в виде локальных особенностей речи во все периоды существования французского языка.

Так, по мнению исследователя Сороколетова, в исследованиях по данной проблематике часто отмечают, что регионализмы существовали еще в старо- и среднефранцузском периодах развития французского языка [4. С. 59]. Однако следует учитывать разные типы региональности: в период средневековья «региональность» предшествовала созданию литературного языка, впитывая в себя диалектные элементы, в современных языках «региональность» - результат перерождения и отмирания территориальных диалектов и создания вариантов, региональных койне, занимающих промежуточное положение между литературной нормой и местным патуа.

Все уровни языка имеют свою специфику в диалектной и региональной речи, но в разной степени. Так, стилистические и синтаксические особенности, а также фразеологические в большей мере характеризуют региональную речь, чем диалектную, в то время как в диалектах фонетические (фонологические) отличия имеют более принципиально структурное значение, чем в региональной речи; различна и лексическая специфика диалектов и региолектов. Этот вопрос требует дальнейших исследований, поскольку региональный язык мало изучен.

Кроме того, диалекты и региолекты по-разному соотносятся с литературным языком: диалект четко противопоставлен литературному языку, в то время как у региолекта, по сравнению с диалектом, значительно больше точек соприкосновения с литературным языком. Возможно, следует говорить, что региональная речь (региональные языки) не столько противопоставлена литературному языку, сколько зависима от него.

Строго говоря, обе языковые формы – диалект и региональный язык – следует считать бесписьменными. Региолекты пронизывают ткань, прежде всего, разговорной формы языка. Тем не менее, известно, что на диалектах существует литература, и в этих случаях правомерно говорить о «литературных диалектах». Тем более возможна письменность на региональных языках, которые иногда выступают в виде литературных региональных языков. В настоящее время региональные языки получают все большую возможность письменной фиксации, например, в региональных СМИ.

Региональный язык изучен значительно меньше, чем диалектный, что не удивительно, поскольку это самая поздняя языковая формация. В течение длительного времени литературный язык противопоставлялся только диалектному; соотношение «литературный язык – региональный язык» возникло сравнительно недавно. О французском региональном писали преимущественно историки языка и диалектологи. К первым более или менее существенным высказываниям относятся наблюдения А. Фрея, изложенные в его «Грамматике ошибок» 1929 г. Автор отмечал многочисленные регионализмы, характеризуя их как свидетельства «продвинутого французского». А. Доза в своей книге «Патуа. Эволюция. Классификация. Исследование» тоже уделяет значительное внимание проявлениям регионального языка [6. Р. 78].

Серия «Лингвистические атласы Франции по регионам», издающаяся с 1950 г., возникла с целью исследования исчезающих диалектов (в настоящее время вышло около 40 томов этой серии). В процессе лингвогеографического обследования составители этих атласов неожиданно столкнулись с тем фактом, что они картографируют не только и столько диалекты, сколько нечто иное, требующее к себе особого внимания. Это «нечто иное» и было названо «французским региональным» или «французскими региональными» (*le français régional – les français régionaux*). Таким образом, обнаружилось, что в течение длительного времени полевые диалектологи, не осознавая

этого, включали в объект своего исследования не только диалекты, но и элементы региональных языков. Лишь недавно для них со всей очевидностью возник вопрос о том, чтобы расчленить (определить) объект исследования, что связано, с одной стороны, с отрицанием диалекта, с другой – с развитием региолектов.

Возможность картографирования диалектов очевидна. Сложнее обстоит дело с картографированием региолектов. Увлеченные еще со времен Ж. Жильерона картографированием французские лингвисты поставили вопрос о том, насколько целесообразно картографировать региональные языки. Карты новых региональных атласов показали, что для французского регионального языка территориальный критерий имеет известное значение. И все же до сих пор из-за недостаточной ясности общей характеристики и критериев региолектов вопрос об их картографировании остается открытым. Тем не менее, Г. Тойон, возглавивший современную лингвогеографическую школу после П. Гардетта, полагает, что при известных условиях все же метод картографирования должен быть применен и к изучению региональной речи. Эти условия следующие:

1) за основу следует взять обследование языка коммуны, а не региона (понятия, как пишет автор, «слишком сложного»;

2) для каждого пункта необходимо использовать по несколько очень разных (по возрасту, профессии, полу и т. д.) информаторов;

3) каждый факт должен быть изучен с точки зрения его частотности, что даст возможность исчислить его устойчивость или неустойчивость;

4) необходимо детально зарегистрировать социокультурную характеристику каждого информатора для того, чтобы при необходимости можно было бы объяснить географические аномалии.

Только при этих условиях, заключает автор, по-видимому, французские регионализмы могут быть картографированы [9. Р. 26].

Языковая характеристика французского регионального языка связана с тем пониманием региона, которое предложено французскими географами и этнографами. Имеется в виду единый природный комплекс, связанный с человеком, с его взаимоотношениями и психологией, его бытом, с производством. Таким образом, не случайно, что вопрос о региональных языках впервые широко поставлен именно во Франции, как, соответственно, не случайно и то, что во Франции возникло и получило широкое развитие новое направление в лингвистике – направление географической лингвистики (или

лингвогеографии). Из теоретической географии и истории науки широко известно, что именно Франция еще с XVII в. является центром географической мысли. Своеобразие французской географической школы сказалось с наибольшей и на рубеже XIX – XX столетий, когда появилось региональное направление как синтез физической географии и «географии человека» [1. С. 14].

В этот же период французская географическая мысль в лице Э. Реклю, П. Видаля де ля Бланша и др. подошла к определению существования природно-территориальных образований (регионов) как единой системы взаимосвязанных и взаимозависимых компонентов географической и экономической среды [10. Р. 332]. Таким образом, французская филология заимствовала у географии не только ее методику исследования (картографирование), но и комплексное представление о регионе как явлении физико-географическом, но и одновременно связанном с человеком.

Очевидно, что поставленные проблемы формирования французских региолектов и их становления требуют глубокого анализа с позиции различных методов исследования. Перечень задач, поставленных перед романистами в этой области знания, будет только множиться, поскольку региолект – это современное, развивающееся «оружие», используемое человеком в условиях процесса глобализации.

Список литературы

1. Александровская, О. А. Французская географическая школа конца XIX – начала XX века, М., 1972. С. 14.
2. Домашнев, А.И. Современный немецкий язык в его национальных вариантах. Л. : Наука, 1980. С. 112.
3. Реферовская, Е.А. Французский язык в Канаде. Л. : Наука, 1972. С. 45.
4. Сороколетов, Ф.П. Диалектная лексика. Л., 1978. С. 59.
5. Степанов, Г.В. Типология языковых состояний и ситуаций в

List of literature

1. Aleksandrovskaja, O. A. Francuzskaja geograficheskaia shkola konca XIX – nachala XX veka, M., 1972. S. 14.
2. Domashnev, A.I. Sovremennyj nemeckij jazyk v ego nacional'nyh variantah. L. : Nauka, 1980. S. 112.
3. Referovskaja, E.A. Francuzskij jazyk v Kanade. L. : Nauka, 1972. S. 45.
4. Sorokoletov, F.P. Dialektnaja leksika. L., 1978. S. 59.
5. Stepanov, G.V. Tipologija jazykovykh sostojanij i situacij v stranah

- странах романской речи. М. : Наука, 1976. С. 31.
6. Dauzat, A. Les patois. P., Delagrave, 1946. P. 78.
7. Luratti, A. Etats de langues régionales, P., 1976. P. 217.
8. Pohl, W. Conceptions of Ethnicity in Early Medieval studies. New York, 1979. P. 112.
9. Tauillon, G. Les régionalismes du français parlé à Vourey, village dauphinois. Grenoble, 1998. P. 26.
10. De la Blanche, V. La répartition de la population dans le bassin de la Sarre et les; régions avoisinantes, P., 1911. P. 332.
- romanskoj rechi. M. : Nauka, 1976. S. 31.
6. Dauzat, A. Les patois. P., Delagrave, 1946. P. 78.
7. Luratti, A. Etats de langues régionales, P., 1976. P. 217.
8. Pohl, W. Conceptions of Ethnicity in Early Medieval studies. New York, 1979. P. 112.
9. Tauillon, G. Les régionalismes du français parlé à Vourey, village dauphinois. Grenoble, 1998. P. 26.
10. De la Blanche, V. La répartition de la population dans le bassin de la Sarre et les; régions avoisinantes, P., 1911. P. 332.

**РЕАЛИЗАЦИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
СТЕРЕОТИПОВ В ТЕКСТАХ ФРАНЦУЗСКИХ
«БЫТОВЫХ» АНЕКДОТОВ**

М. О. Шаповалов

В этой статье рассматривается реализация и этнокультурные особенности стереотипов в анекдотах о повседневной жизни (бытовые), а также их процентное соотношение.

Ключевые слова: анекдот, стереотип, гендерный, лингвокультурная среда, фоновые знания.

Совершенно очевидно, что существует национальные особенности юмора, что в пределах каждой из национальных культур разные социальные слои обладают различным чувством юмора и разными средствами его выражения.

Анекдот, несомненно, является текстом лингвокультурным, то есть таким текстом, в котором на языковом уровне проявляются культурные особенности той или иной лингвокультурной среды, особенности национального характера и менталитета, специфика ценностной картины мира и универсальные и национально-культурные стереотипы, а так же гендерные стереотипы, о которых также пойдет речь в данной статье.

Гендерные стереотипы – сформировавшиеся в культуре обобщенные представления (убеждения) о том, как действительно ведут себя мужчины и женщины [1. С. 39]

Гендерные стереотипы наиболее часто встречаются, на наш взгляд, в текстах «бытовых» анекдотов. Данный вид анекдотов может считаться средством культурной идентификации, так как здесь при обычном высмеивании персонажа при шутовском переворачивании общепринятых норм и насмешках над стандартной логикой мы можем сразу определить о какой культуре идет речь.

Нет ни каких сомнений, что бытовой анекдот является способом социальных и морально-этических ценностей социума. Он, прежде всего, базируется на различных представлениях, гетеростереотипах, которые отражают субъективное видение, особое восприятие представителей лингвокультурной среды. В этих анекдотах очень часто

высмеиваются различные недостатки, такие как жадность, скудость, трусость, глупость, безделье, супружеская измена и т. д., которые противоречат социальным, моральным либо же этическим ценностям социума данной лингвокультурной среды.

В ходе нашего исследования нами было рассмотрено более 200 анекдотов бытовой тематики. Мы получили следующее соотношение стереотипных тем (недостатков, ситуаций и т.д.) высмеиваемых в них

тема (недостаток, ситуация и т.д.)	%
Супружеская жизнь / отношения	32,14 %
Глупость	25 %
Алкоголизм	21,43 %
Супружеская измена	8,93 %
Жадность	7,14 %
Другие недостатки (лень, пороки)	5,36 %

Семейные отношения – одна из самых ярких тем в анекдотах любой страны мира, однако в силу различных стереотипов, специфики национального характера и особой лингвоментальности анекдоты представителей различных общностей имеют национально-культурные особенности, хотя в тоже время они достаточно универсальны. Порой универсальный стереотип проявляется по-разному благодаря, например, бесшабашности французского юмора. Возможно, поэтому анекдот понятен «своим» и непонятен «чужим».

Анекдотов о семейных отношениях много в каждой лингвокультурной среде. Этот факт объясняет преобладающее количество проанализированных нами анекдотов по этой тематике. Семейные отношения – многогранны и противоречивы. Их герои муж, жена, дети и родственники. В анекдотах о семейной жизни реализуются стереотипы, которые сложились в обществе по отношению к семейной жизни. Иногда в одном анекдоте реализуются несколько стереотипов.

Необходимо упомянуть и об анекдотах высмеивающих такой недостаток как алкоголизм (21,4 %). Надо заметить, что эта тема во французских анекдотах очень распространена, также как и в русских. Причиной является большая любовь французов к вину (аппериф, дижестиф).

Надо также отметить, что большинство из рассмотренных нами стереотипов (71,43%) относятся к мужчинам, а к женщинам (28,57%). Таким образом, можно говорить, что в бытовых анекдотах преобладают ярко выраженные мужские гендерные стереотипы.

Кроме того, при более конкретном рассмотрении процентного соотношения данных стереотипов мы выявили следующее:

тема (недостаток, ситуация и т.д.)	Мужчины %	Женщины %
Глупость	63,7%	22,7%
Алкоголизм	86,6%	13,4%
Супружеская измена	37,1%	62,9%
Жадность	91,2%	8,8%
Другие недостатки (лень, пороки)	42%	58%

Мы можем видеть, что в большинстве бытовых анекдотов преобладают мужские гендерные стереотипы (кроме анекдотов, в которых встречается стереотипное представление о супружеской измене).

Анекдоты, героями которых становятся муж, жена и любовник (любовница) характерны как для русской так и для французской лингвокультурной среды, в большинстве печатных изданий они изобилуют пикантными подробностями и фамильярной, а порой и ненормативной лексикой. Сама тема анекдотов стереотипна – жена постоянно изменяет мужу (хотя может быть и наоборот).

Для понимания бытовых анекдотов необходимо наличие общих фоновых знаний об устройстве окружающего мира, о реалиях, о событиях, происходящих в стране и мире. Но этого недостаточно. Необходимым элементом фоновых знаний оказываются знания об устройстве вымышленного мира, в котором действуют персонажи анекдотов, имеющие собственные внешние, речевые и поведенческие характеристики.

Подводя итог, мы можем сказать, что реализация и этнокультурные особенности стереотипов в текстах бытовых анекдотов достаточно широки и разнообразны. Для их понимания необходимо наличие общих фоновых знаний об устройстве окружающего мира, о реалиях, о событиях, происходящих в стране и мире.

Список литературы

1. Словарь гендерных терминов / Под ред. А. А. Денисовой. М., 2002. 255 с.

List of literature

1. Slovar' gendernyh terminov / Pod red. A. A. Denisovoj. M., 2002. 255 s.

ЯЗЫК ПОЛИТИКИ

МИТИГАТИВНЫЕ ТАКТИКИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Написано при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России 2009-2013» (Госконтракт № П-737)

С. С. Тахтарова

Статья посвящена лингвистическому описанию специфики политической коммуникации, выражающейся в различных стратегиях и тактиках, пребывающих в состоянии перманентно изменчивого взаимодействия языка и политики.

Ключевые слова: митигативные тактики, политический дискурс, политическая коммуникация.

Проблемы взаимодействия языка и политики относятся в настоящее время к наиболее актуальным в лингвистической науке. Не вызывает сомнения тот факт, что коммуникативные способности политических деятелей во многом определяют эффективность проводимой ими политики. Изучение влияния языкового варьирования и структур речевой коммуникации на политику привело к появлению нового направления в языкознании – политической лингвистики, предметом изучения которой является политический дискурс как «...некоторая совокупность дискурсивных практик, идентифицирующих участников определенного акта политической коммуникации» [5. С. 6]. В фокус исследовательского интереса при этом включаются различные аспекты этой области речевой деятельности - семиотический, социолингвистический, риторический, стратегический, функциональный, аксиологический, эмоционально-эмотивный и многие другие. При этом большинство исследователей, занимающихся проблемами политической коммуникации, выделяют в качестве основной регулятивно-воздействующую функцию политического дискурса, обусловленную его целевой направленностью (борьба за власть, овладение ею, сохранение, осуществление, стабилизация и перераспределение), а концепт «власть» отмечается в качестве ключевой ценности политического дискурса [9. С. 34]. Именно этим объясняется тот факт, что для по-

литического дискурса проблема отбора языковых средств при реализации говорящим своих интенций играет особую роль. Ещё К. Хадсон отмечал, что сущность языка политики определяется не столько тем, что говорится, сколько тем, как это говорится [10].

М. Р. Желтухина, анализируя поведение (вербальное и невербальное) политика в ходе предвыборной компании, отражаемое средствами масс-медиальной коммуникации, выделяет в качестве одного из факторов успешности избирательного процесса фактор симпатии к адресанту [2. С. 115]. **Так, например, обещание перемен к лучшему, содержащиеся в подавляющем большинстве предвыборных программ, составляет основу политического убеждения и завоевания электората.** Вместе с тем, как справедливо отмечает Е. Г. Борисова, обещания лучше формулировать осторожно (особенно наименее реалистичные – могут припомнить, если они не будут выполнены), подводя адресата к самостоятельным выводам из косвенных, имплицитных формулировок [1. С. 37]. По мнению А. П. Чудинова, разделяемому в настоящем исследовании, имплицитная информация, выраженная в подтексте, в косвенных формах, играет в политической речи зачастую не менее значимую роль, чем информация, представленная эксплицитно [8. С. 83]. **Игнорирование данной особенности политического дискурса может, среди прочего, привести к тому, что излишне категоричная, агрессивная в содержательном и количественном плане политическая реклама вызывает отторжение у избирателей.** Эксплицитное усиление предвыборной иллюзии вместо ожидаемого повышения эффективности агитации приводит к коммуникативному и, как следствие, к политическому провалу.

Тем самым политику в речевом поведении приходится постоянно варьировать интенсивность иллюзивной силы своих высказываний, в стремлении найти оптимальный баланс между убедительной, эксплицитно воздействующей категоричностью и неопределенностью, обеспечивающей необходимую защиту (в том числе и юридическую) в тех случаях, когда высказанные обещания или оценки могут повлечь за собой определенные санкции со стороны общества. Не случайно поэтому тезис о смысловой неопределенности языка политики стал, по справедливому замечанию Е. И. Шейгал, общим местом в лингвистических исследованиях и политической публицистике [9. С. 49]. Конвенциональными средствами реализации смысловой неопределенности в анализируемом виде дискурса являются, среди прочего, политические эвфемизмы и политически корректная лексика.

Политическая эвфемия, представляющая собой результат своеобразного компромисса между семантикой (отражением сущности денотата) и прагматикой (отражением интересов говорящего), содержит, как отмечает Е. И. Шейгал, имплицитную пропозицию, входящую в прагматическую зону значения эвфемизма и выражающую отказ говорящего от прямой номинации: «Я не хотел бы заходить слишком далеко и называть вещи своими именами» [9. С. 189]. **Политическая корректность** рассматривается как поведенческий и языковой феномен, направленный на преодоление существующих в обществе негативных стереотипов и дискриминаций по отношению к определенным группам людей (этническим и сексуальным меньшинствам, инвалидам, людям низкого социального статуса и проч.) [7. С. 94]. Таким образом, сфера реализации политической корректности, прагматической доминантой которой является смягчение дискриминации в коммуникации, более ограничена по сравнению с эвфемией. Следует также отметить, что политическая корректность тесно связана с толерантностью как проявлением терпимости к инаковости.

Политическая эвфемия и политическая корректность, реализуясь достаточно ритуальными, стереотипными стратегиями и тактиками, обусловлены рядом мотивов, в частности, – стремлением смягчить остроту социальных проблем для снятия общественной напряженности / социального конфликта и стремлением избежать потери лица говорящего или адресата [9. С. 180–184]. **При реализации указанных** мотивов эвфемия и политкорректность представляют собой своеобразную реализацию принципа вежливости, в силу того, что они направлены на предотвращение конфликта и на защиту имиджа коммуникантов.

В исследовании В. В. Панина, посвященном анализу политической корректности как культурно-поведенческой и языковой категории, в качестве основной функции эвфемизмов вообще и политкорректных эвфемизмов, в частности, выделяется функция смягчения, направленная на нейтрализацию отрицательных компонентов значения и смягчение коммуникативного эффекта высказывания из сообщений деликатности, сочувствия, скромности и т. п. [4. С. 86–87].

В последние годы наблюдается процесс активного использования стратегий и тактик политической корректности в профессиональном и повседневном межличностном дискурсах. Так, например, в одном из романов Дарьи Донцовой можно найти такую достаточно ироничную характеристику политической корректности:

- Очевидно, Косарь были свойственны резкие, безапелляционные суждения. Чего-чего, а корректности в ней не было ни капли. А в наш век от человека требуется обтекаемо говорить о малоприятных вещах. Уборщица теперь в штатном расписании называется «мастер аппарата по очистке помещений». Под аппаратом подразумеваются швабра или ведро с тряпкой. Скандал во время совещания, откровенная стычка с применением кулаков, определяется как «бурная дискуссия по острому вопросу», неуемное обжорство – «булимия», а полное отсутствие вкуса в одежде и косметике – «смелое решение» [1. С. 32].

Все большую популярность завоевывают в сфере бизнеса такие наименования профессий, как *офис-менеджер* (секретарь), *менеджер торгового зала* (продавец) и т.п. Интересные примеры политкорректных переименований неоднозначных в плане престижности профессий содержатся в словаре эвфемизмов М. Л. Ковшовой: *оператор на бойне* (забойщик мяса), *оператор очистных работ* (уборщик, ассенизатор), *киносексопатолог* (инструктор по вязке собак), *эколог торгового зала* (уборщица в магазине) и проч. [3. С. 303].

Аналогичные примеры можно встретить и немецкой дискурсивной практике:

- *Das keine Dreckarbeit, das ist eine humanitäre Arbeit für die Mitmenschen* [2. С. 44].

- *Ist das auch ein Grund, warum man nicht mehr Putzfrau sagt, sondern Raumpflegerin* [3. С. 110].

Таким образом, в политическом дискурсе наблюдается, по справедливому замечанию Е. И. Шейгал, конфликт двух тенденций – к понятийной точности и смысловой неопределенности [9. С. 49]. Среди прагматических факторов, обуславливающих смысловую неопределенность и заставляющих политиков стремиться не к снятию, а к сохранению неопределенности понятийного содержания знаков, выделяются, наряду с манипулятивными причинами, стремление спасти лицо и потребность избегать конфликтов, которые непосредственно связаны с митигативными прескрипциями, конституирующими категорию коммуникативного смягчения.

Коммуникативное смягчение или митигация определяется нами как коммуникативная категория, основным содержанием которой являются прескрипции, установки и правила коммуникативного смягчения, обусловленные максимами вежливости и реализуемые в общении митигативными стратегиями и тактиками, направленными

на сохранение коммуникативного баланса в межличностной коммуникации [6. С. 90). К основным прескрипциям смягчения относятся: антиконфликтность, некатегоричность, неимпозитивность, глорификация и эмоциональная сдержанность.

Исходя из вышеизложенного, можно предположить, что стратегии и тактики смягчения играют важную роль в политическом дискурсе, репрезентируя различные интенции субъектов политической коммуникации, прежде всего, направленность на сохранение имиджа. В этой связи особое значение приобретают исследования, посвященные изучению наиболее эффективных стратегий и тактик в различных жанрах политической коммуникации, и, прежде всего, стратегий косвенного убеждения, которые строятся на сознательном смягчении иллокутивной силы высказываний, т.е. на использовании митигативных стратегий и тактик, что особенно ярко проявляется в жанре политического интервью, который, в отличие от других жанров политического дискурса, характеризуется более высоким уровнем диалогичности, спонтанности реакций интерактантов, большей ориентированностью на конкретного адресата, следовательно, в интервью в большей степени представлено межличностное общение. В интервью у политика больше шансов проявить свою коммуникативную компетентность и речевую креативность. Жанр интервью занимает, по мнению Е. И. Шейгал, центральное место в поле политического дискурса, так как в нем наименее опосредовано выражен голос политика как представителя института и как личности [9. С. 26]. Исходя из этого, можно предположить, что в ситуации интервьюирования политик, как и в ситуации повседневной речевой интеракции, должен руководствоваться нормами и правилами коммуникации, определяющими общую позитивность протекания речевого контакта. Принципы вежливости, ориентированности на адресата определяют выбор политиком языковых средств при формулировании своих ответов, что, в конечном итоге, должно служить целям позитивной самопрезентации интервьюируемого. Именно поэтому, как нам представляется, категория коммуникативного смягчения, особенно релевантна для жанра интервью. Проиллюстрируем это примерами, отобранными из ряда интервью с Ангелой Меркель и Дмитрием Медведевым, опубликованных в Интернете [www.bundeskanzlerin.de; www.kremlin.ru].

В большинстве анализируемых случаев смягчению подвергается оценочная иллокуция. В ситуации интервью политик вынужден да-

вать оценку либо себе, либо третьим лицам, не участвующим непосредственно в коммуникации. Как показывает анализ фактического материала, стратегия оценочного смягчения может реализовываться при помощи следующих тактик:

1) подчеркивания субъективности мнения:

- *Ich glaube, ich war eine gute Physikerin, zwar keine überragende, die etwa nobelpreisverdächtig gewesen wäre, aber eine gute.*

- *Я думаю, что это правильно, и я его в этом смысле полностью поддерживаю, и те инициативы, которые он с присущим ему изысканием периодически предпринимает.*

2) неопределенной референции:

- *...Sicherlich habe ich ein paar Fähigkeiten, die zu meinem Werdegang beigetragen haben.*

- *Хотя некоторые тенденции в мировой финансовой и экономической системе свидетельствуют о том, что позитивные сигналы всё-таки есть.*

3) семантического ограничения:

- *Aber wenn es um die Vollmitgliedschaft, wenn es um den Europäischen Gerichtshof geht oder um Bildungsfragen, da wird die Sache etwas komplizierter.*

- *У нас с Северной Кореей традиционно существовали вполне хорошие партнерские отношения.*

4) модусного ограничения:

- *Vielleicht hat Krause das gelesen und, weil er mir nicht gerade wohlgesinnt ist, gleich noch mal weiter zugespitzt.*

- *Вот это, наверное, такое магистральное направление для того, чтобы постараться противодействовать этому очень сложному российскому заболеванию.*

5) литотного смягчения:

- *Leider wird Europa bis zum Jahr 2020 nicht die dynamischste Region der Welt sein.*

- *Что же касается дополнительных санкций, то мне представляется, они всегда не очень продуктивны.*

6) дейктической деперсонализации:

- *Man sollte natürlich nicht dazu übergehen, alles nur noch nach der Mühe zu beurteilen. Aber man muss im Leben schon kämpfen, um etwas zu bekommen. Und wer kämpft, sollte dafür auch belohnt werden.*

- *Но помимо, собственно, разоруженческих вопросов, как принято говорить, у нас обширная повестка дня по другим делам.*

Завершить анализ высказываний, содержащих смягченную оценку, хотелось бы фразой, сказанной А. Меркель в одном из интервью и отражающей не только специфику политического дискурса, но и коммуникации в целом:

- Immer das zu sagen, was man denkt, würde doch auch geradewegs ins Chaos führen. – Всегда говорить то, что думаешь, было бы прямой дорогой в хаос (перевод наш – С. Т.).

Таким образом, категория смягчения является одной из ключевых коммуникативных категорий, которая наряду с вежливостью и толерантностью регулирует речевое поведение коммуникантов в процессе политической коммуникации. Основными интенциями, репрезентируемыми в политическом дискурсе стратегиями и тактиками смягчения, являются интенции самосохранения (осторожность или защита лица адресанта или адресата, а также третьих лиц) и неявной самопрезентации. Конкретные языковые и речевые средства, реализующие митигативные тактики, входят в подъязык политического дискурса, а сами тактики являются достаточно клишированными, стереотипно-ритуальными. Знание и умелое использование указанных тактик несомненно должно входить в интерактивную компетенцию политика, с необходимостью предполагающую соблюдение постулатов общения, с учетом их специфики в политическом дискурсе, к которым с полным основанием можно отнести и митигативные предскрипции.

Список литературы

1. Борисова, Е. Г. Алгоритмы воздействия. М., 2005. 140 с.
2. Желтухина, М. Р. Специфика влияния вербалики и невербалики масс-медиальной коммуникации на избирательный процесс // Массовая культура на рубеже XX–XXI веков: Человек и его дискурс: сб. науч. тр. / под ред. Ю. А. Сорокина, М. Р. Желтухиной. ИЯ РАН. М. : Азбуквник, 2003. С. 109-132.
3. Ковшова, М. Л. Семантика и прагматика эвфемизмов. Краткий терминологический словарь современных русских эвфемиз-

List of literature

1. Borisova, E. G. Algoritmy vozdejstvija. M., 2005. 140 s.
2. Zheltuhina, M. R. Specifika vlijanija verbaliki i neverbaliki mass-medial'noj kommunikacii na izbiratel'nyj process // Massovaja kul'tura na rubezhe HH–HHI vekov: Chelovek i ego diskurs: sb. nauch. tr. / pod red. Ju. A. Sorokina, M. R. Zheltuhinoj. IJA RAN. M. : Azbukovnik, 2003. S. 109-132.
3. Kovshova, M. L. Semantika i pragmatika jevfemizmov. Kratkij terminologicheskij slovar' sovremennyh russkih jevfemizmov. M. :

- мов. М. : Гнозис, 2007. 320 с.
4. Панин, В. В. Политическая корректность как культурно-поведенческая и языковая категория : дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2004. 231 с.
5. Романов, А. А. Политическая лингвистика: Функциональный подход. М.-Тверь : ИЯ РАН, ТвГУ, 2002. 191 с.
6. Тахтарова, С. С. Категория коммуникативного смягчения (когнитивно-дискурсивный и этнокультурный аспекты) : моногр. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2009. 382 с.
7. Цурикова, Л. В. Политическая корректность как социокультурный и прагмалингвистический феномен // Эссе о социальной власти языка. Воронеж, 2001. С. 94-102.
8. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. М. : Флинта, 2006. 256 с.
9. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса. М. : ИТДГК «Гнозис», 2004. 326 с.
10. Hudson, K. The Language of Modern Politics. London: Macmillan, 1987. 167 p.
- Gnozis, 2007. 320 s.
4. Panin, V. V. Politicheskaja korrektnost' kak kul'turno-povedencheskaja i jazykovaja kategorija : dis. ... kand. filol. nauk. Tjumen', 2004. 231 s.
5. Romanov, A. A. Politicheskaja lingvistika: Funkcional'nyj podhod. M.-Tver' : IJa RAN, TvGU, 2002. 191 s.
6. Tahtarova, S. S. Kategorija kommunikativnogo smjagchenija (kognitivno-diskursivnyj i jetnokul'turnyj aspekty) : monogr. Volgograd : Izd-vo VolGU, 2009. 382 s.
7. Curikova, L. V. Politicheskaja korrektnost' kak sociokul'turnyj i pragmalingvisticheskij fenomen // Jesse o social'noj vlasti jazyka. Voronezh, 2001. S. 94-102.
8. Chudinov, A. P. Politicheskaja lingvistika: ucheb. posobie. M. : Flinta, 2006. 256 s.
9. Shejgal, E. I. Semiotika politicheskogo diskursa. M. : ITDGK «Gnozis», 2004. 326 s.
10. Hudson, K. The Language of Modern Politics. London: Macmillan, 1987. 167 p.

Источники

1. Донцова, Д. А. Полет над гнездом Индюшки. М. : Изд-во Эксмо, 2008. 352с.
2. Papa, - Charly hat gesagt... Hamburg: Rowohlt Taschenbuch V., 1980. B.4. 157 s.
3. Papa, - Charly hat gesagt... Hamburg: Rowohlt Taschenbuch V., 1985. B.6. 157 s.

Sources

1. Doncova, D. A. Polet nad gnezdom Indjushki. M. : Izd-vo Jeksmo, 2008. 352s.
2. Papa, - Charly hat gesagt... Hamburg: Rowohlt Taschenbuch V., 1980. B.4. 157 s.
3. Papa, - Charly hat gesagt... Hamburg: Rowohlt Taschenbuch V., 1985. B.6. 157 s.

ЯЗЫК СМИ

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ МЕДИАОБРАЗА РОССИЙСКОГО ПОЛИТИКА В ЗАРУБЕЖНЫХ СМИ

О. А. Малетина

Статья посвящена изображению медиаобраза российского президента и премьер-министра в иностранных средствах массовой информации (особенно в газетах и интернет-источниках), поскольку проблема описания различных политических событий в иностранных средствах массовой информации является очень фактической, т.е. различных странах один случай может интерпретироваться различными способами. Сначала мы попытались проанализировать сущность средств массовой информации, давая некоторые объяснения и интерпретации. Согласно нашим результатам иностранные газеты всегда пишут о российских политических деятелях, используя различные отрицательные лексические средства и стилистические приемы. Все понимают, что это отрицательное изображение нацелено на то, чтобы ослабить наше политическое положение в мире, но каждое отрицательное слово показывает, что Россию уважают благодаря мудрому управлению Д. Медведева и В. Путина, его мнение относительно глобальных событий важно, и мы играем видную роль на международной политической арене.

Ключевые слова: медиаобраз, российский политик, зарубежные СМИ.

Средства массовой информации (СМИ) оказывают влияние практически на все сферы деятельности современного общества: политику, экономику, здравоохранение и образование. СМИ способствуют формированию, распространению и сохранению массовой культуры и общественного сознания. СМИ все больше проникают в политическую сферу, освещая важнейшие явления и события в стране и мире (http://society.polbu.ru/gadzhiev_science/ch63_i.html). Достоверная информация о событиях в нашей стране – это сегодня вопрос ее репутации и национальной безопасности, и средства массовой информации играют исключительную роль в становлении гражд-

данского общества (http://www.innovbusiness.ru/pravo/DocumShow_DocumID_11718.html).

Поскольку наше государство является достаточно сильным противником, то при переделе сфер влияния зарубежные СМИ выбирают любые средства для достижения желаемого эффекта, но как показывает практика, справедливость побеждает, и утаить информацию или исказить факты им все-таки не удастся.

Телевидение, радио и печать, являясь средством социализации и воспитания, формируют общественное сознание и их основными функциями являются: информирование, убеждение и воздействие. Средства массовой информации являются мощным средством воздействия на человеческие умы, поэтому динамичный язык средств массовой информации остро реагирует на изменения в сознании общества.

Манипулирование заключается в том, что отбор и игнорирование фактов и событий влияет на отображение действительности посредством СМИ. В результате СМИ моделируют реальность, формируя определенную картину мира и призывая социальные группы поддерживать определенные идеи и события. Ведущие зарубежные СМИ регулярно обращаются к теме России, освещая самые разнообразные события. В зарубежных печатных изданиях преобладает сенсационная информация и наблюдается привязка к известным персоналиям (В. Путин, Д. Медведев) (Комарова 2008:296-301).

Речь политика оперирует символами, и ее успех предопределяется тем, насколько символы созвучны массовому сознанию: политик должен уметь затронуть нужную струну в этом сознании; высказывания политика должны укладываться во «вселенную» мнений и оценок (т.е. во все множество внутренних миров) его адресатов. Искусство убеждения состоит в умелом использовании едва заметно соприкасающихся понятий человека, поэтому и совершаются переходы от одних убеждений к другим, иногда вопреки ожиданиям самого говорящего (http://www.infolex.ru/PolDis.html#_Toc31990056).

Политический дискурс должен строиться в соответствии с определенными требованиями военных действий: выступающие предполагают, что адресат знает, к какому лагерю относится, какую роль играет, в чем эта роль состоит и – не в последнюю очередь – за какое положение выступает («аффирмация»), против какого положения, и какой партии или какого мнения («негация»). Принадлежность к определенной партии заставляет говорящего:

✓ с самого начала указать определенный повод для выступления;

✓ подчеркнуть «репрезентативность» своего выступления (указание от лица какой партии, фракции или группировки высказывается данное мнение, поскольку коллективное действие более зрелищно, чем отдельное выступление, часто предусматриваются поддерживающие действия со стороны единомышленников);

✓ избегать проявления личностных мотивов и намерений, тогда подчеркивается социальная значимость и ответственность, социальная ангажированность выступления.

Как и действия на поле боя, политический дискурс нацелен на уничтожение «боевой мощи» противника – вооружения (т.е. мнений и аргументов) и личного состава (дискредитация личности оппонента), поэтому понимание политического дискурса предполагает знание языковых приемов, фона, ожиданий автора и аудитории, скрытых мотивов, сюжетных схем и излюбленных логических переходов, бытующих в конкретную эпоху (http://www.infolex.ru/PolDis.html#_Тос31990056).

Итак, поскольку в центре внимания зарубежных печатных СМИ находятся политики России, а частности президент нашего государства Д. Медведев и премьер-министр В. Путин, то проанализируем лингвостилистическую реализацию медиаобраза российского политика.

Президент (от лат. *praesidens* – сидящий впереди) – глава государства в государствах с республиканской формой правления; его конституционный статус и полномочия существенно различаются в зависимости от типа республики:

➤ в президентской республике (классическим образцом которой являются США) президент – глава не только государства, но и исполнительной власти, т.е. глава администрации (в США, странах Латинской Америки) или правительства (в Замбии, Беларуси, Казахстане, Узбекистане), поэтому пост премьер-министра, как правило, отсутствует;

➤ в парламентарной республике (ФРГ, Италия) президент – глава государства (но не правительства);

➤ в республиках смешанного типа или полупрезидентских (Франция, Португалия, Польша) президент – глава государства, который обладает реальными властными полномочиями, позволяющими ему фактически руководить правительством.

Президент, как правило, обычно располагает по конституции следующими полномочиями: представляет страну в международных отношениях, заключает международные договоры, участвует в назначении членов правительства (администрации) и судей, утверждает и промульгирует законы, издает указы, имеет право законодательной инициативы и право вето, награждает орденами и медалями, присваивает высшие воинские звания, осуществляет право помилования, решает вопросы гражданства, назначает и отзывает глав дипломатических миссий, в определенных случаях имеет право роспуска парламента и объявления досрочных выборов (<http://dic.academic.ru/dic.nsf/lower/17464>).

В России президент – это человек, прошедший через рыночное горнило, имеющий отличное образование, хорошо ориентирующийся в проблематике, суховатый, достаточно респектабельный, интеллигентный, обладающий профессионализмом, умением держаться. СМИ зарубежных стран особенно беспокоит, что преемником Владимира Путина стал Дмитрий Медведев:

*Dmitry Medvedev's presidency began one year ago with **pomp and ceremony in a glittering Kremlin palace with the cream of the country's political elite** in attendance.*

*The festivities capped a months-long process in which **the former first deputy prime minister became Putin's hand-picked successor**. But even before he took office, Medvedev announced that he would name Putin as prime minister, making it clear that Putin had no intention of stepping aside completely (<http://www.newsweek.com>).*

При описании начала карьеры Д. Медведева на посту президента используются лексические средства (*pomp, ceremony, glittering Kremlin palace, the cream of the country's political elite, hand-picked successor*), создающие негативное отношение к новому президенту на Западе. Следует отметить, что как бы негативно или с опасением зарубежные СМИ не относились к прочным взаимоотношениям В. Путина и Д. Медведева, они все же вынуждены признать, что данный тандем прошел проверку на прочность:

*But **many have been skeptical of the tandem structure** since it started. The arrangement is highly unusual for Russia, and observers have assumed either that **Putin kept his hand on the levers of power or that divisions would grow and threaten its stability**. So far, however, the tandem has confounded such naysayers despite facing severe tests presented by events like war with Georgia last August and the global economic downturn (<http://www.newsweek.com>).*

В России президент Д. Медведев пользуется огромным уважением, поскольку является преемником В. Путина, политика которого способствовала экономической и политической стабилизации в России:

The population of Russia now sees him as a legitimate successor to Putin, as a legitimate leader, as someone who is respected, [although] perhaps not yet as mature a politician as Putin himself (<http://www.newsweek.com>).

Лексический повтор и сравнение позволяют привлечь внимание иностранного читателя к основным чертам президента, которые выделяет автор. Итак, политик – это человек, который обладает тактом, сообразительностью и искусством в обращении с людьми (<http://dic.academic.ru/searchall.php?SWord=ПОЛИТИК&s=1&d=1>). Рассмотрим пример, в котором дается оценка личных и политических качеств В. Путина:

Negotiating with Vladimir Putin, Russia's prime minister and former president, is hard enough even when Europe's relations with the Kremlin are going well - which they haven't been for some while. For an insight into Putin's brutal, hard as nails character, have a look at the official Russian government transcript of a conversation he had with some Moscow-based western reporters last week (<http://cc.bingj.com/cache.aspx?q=vladimir+putin&d=76749903168600&mkt=en-US&w=e877c582,900b058f>).

Для характеристики В. Путина используются следующие лексемы: «hard» (*firm, not easy to break; strong and not frightened; with much physical force*), «brutal» (*extremely violent; extreme and unpleasant; extremely honest, in a way that seems unkind*); и сравнение «as hard as nails» (*very strong and good at fighting*). Данные лексические единицы и стилистические приемы позволяют сделать вывод о том, что Владимир Путин является сильным человеком с твердым характером, а также чрезвычайно честным.

Когда В. Путин начинает защищать интересы России в газовом конфликте с Украиной, он тотчас же подвергается критике (*like throwing shoes at President Bush but given, the subservience; gas crisis is a Putin masterclass*):

1) *Sergei Stanishev, the Prime Minister of Bulgaria – where temperatures fell to minus 21 C (-6F) this week – told Mr Putin: “The biggest risk for both Russia and Ukraine is the issue of trust. The dispute has been running for a few years but it should not turn third countries into hostages.” It's not quite like throwing shoes at President Bush but given,*

the subservience Mr Putin expects from the former Soviet bloc, it comes close (<http://cc.bingj.com/cache.aspx?q=vladimir+putin&d=76749903168600&mkt=en-US&w=e877c582,900b058f>);

2) *Gas crisis is a Putin masterclass in how to lose friends and alienate your neighbours* (<http://cc.bingj.com/cache.aspx?q=vladimir+putin&d=76749903168600&mkt=en-US&w=e877c582,900b058f>).

Тесное сотрудничество В. Путина и Д. Медведева вызывает беспокойство у Запада, поскольку данный союз уже прошел проверку на прочность. Зарубежные СМИ пытаются найти информацию о Д. Медведеве, которая могла бы помочь представить политику российского президента в невыгодном свете (*a man without known ties to either the security services or the Communist Party during the Soviet era; a stop-gap leader*):

Instead, he chose Mr Medvedev as his successor, a man without known ties to either the security services or the Communist Party during the Soviet era. He was presented as a liberalising figure with a modern outlook on the world.

Mr Medvedev remains a stop-gap leader until Mr Putin decides to reclaim the presidency (<http://www.timesonline.co.uk/tol/news/world/europe/article5469584.ece>).

Политик должен обладать приятной внешностью, харизмой, чтобы привлекать людей, а не отталкивать их. Жесткость и твердость, присущие В. Путину, являются положительными качествами хорошего политика, несмотря на критические высказывания зарубежных СМИ, так как способствуют стабилизации в стране. Именно, эти качества помогают сохранить порядок в стране и уважение других стран.

Следует отметить, что сохранение политического климата, установленного В. Путиным, вызывает резкую критику, поскольку говорит о стабильности в России:

1) *Dmitry Medvedev was destined to be a lame duck leader when he was elected Russia's third president a year ago. His inauguration ushered in a ruling tandem with his mentor and predecessor Vladimir Putin seemingly shifting a gear to become prime minister. Putin, however, has so far done all of the steering while Medvedev has been along for the ride* (<http://blogs.ft.com/brusselsblog/2009/01/putin-to-europe-stop-dithering-quibbling-and-sipping-horilka/>);

2) *Medvedev's presidency has brought a change of tone but not a change in substance* (<http://blogs.ft.com/brusselsblog/2009/01/putin-to-europe-stop-dithering-quibbling-and-sipping-horilka/>);

3) *Russia's double-headed eagle is working as a tandem, albeit with one driver and a passenger, who is a spoke in Putin's wheel. Only time will tell whether Medvedev has the capacity to exercise his legs and turn direction* (<http://blogs.ft.com/brusselsblog/2009/01/putin-to-europe-stop-dithering-quistling-and-sipping-horilka/>).

В первом примере Д. Медведева называют лидером неудачником (*a lame duck – someone who is not successful and need a lot of help and support; leader – a person who is more successful and popular*), причем лексические единицы, используемые для его характеристики, обладают противоположными значениями. Во втором примере критикуется его либерализм и сохранение прежнего курса политики с помощью лексического повтора (*a change of tone but not a change in substance*). В третьем примере тесное сотрудничество двух лидеров на благо отечества сравнивается с российским двуглавым орлом с одним водителем и пассажиром, то есть, чтобы подчеркнуть яркость и неординарность этого союза используется сложная метафора.

Таким образом, в данной статье мы попытались проанализировать медиаобраз российского политика за рубежом, анализируя лингвостилистические средства создания образа президента и премьер-министра России в зарубежных СМИ. Следует отметить, что действия главных людей нашей страны подвергаются критике, поскольку их задача – защищать интересы нашего государства. Критические замечания позволяют читателю заметить, что благодаря правильной политике двух лидеров наше государство уважают во всем мире и прислушиваются к его мнению.

Список литературы

1. Комарова, Е. Н. Медиаобраз современной России во французских печатных СМИ // Коммуникативные аспекты современной лингвистики и лингводидактики: Материалы Междунар. науч. конф., г. Волгоград, 29 января 2008 г. Волгоград : Волгоградское научное издательство, 2008. С.296–301.

List of literature

1. Komarova, E. N. Mediaobraz modernej Rossii vo francuzskih pechatnyh SMI // Kommunikativnye aspekty modernej lingvistiki i lingvodidaktiki: Materialy Mezhdunar. nauch. konf., g. Volgograd, 29 janvarja 2008 g. Volgograd : Volgogradskoe nauchnoe izdatel'stvo, 2008. S.296–301.

ЛИНГВИСТИКА И ПЕРЕВОД

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЛИЛЕКСЕМНЫХ ЕДИНИЦ АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ (НА ПРИМЕРЕ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЖАНРОВ)

И. В. Бечина

Статья посвящена актуальной лингвистической проблеме – анализу особенностей полилексемных единиц английской литературной терминологии, которая представлена терминосистемой литературных жанров.

Ключевые слова: литературная терминология, синтаксический метод назначения, полилексемные терминологические модели, стадии происхождения.

Исследования по терминологии долгое время находились на периферии языкознания, и только с середины XX века они оказались в центре внимания лингвистов и терминоведов как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике. Ученых интересуют проблемы сущности термина и его определение, вопросы терминообразования, лексико-семантические процессы в терминологии, упорядочение и стандартизация в терминологии, отраслевая терминография.

Современный человек живет в культурной среде, складывавшейся в течение тысячелетий. Эта среда представляет собой чрезвычайно сложное явление, незаметно воздействующее на человека и определяющее его мировоззрение, поступки и мышление. Одним из элементов этой культурной среды, представляющих одновременно и результат развития цивилизации, фиксацию ее истории, и одно из средств ее формирования, является язык и, прежде всего, специальная лексика – совокупность лексических единиц (в первую очередь терминов) специальных областей знания, образующая особый пласт лексики, наиболее легко поддающийся сознательному регулированию и упорядочению.

Терминология любой научной области – это не просто список терминов, а семиологическая система, т. е. выражение определенной

системы понятий, в свою очередь отражающей определенное научное мировоззрение. Следовательно, совокупность терминологических единиц определенной науки, связанных устойчивыми отношениями и внутренне организованных, образуют терминосистему.

По определению В. М. Лейчика, А. В. Суперанской терминологии «складываются стихийно, а терминосистемы – «конструируются осознанно» [2. С. 75]. Термины образуют терминологические системы путем установления установления системных связей по типу «общее – частное», «род – вид», «вид – разновидности», «целое – часть», сходство – различие», «тождество – противоположности» и другие. Различные терминологические единицы должны быть связаны с общим понятием, чтобы, в конечном счете, представить научное (профессиональное) знание.

Стремительное развитие всемирной литературы, в том числе литературы Великобритании, обусловило появление в большом количестве новых литературных течений и школ, новых авторов и произведений, научных, учебных, справочных источников по литературоведению. В связи с этим формируется характер специальной лексики литературоведческой области знаний, ее востребованность в современной науке, в системе филологического образования, что и определяет актуальность анализа ее структурных и семантических особенностей.

Когда пишут и говорят о термине, обычно имеют в виду термин однословный и (в лучшем случае) двусловный. Термины именно такой структуры, в основном, представлены в терминологических словарях. Однако, многие исследователи справедливо отмечали, что характерной особенностью терминосистем является совмещение в них однословных единиц и словосочетаний [3. С. 31]. **Нельзя не согласиться с мнением В. Г. Гака, что «словосочетания занимают существенное место в современной терминологии вообще и в любой её отраслевой системе, так как использование словосочетаний расширяет номинативные возможности языка. К тому же словосочетания являются запасным средством номинации: всякий раз, когда в языке нет однословного средства обозначения, понятие может быть названо с помощью словосочетания» [1. С. 121].**

Составные наименования – один из основных способов образования терминов в разных терминосистемах. При определении роли составных терминов в терминосистеме важным является учет собственно лингвистических и экстралингвистических факторов, а сре-

ди последних особую роль играют факторы гносеологические. Языковые факторы обуславливают возможность обозначения понятий расчлененными наименованиями. Составной термин представляет собой синтаксический способ номинации на основе регулярно употребляемой модели именного словосочетания атрибутивного типа.

Продуктивность составных терминов определяется тем, что они могут применяться для обозначения понятия любого из выделенных в исследуемых терминосистемах макрополей, в то время как номинативные возможности однословных производных терминов ограничены. Последовательное присоединение к исходному однословному термину слов-уточнителей используется, в основном, для конкретизации исходного понятия и для образования его видовых корреляций.

На примере терминосистемы литературных жанров можно рассмотреть термин *novel*. Его производные, построенные путем присоединения к нему уточнителей – отдельных слов, дадут новые термины, связанные с исходным (базовым) отношениями конкретизации и родовидовыми: *epistolary novel, sentimental novel, historical novel, Gothic novel, psychological novel, documentary novel, time novel, key novel, detective novel, crime novel, spy novel, sociological novel* и другие.

Чаще всего составные термины могут приобретать терминообразовательное значение «вид классификационного ряда», указанного базовым термином:

drama – fate drama, folk drama, bourgeois drama, boulevard drama, cup-and-saucer drama, drama of ideas, drama of sensibility, heroic drama, closet drama, kitchen-sink drama, Jesuit drama, agitpop drama, allegorical drama, academic drama и другие.

Таким образом, внутри терминосистемы английских литературных жанров можно выделить подсистемы терминов (*novel, drama, play, tragedy, poem, ode, sonnet, fable, opera, romance, story*), связанных родовидовыми и уточняющими отношениями.

По количеству компонентов элементы данной терминосистемы могут быть двухкомпонентными (*abstract poem, frame story, Greek tragedy, passion play, metrical romance*), трехкомпонентными (*country house poem, comedy of morals, commedia dell arte, tragedy of circumstances*), многокомпонентными (*novel of the soul and the saga*). Термины такого типа называются составными или многословными терминами, или терминологическими сочетаниями (терминосочетаниями). Наиболее распространенным видом терминосочетаний в

терминологии литературных жанров английского языка являются двухкомпонентные терминосочетания с подчинительной связью. Следовательно, в образовании составных терминов с помощью разных формантов можно отметить несколько ступеней деривации. Базовыми для образования дериватов первой ступени являются простые или производные имена существительные (*poet – country poet; novel – documentary novel*). В свою очередь дериваты первой ступени служат базой для образования дериватов второй ступени (*country house poet*), которые могут усложняться на третьей ступени. Однако, для терминологии английских литературных жанров такие случаи не характерны.

Терминосистема характеризуется преобладанием полилексемных терминологических моделей, между компонентами которых установлены гиперо-гипонимические связи. Гиперо-гипонимические отношения между компонентами можно объяснить тем, что общее понятие, выражаемое термином, уточняется и детализируется путем присоединения к термину слов и словосочетаний. Общее понятие становится частным и приобретает более узкое значение. Так, термин *drama* имеет общее значение «**in general any work meant to be performed on the stage by actors**», в терминологическом сочетании *bourgeois drama* – «**modern naturalistic drama concerned with middle-class social problems**» понятие становится более частным, то есть термин *drama* является родовым термином, а терминосочетание *bourgeois drama* видовым по отношению к родовому термину.

Практика показывает, что в иерархической структуре терминополья нельзя установить жесткой зависимости между степенью детализации понятий и их языковым выражением. Усложнение терминов на последних ступенях дифференциации существует в виде тенденции, а не правила. Происходит это по разным причинам, которые осознаются в плане диахронии и имеют экстралингвистическую обусловленность.

Список литературы

1. Гак, В. Г. Языковые преобразования: Виды языковых преобразований. Факторы и сферы языковых преобразований. М. : Librokom, 2009. 407 с.

List of literature

1. Gak, V. G. Jazykovye preobrazovanija: Vidy jazykovyh preobrazovanij. Faktory i sfery jazykovyh preobrazovanij. M. : Librokom, 2009. 407 s.

2. Лейчик, В. М. Терминоведение. Предмет, методы, структура. 3-е изд., испр. М. : ЛКИ, 2007. 256 с.
3. Мельников, Г. П. Основы терминоведения. М. : Изд-во ун-та дружбы народов, 1991. 116 с.
4. Суперанская, Н. В. Общая терминология. Терминологическая деятельность. 3-е изд., испр. М. : Едиториал УРСС, 2008. 288 с.
5. Abrams, M. H. A Glossary of literary terms. Seventh edition. Heinle & Heinle, 1999. 386 p.
6. Cuddon, J. A. Penguin dictionary of literary terms and literary theory. Forth edition. Penguin Books, 1999. 1026 p.
2. Lejchik, V. M. Terminovedenie. Predmet, metody, struktura. 3-e izd., ispr. M. : LKI, 2007. 256 s.
3. Mel'nikov, G. P. Osnovy terminovedenija. M. : Izd-vo un-ta družby narodov, 1991. 116 s.
4. Superanskaja, N. V. Obwaja terminologija. Terminologičeskaja dejatel'nost'. 3-e izd., ispr. M. : Editorial URSS, 2008. 288 s.
5. Abrams, M. H. A Glossary of literary terms. Seventh edition. Heinle & Heinle, 1999. 386 p.
6. Cuddon, J. A. Penguin dictionary of literary terms and literary theory. Forth edition. Penguin Books, 1999. 1026 p.

**ГРАФИЧЕСКАЯ КОНТАМИНАЦИЯ
И КОНТАМИНИРОВАННЫЕ ГИБРИДЫ
В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ**

Н. А. Лаврова

В статье анализируются структурные, семантические и стилистико-прагматические характеристики некоторых малопродуктивных видов контаминированных слов современного английского и русского языков. Первая группа представлена словами, один из элементов которых принадлежит иностранному языку, то есть является полностью неассимилированным в языке-реципиенте. Графическая контаминация возникает посредством некоторых паралингвистических средств, в частности – использованием курсива, полужирного шрифта и капитализации части слова.

Ключевые слова: контаминация, псевдочленение, псевдомотивация, перлокутивное намерение.

The modern stage of the development of the Russian language as well as some other European languages is characterized by an active penetration of Anglicisms and Americanisms, which can be accounted for by economic, socio-cultural, political and psychological reasons. The incorporation of foreign words into the Russian language and their quick adaptation are down to both societal and scientific changes. Most of the factors are extralinguistic, some of them are among the following:

1. Wide channels of information as the result of the advent of the Internet.

2. The development of the world market and an increasing role of international relationship.

3. The activization of business, trade and cultural relationships, also popularity and affordability of overseas tourism.

According G.A. Svirenkova [7], the following reasons of borrowing foreign words can be singled out:

- The tendency to the internationalization of lexis.
- The need to nominate new things, notions and phenomena.
- The absence of a precise name or inefficiency of a native word in comparison to a foreign one. What is meant here is that a native word

may lack certain connotations that describe a new phenomenon: *sponsor*, *virtual*, *spray*. These words have been transliterated into Russian, because translating them wasn't deemed possible – there were no such things in Russia until quite recently.

- The necessity to convey with the help of a foreign word lengthy or cumbersome expressions: термпот – thermopot; пиллинг – peeling: a type of cream that removes dead skin cells; квиз – quiz: a radio or TV programme with prizes for those who correctly answer various questions or quizzes.

- Positive, reverential attitude to a foreign word, regarding it as more scientific, prestigious, high-flown: имидж (image), прайс-лист (pricelist), шоу (show), презентация (presentation), эксклюзивный (exclusive).

- The necessity to specify the meaning of the word: сэндвич, гамбургер, чизбургер, фишбургер.

Before passing on to the consideration of contaminated hybrids, we would like to clarify what we understand under the term “hybrid”. The numerous definitions of this word indicate that its treatment varies with different authors. I.M. Sazanez [6] points out that there are several aspects to the existence and functioning of contaminated words. We modified I.M. Sazanez' classification by changing some of the criteria and adding something that was not originally there:

1. *The language level*: hybridization can be regarded not only on the word-building level, but also on the level of the form of the word. This is relevant for flecational languages only. For instance, the word «драйв» (the English “drive”) is not a hybrid, but if we decline the word (драйва, драйве), a hybrid will emerge with a Russian formal suffix (ending).

2. *Etymological contents of the hybrid*: a) the traditional understanding of the hybrid goes that a hybrid is a combination of a Greek and a Latin elements, for instance: *biathlon* (from Latin *bis* – twice and Greek *athlos* – contest); *dysfunction* (from Greek *dys-* – bad and Latin *function* – function); *pandeism* (from Greek *pan* – all and Latin *dues* – God); *sociology* (from Latin *socios* – comrade and Greek *logos* – word, reason, discourse); b) a hybrid is a combination of English and Romance word-building elements: *loveable* (*love* – Native English and *-able* – Latin); c) a hybrid is a combination of English and other word-forming elements: *lawful* (*law* – Scandinavian and *-ful* – Native English); d) hybrids are words that consist of word-building elements belonging to different language-groups; elements that belong to one and the same language group

are not hybrids (for instance, a combination of English and Scandinavian elements); e) hybrids are words that consist of elements synchronically belonging to different languages, retaining different orthography, that is, one of the elements is non-assimilated, foreign to the recipient language from the viewpoint of the form, semantics, graphical form and phonology (neither transliteration nor transcribing takes place). For the present work this understanding seems to be particularly relevant; f) a hybrid is a transcribed or transliterated foreign word – фэшн (fashion), дизайн (design), саппл (sample); g) hybrids are derived words with Russian suffixes added to a transliterated foreign word, for instance: фудстэмщик – a person who is eligible for food stamps; ланчевать – to have lunch; h) treatment of any contaminated word as a hybrid.

3. *The structure of hybrids*: on the one hand, a hybrid can be regarded as a derived word (with suffixation or prefixation); on the other hand, a hybrid can be referred to as a compound.

The background of hybridism in English is shaped by the historical peculiarities of its development. From the 5th century onwards, the English language has been influenced to a lesser or greater extent by foreign lexis and word-building elements, as a result, the bigger part of modern English word stock is constituted by loan words (circa 70%), primarily coming from Latin (cup, wall, cherry), French (ballet, берет), Greek (atom, phenomenon), Scandinavian (cast, die, ill, loose), Italian (bank, violin), Spanish (potato, tomato), Portuguese (veranda, padre), German (kitch, glitch, blitzkrieg), Dutch (lack, mud), Arab (coffee, lemon), Russian (tsar, sputnik), Chinese (tea), and many other languages [6]. It is well known that Romance languages played a major role in shaping the word-stock of modern English, in particular – Latin and French. The rationale behind borrowing many foreign words is the necessity to fill nominative gaps in the sphere of science, arts, religion, trade, construction works and many others: “Apart from enriching English vocabulary by new words and new meanings, borrowing also facilitated the development of new word-forming patterns, which started to be used to derive new words not only from foreign lexemes but also from English proper. All this served as a precondition for hybridism in English...” [6, C. 8]. **One of the sources of hybrids in English is lexical assimilation, the highest degree of assimilation characterizes Latin and French borrowings of Middle English and The Renaissance period, also Scandinavian borrowings, many of them are frequent words in English and derive new hybrids. Thus, we can say that hybridism can be regarded as an adaptation mechanism of foreign lexis assimilation.**

Starting from the Middle English Period, apart from English proper there appeared many foreign affixes, which was spurred on by the penetration into English of related words formed with the help of one and the same affix. Gradually, as foreign words started to be assimilated, those affixes were singled out and started to be actively used in the process of derivation of both hybrids and English proper words. Given the fact that the inventory of English word-building affixes had already been formed, English started to utilize foreign elements, which entered the language together with multiple loan words. Some of the foreign affixes lend new derivational meanings to words, filling derivational gaps; in other cases, borrowed elements start to rival with English proper elements, as a result their usage is differentiated.

Special treatment should be given to a relatively small group of hybrids, which we call contaminated. They are gathering momentum at present and have started to be actively used in different types of discourse. Contaminated hybrids are formed by means of merging two or more words, one of which is foreign and therefore completely non-assimilated in the target language, for instance: *фруитерия*, *беаутик*; *удивительная мебель*; *пруRUчили*; *cinematheka*; *videorazzi*. One of the prerequisites for the emergence of such a word and decoding it correctly is phonological resemblance between a foreign word and an English one. As for the semantic affinity of the words, it can be stated that in the majority of cases there is none. This factor is the key to understanding the perlocutionary intent of the speaker, as well as the major functions, displayed by a contaminated hybrid.

A contaminated hybrid can be referred to as a meta-semiotic unit, in other words, a unit of secondary nomination. It means that the main function of contaminated words is not only nominative-informative, but also advertising and pragmatic, according to which the intention of the word-smith comprises the following:

1. Drawing the recipient's attention towards the object or phenomenon to which the contaminated word refers.
2. Causing a rational or an emotional reaction on the part of the recipient.
3. Causing an action-reaction: getting the recipient to buy a certain product or to subscribe to a service.

The cited functions are all pragmatic. A separate block is formed by a number of functions of psychological character. They are down to a person's needs: showing a sense of humour; being different, catching;

self-expression, self-realization; creativity. The leading function of a contaminated word, one of the elements of which is a non-assimilated foreign lexeme, is advertising. The data we analyzed serves a good proof of it. All the hybrid words we have encountered are product, service or brand names. H.L. Golovleva [5] points out that an advertising message contains at least one of the following attention indicators: a relatively short advertising message; the usage of a certain colour scheme; the presence of sound and movement (in television and radio-advertisements); the usage of various types of contrasts; the right-oriented layout of the message. We posit that a contaminated hybrid is a contrastive attention indicator, because the merging of two elements belonging to different languages shatters the expected, and everything that is unusual, non-automatic requires more time on the part of the recipient to correctly decode and interpret. It must be stressed that the formation of non-assimilated hybrids is not directly linked to the historical development of the language, in other words there are no objective intralinguistic reasons for the formation of such words; the wordsmith's intention is to play with the word in order to draw the recipient's attention to this very word or to the notion that it represents (in the latter case we speak of the advertising-pragmatic function). One should clearly differentiate between hybridism as a tendency in the development of the language caused by intralinguistic (the development of the language) and extralinguistic factors – language interaction and either bilateral or unilateral influence on each other; and hybridism that comes up synchronically, it doesn't effect the language as a system and does not radically change the paradigm of its word-building patterns. Given that advertising is socially adapted, we presume that a product or a service name that are contaminated hybrids, are mostly youth-oriented. This is down to the fact that adolescents are more relaxed about punning and word-play, they rarely feel aversion to it. Youths are more tolerant of and more perceptive to a foreign culture and influence, they are usually familiar with the latest technical developments that have come to us together with the words for them, which are often non-assimilated (гаджет – gadget, паттерн – pattern, оффшорный – off-shore, мерчендайзер – merchandizer, ритейл – retail, дискаунт – discount, фэнтези – fantasy). Apart from that, from lexicological point of view, transliterated foreign words, used as expressive synonyms of the words that exist in the recipient language, in many cases are slang words, which are also more frequent in youths' language and speech. Taking into consideration the advertising channel, we can state that to decode the contaminated hybrid

correctly one definitely needs a visual support, so the advertising channel can be either printed or audio-visual.

The next question that should be treated separately is what linguistic *valeur* contaminated hybrids have and whether they are going to be imbibed by the language or ousted from it? It is well known that the language of advertisements constantly changes to suit the temporary fads and to be relevant. As a result, various expressive means are also changing, because if a device gets constantly repeated, it becomes mechanical and people no longer perceive it as new or regard it as efficient. There is an opinion that contaminated hybrids are not needed, they are too fancy and superfluous and therefore they 'litter' a language, one should avoid using them in speech and tend to resort to classical stylistic figures if in need of an expressive means. This statement could be argued, though. It is impossible to stem the natural development of any language: any new formation is a kind of deviation from the norm in virtue of its not being registered by dictionaries. The creation of an expressive, stylistically marked neologism, provided that it is not downgrading, trivial or indecent, reveals the wordsmith's artistic and intellectual capacity, and this should be welcome. The specifics of advertising language can be summed up in the following way:

“Advertising language is of course loaded language. Its primary aim is to attract our attention and dispose us favorably towards the product or service on offer. Advertisers use language quite distinctively: there are certainly advantages in making bizarre and controversial statements in unusual ways as well as communicating with people using simple, straightforward language... Catching our attention and imagination and aiding memory are perhaps the primary functions of advertising languages: usual or stylish words and short, crisp sentences are easy to repeat and remember. And our memories are also served by brand names, slogans and catch-phrases, rhythm and rhyme, alliteration, snatches of song and verse and of course endless repetition” [9, C. 96].

Traditionally contamination can be defined as a merging of quasi-morphs or morphemic splinters of two or (rarely) more language units on the basis of their structural, functional, semantic or subjective similarity, as a result there emerges a new linguistic unit. Contamination is observed on all language levels: phonetic, morphological, lexical, syntactic, phraseological. Most of the linguists are unanimous in the opinion that at present contamination presents one of the most efficient means of punning and word-play (V.V. Shadruchina, 2003; S.V. Iljasova, 2001; L.P. Amiri,

2007; A.V. Stacheeva, 2008). According to V.V. Lopatin [7], contaminated words are not ‘linguistic invalids’, in a certain sense, they are more needed in some specific context than the usual, dictionary words.

Graphic contamination presupposes capitalization, or marking in bold or in italics the communicatively relevant part of the word.

The formation of contaminated words as well as some other occasional words is down to such inherent properties of the lexical system as dynamism and receptivity. At present, a certain influence of contaminated words on the speech situation in many countries, including Russia, Great Britain and the USA, can be observed. This activates the problems connected with the analysis of speech innovations: «The neological boom of the recent decades is reflected in the publicistic style: in newspapers, mass media and literary critiques, which promptly react to societal changes [5, C. 2].

The realization of the expressive function can be attained either through a normative use of phonetic, grammatical and lexical language resources, or through all kinds of deviations from the norm. In this respect, a contaminated word occupies a medial position between a speech mistake and a different type of norm. This is to say that depending on its structure and semantics, a contaminated word can be either normative, neutral, a result of a tongue-slip, as well as an expressive, occasional formation. S.V. Iljasova points out that phenomena that traditionally were qualified as mistakes and errors are perceived within the framework of modern, communicative, approach not as a violation of the norm, but as a realization of the communicative norm, which is defined by the purport of an advertisement. Consequently, the dichotomy “right-wrong” is substituted by the dichotomy “relevant-irrelevant”. To attain expressivity, graphic contamination resorts to font-marking, pseudo-parcelling, pseudo-motivation. Pseudo-parcelling results in the wrong perception of graphic contamination: the word sounds monosemantic, though in reality it is ambivalent, contaminated, both on the level of semantics and on the level of structure. Some examples are: *УДАЧНОЕ предложение* (*удачный + дачный*), *опИраторы* (*пираты + операторы*), *ФАНТАстическое предложение, короЛЕВские палочки* (*королевский + лев*). In the latter example the capitalization of the middle part of the word («лев» – ‘lion’) accentuates the seme “exquisiteness, high quality”. This meaning is foregrounded by means of placing on the package the picture of a lion wearing a crown (in Russian the words “royal” and “lion” share three graphemes). Graphic contamination can simultaneously be a hy-

brid, in which case it is called “graphohybridization”: *Тулъский PRяник; прощай, PРезидент, SOSтавь компанью, VIPуск; aRMadillo An Internet First Mover; COINTREAUVERSIAL (COINTREAU)*. Symbols can also be part of graphic contamination: *Фи\$ка, Без Залого €€\$, Merr¥ Christmas*.

To become part of literary language and to be codified, a new formation should possess the following qualities: it must be socially relevant; must be characterized by a high degree of stability, which is attained by the frequency of usage; must possess semantic richness, that it, polysemy; functional relevance; correspond to the language norm requirements. Of all the cited characteristics usually attributed to a normative word, graphic contamination and contaminated hybrids meet only the fourth requirement, which testifies to their rather slim chances of entering a dictionary or becoming part and parcel of everyday, non-pragmatic, communication.

Список литературы

1. Амири, Л. П. Языковая игра в российской и американской рекламе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2007. 21 с.
2. Головлева, Е. Л. Основы рекламы: Учебное пособие для вузов. М. : Академический Проект, Gaudeamus, 2008. 330 с.
3. Ильясова, С. В. Языковая игра в газетном тексте // Журналистика: информационное пространство. Краснодар, 2001. N 1. С. 58–61.
4. Лопатин, В. В. Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования. М. : Наука, 1973. 152 с.
5. Попова, Т. В. Русская неология и неография: учебное электронное текстовое издание. Екатеринбург, 2005. 96 с.
6. Сазанец, И. М. Английский гибрицизм: производные

List of literature

1. Amiri, L. P. JAzykovaja igra v rossijskoj i amerikanskoj reklame : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Rostov-na-Donu, 2007. 21 s.
2. Golovleva, E. L. Osnovy reklamy: Uchebnoe posobie dlja vuzov. M. : Akademicheskij Proekt, Gaudeamus, 2008. 330 s.
3. Il'jasova, S. V. JAzykovaja igra v gazetnom tekste // ZHurnalistika: informacionnoe prostranstvo. Krasnodar, 2001. N 1. S. 58–61.
4. Lopatin, V. V. Rozhdenie slova. Neologizmy i okkazional'nye obrazovanija. M. : Nauka, 1973. 152 s.
5. Popova, T. V. Russkaja neologija i neografija: uchebnoe jelektronnoe tekstovoe izdanie. Ekaterinburg, 2005. 96 s.
6. Sazanec, I. M. Anglijskij gibridizm: proizvodnye gibridy : avtoref.

- гибриды : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тула, 2008. 21с.
7. Свиренкова, Г. А. Англицизмы в современном русском языке. Фестиваль педагогических идей «Открытый урок». URL : <http://festival.1september.ru/articles/410377/>
8. Стахеева, А. В. Аббревиация: словопроизводство и словотворчество (на материале русского языка XX-XXI века) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2008. 24 с.
9. Dyer, G. Advertising as Communication. London, 1995. 144 с.
- dis. ... kand. filol. nauk. Tula, 2008. 21s.
7. Svirenkova, G. A. Anglicizmy v sovremennom russkom jazyke. Festival' pedagogicheskikh idej «Otkrytyj urok». URL : <http://festival.1september.ru/articles/410377/>
8. Staheeva, A. V. Abbreviacija: slovoпроизvodstvo i slovotvorchestvo (na materiale russkogo jazyka XX-XXI veka) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Rostov-na-Donu, 2008. 24 s.
9. Dyer, G. Advertising as Communication. London, 1995. 144 c.

ЗАИМСТВОВАНИЯ-АНГЛИЦИЗМЫ ВО ФРАНЦУЗСКОМ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

А. Р. Мубориева

Целью данной статьи является описание и характеристика функционирования английских заимствований во французских научно-популярных текстах экономической тематики. Автор концентрирует свое внимание на анализе экономических статей во французской прессе. Изучив определенное количество статей экономической тематики, автор определяет основные разновидности заимствований-англицизмов, используемых во французских научно-популярных статьях и их прагматические функции.

Ключевые слова: заимствование-англицизм, научно-популярный текст, экономическая статья, французская пресса.

Целью данной статьи является охарактеризовать функционирование англо-саксонских заимствований во французском научно-популярном экономическом тексте.

Традиционно в лингвистической литературе под **заимствованием** понимается **элемент чужого языка (слово, морфема, синтаксическая конструкция), перенесенный из одного языка в другой в результате языковых контактов, с также сам процесс перехода элементов одного языка в другой** [1. С. 158].

Практический анализ материала научно-популярных текстов экономической тематики показал, что одной из характерных черт современной французской прессы является широкое употребление заимствований. При этом преобладающая позиция, бесспорно, принадлежит англицизмам, которые являются неотъемлемой составляющей экономической и финансовой сфер деятельности на современном этапе. Такое распространение англоязычной терминологической лексики во французской научно-популярной периодической прессе объясняется, во-первых, безусловным господством Соединенных Штатов Америки на мировой экономической арене и невозможностью французского языка успеть отразить в языке посредством словообразовательных способов новые технические и экономические понятия. С другой стороны, широкое распространение англицизмов

связано со стремлением журналистов обратиться к первоисточнику. Так, французские журналисты признают, что, к великому сожалению защитников французского языка, их финансовый словарь оккупирован англо-саксонскими терминами иногда из-за простоты, а иногда из-за снобизма. Несколько десятилетий назад французским правительством предпринималась попытка борьбы с наплывом англоязычной лексики. Были созданы специальные междуведомственные комиссии, основной целью деятельности которых являлось нахождение соответствующего французского определения для каждого из англоязычных терминов. Так, в 1985 г. была создана комиссия экономической и финансовой терминологии, возглавляемая Жаком Кампэ (Jacques Campet) и относящаяся к Министерству экономики и финансов. В состав данной комиссии входили члены экономических и финансовых управлений, представители частных предприятий, исследователи, техники и журналисты. На заседаниях комиссии обсуждалось определение и французский эквивалент каждого нового английского термина. Затем решение относительно каждого термина принималось сначала Международным Советом французского языка (*Conseil international de la langue française*), затем Общей Делегацией французского языка (*Délégation générale à la langue française*) и, наконец, Французской Академией (*l'Académie française*). В конечном итоге одобрение тому или иному переводу давал министр экономики, после чего употребление французского эквивалента англоязычного термина становилось обязательным в экономических кругах. Но, несмотря на усилия комиссии, английские неологизмы продолжают преобладать в экономической, финансовой литературе, на рынках и в средствах массовой информации. Французский аналог англоязычного термина кажется неестественным и искусственным.

В журнале «*Note Bleue de Bercy*» (n° 184, 1-15 juin 2000) был приведен список экономических и финансовых терминов, составленный Жаном Сен-Жеуром (Jean Saint-Geours), президентом специальной комиссии по терминологии и неологизмам в области экономики и финансов при Министерстве экономики, финансов и промышленности. Данный список включал 70 единиц. Так, весьма частотный в современной научно-популярной экономической периодической прессе термин «*start-up*» был определен как «*jeune pousse (d'entreprise)*» с дефиницией «*jeune entreprise innovante et dynamique, à croissance rapide*», «*stock options*» – как «*option sur titre*».

Тем не менее, исследование показало, что в современной прессе при популяризации экономической информации предпочтение отдается англоязычным вариантам данных терминов (*le système des **stock-options**..., le premier incubateur pour **start up** de la nouvelle économie*).

Несмотря на то, что встречаются случаи употребления французского эквивалента, он сопровождается англицизмом, который кажется более естественным по звучанию в данном контексте по причине того, что именно английский эквивалент является первоначальным термином, обозначающим данное понятие и, соответственно, более привычен носителям языка (*les créateurs de "**jeunes-pousses**" (**start-up**)*).

Особенно многочисленны в научно-популярных текстах на экономическую тематику англицизмы, обозначающие различные экономические термины. Многие из них становятся интернационализмами. Под **интернационализмами** понимаются **морфемы, лексемы и фраземы сходного характера, которые регулярно отождествляются в синхронно существующих языках** [2. С. 34]. Интернационализмы имеют широкую сферу распространения прежде всего потому, что выражают понятия международного значения. Например, следующие английские термины, выражающие экономические понятия, используются во всех европейских языках: **broker** (брокер, маклер; агент, посредник), **cash** (деньги, наличные деньги), **cash-flow** (движение наличности; остаточная денежная наличность; чистая выручка), **clearing** (клиринг, безналичные расчеты), **dumping** (демпинг, бросовый экспорт), **goodwill** (гудвилл, активы, капитал фирмы, не поддающийся материальному измерению: репутация, техническая и экономическая компетенция, связи, влияние), **holding** (холдинг), **joint-venture** (совместное предприятие), **lobby** (лобби), **lobbying** (лоббирование), **marketing** (маркетинг), **management** (менеджмент), **manager** (менеджер), **off-shore** (оффшор), **raider** (скупщик акций на бирже), **shareholder** (акционер), **stock** (запас товаров; наличность, запас), **swap** (краткосрочный взаимный кредит; операция «своп»), **trader** (торговец (особ. оптовый) и др.

Научно-популярный экономический текст также активно использует данные лексемы-англицизмы при описании различных видов экономической деятельности и процессов, происходящих в сфере бизнеса и экономики (*l'indice sectoriel des **brokers**, une capacité certaine à dégager du **cash**, le niveau élevé du **cash-flow**, pratiquer le **dumping**, première **holding** du pays, le puissant **lobby***).

Займствования подобного рода (относящиеся к сфере экономики) выполняют по большей мере информативную функцию, заключающуюся в насыщении языка научно-популярных статей определенной информацией, придавая им характер той терминологической области, с которой они соотносятся (экономики), то есть создают атмосферу научности в научно-популярном тексте, в то же время популяризируя экономические знания.

Кроме того, в научно-популярном экономическом тексте широко используется заимствованная лексика, функционирующая в повседневной жизни, а также в разговорной речи и американском сленге: *baby-boom* (разг. резкое увеличение рождаемости) и его производное *baby-boomer*, *jackpot* (куш; самый крупный выигрыш в лотерее), *job* (работа), *scoop* (сенсационная новость, опубликованная раньше, чем в других газетах), *shopping* (шопинг, посещение магазина с целью покупки), *star* (звезда), *superstar* (суперзвезда), *think tank* (разг. «мозговой центр»; комиссия экспертов), *wasp* (амер. американец среднего достатка англо-саксонского происхождения и протестантского вероисповедания) и др. (*les premiers nés du baby-boom; on multipliait par cinq le jackpot; "full time job" pour cet amoureux; ce scoop avait conduit les dirigeants, dans la sphère social, pas de stars; le pétrole, superstar de l'actualité économique; du think tank Confrontations Europe; les deux banques les plus "wasp"*).

В процессе анализа французской экономической прессы обнаружилось, что повсеместное пользование Интернетом привело к заимствованию таких лексем как *blog, e-mail, home-page, network, shopping sur Internet, webcam, webcasting, wikis, World Wide Web* и др. В настоящее время они очень актуальны в экономическом тексте и отражают современные тенденции в развитии компьютерных технологий как в сфере экономики, так и других общественных сферах.

На основе анализа материала можно прийти к заключению, что характерной чертой современной французской научно-популярной прессы является широкое употребление заимствований-англицизмов. В одних случаях заимствованная лексика служит в научно-популярном экономическом тексте для обозначения терминологического фонда сферы экономики, тогда как в других случаях автор сознательно вводит заимствования с целью повышения привлекательности научно-популярной статьи, возбуждения интереса читателя, что отвечает прагматическим целям популяризации. Кроме того, большая часть заимствованных терминов выделяется автором

в тексте курсивом. Применение данного паралингвистического средства также отвечает прагматическим целям научной популяризации и направлено для привлечения внимания к выделяемому термину, что способствует целям успешной популяризации экономической информации.

Список литературы

1. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. М. : Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.
2. Володина, М. Н. Национальное и интернациональное в процессе терминологической номинации. М. : Изд-во МГУ, 1993. 112.

List of literature

1. Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar' / Pod red. V. N. Jarcevoj. M. : Sov. jenciklopedija, 1990. 685 s.
2. Volodina, M. N. Nacional'noe i internacional'noe v processe terminologicheskoj nominacii. M. : Izd-vo MGU, 1993. 112.

**THE PROBLEM OF PHRASEOLOGICAL ABSTRACTION
(ON THE BASIS OF THE ENGLISH LANGUAGE)**

T. N. Fedulenkova, K. S. Kokovina, A. S. Popova

Проблема фразеологической абстракции была впервые поднята В.Л. Архангельским, который подчеркивал, что различные уровни фразеологической абстракции говорят о фразеологической асимметрии. Развивая эти идеи, А.М. Мелерович назвала 3 типа фразеологической абстракции, к которым А.В. Кунин добавил еще один. Фразеологическая абстракция тесно связана с языковой мотивацией фразеологического значения. В статье трактуются понятия абстракция изоляции и абстракция идентификации.

Keywords: phraseology, phraseological abstraction, abstraction of isolation, analytical abstraction, abstraction of identification.

1. Abstraction of isolation and abstraction of identification

The encyclopaedic dictionary reads as follows “Abstraction is a form of cognition which is based on mental singling out essential characteristics and relations of the object without taking into consideration its other, minor peculiarities and relations”.

That is, if we mean “the man in general”, “the animal in general”, “the book in general”, we deal with abstraction, i.e. with mental diversion from a very large number of people, animals, books, etc. In reality there exists no man in general, no animal in general, no book in general, but there is a concrete man, a concrete animal, a concrete book, etc.

There are two types of abstraction in cognition: abstraction of isolation and abstraction of identification. Both types are to be found within the frame of phraseology.

Abstraction of isolation, or analytical abstraction, is observed when the properties denoted by a certain name are mentally extracted from the object and from some other features connected with it. Such extraction results in abstract general notions, e.g. *the never-ending sleep* – death, *the green-eyed monster* – jealousy, etc.

Abstraction of identification is observed when initial features of differentiation in the objects are mentally neglected and some general feature of the objects under study is simultaneously singled out, i.e. a kind

of identification of the two subjects takes place. That does not mean, of course, that the objects under study are completely identical: partial identity is enough for abstraction of identification. This type of abstraction may be exemplified by metaphorical and metonymical phrases, e.g. *the king of beast* – the lion, *the ship of the desert* – the camel, *a cup that cheers but not inebriates* – tea, etc.

All the given phraseological units have lexical one-word equivalents: *jealousy, lion, camel, tea*. These words are non-motivated in modern English. They express general notions and contain no evaluation.

The corresponding phraseological synonyms are evaluative, they are characterized by imagery motivating them. The point is that, these PUs do not only denote the corresponding object but describe one of its features as well. That leads to the conclusion that such phraseological units have a lower degree of abstraction as compared to their lexical synonyms. But there are cases when a phraseological unit and its lexical synonym are both non-motivated, they both then have a high degree of abstraction, e.g. *to go off to Gretna Green* – *to get married without the parents' consent*; *to send smb to Coventry* – *to punish someone for disloyalty to his companions by refusing to speak to him* [4. C. 257].

Analogous regularity is observed while correlating phraseological units. Non-motivated PUs of the type *to send smb to Coventry* have a much higher degree of abstraction than those motivated of the type *a cup that cheers but not inebriates*. The fact is explained by a 'longer distance' from the meanings of PU components in the former PU as compared to the latter one.

2. The problem of phraseological abstraction

The problem of phraseological abstraction was first pointed out by Vladimir L. Arkhangel'sky who introduced the term *phraseological abstraction* itself into the metalanguage of linguistics [1. C. 61]. The basic statements put forward by Vladimir L. Arkhangel'sky are as follows:

1) phraseological abstraction consists in the diversion from the meanings of the words performing the part of PU components; phraseologisms are able to generally express emotions, wishes, relations of modality, e.g. *my Lord! by George! not by a long chalk, not for the world(!)*;

2) there are different degrees of phraseological abstraction which testifies to its asymmetry, e.g. *to play second fiddle* – a) a professional term of musicians, b) to have a lower or less important position (when compared with another person) [7. C. 111].

Phraseological abstraction is closely connected with language motivation of phraseological meaning. More than that, these two categories stand

in reverse ratio to each other. The availability of some type of motivation of phraseological meaning testifies to the absence or to the partial character (non-fullness) of the correspondent type of phraseological abstraction; and vice versa – the fuller the phraseological abstraction is, the weaker the motivation of the correspondent type becomes [6. C. 128].

The following basic types of phraseological abstraction are found out by Alina Melerovich:

- 1) abstraction from the lexical and grammatical meanings of the PU components,
- 2) abstraction from the prototypical combination of words which serve as the basis of phrase formation,
- 3) abstraction from the typical meaning of the syntactic construction.

One more type of phraseological abstraction is added to the list by Alexander VI. Kunin [5. C. 159], i.e. complicated abstraction which consists in various combinations of the types of abstraction mentioned.

3. Degrees of phraseological abstraction

The first type of abstraction has two degrees: full and non-full or partial ones. Full abstraction is revealed in cases when the meaning of the phraseological units is simultaneously abstracted from lexical and grammatical meanings of its components, e.g. *in one's cups* meaning 'not in control of oneself after drinking alcohol', *not a shot in the locker* meaning 'having no ideas, materials, etc., left that one can use, esp. having no money', *tooth and nail* meaning 'with great determination and effort', etc.

Non-full (partial) abstraction takes place in two cases:

Case 1. When the phraseological meaning is abstracted from the lexical meanings of the PU components, and the PU category meaning is motivated by the word that plays the grammatically leading part in the basic (prototypical) combination of words: *birds of a feather* meaning 'often derog. people who have the same interests', *Adam's ale (or less common wine)* meaning 'water'. The categorical meaning of the grammatically leading component determines the class / subclass of the phraseological unit, i.e.: 1a) nominative PU class (substantive PU subclass): *the man on horseback*, *a Roman holiday*, *a white elephant*, 1b) nominative PU class (adjectival PU subclass): *dry behind the ears*, *high and mighty*, *long in the tooth*, 2) verbal PU class: *bite off more than one can chew*, *bear one's cross*, *kill the goose that lays the golden eggs*, 3) interjectional PU class: *oh, my eyes! bless my heart and soul! goodness gracious!* 4) communicative PU class: *The rotten apple injures its neighbours*, *Constant dropping*

wears away a stone, Distance lends enchantment to the view, A creaking door hangs long on its hinges, [3. C. 41] etc.

This type of abstraction is mostly characteristic of the PUs having the partial transfer of meaning, e.g. *safe as the Bank of England, to talk to smb like a Dutch uncle, to leave smb in the lurch, A new broom sweeps clean* [2. C. 16], etc.

Case 2. When the phraseological meaning is abstracted from the grammatical meaning of the word that plays the grammatically leading part in the basic (prototypical) combination of words and at the same time it is motivated to a certain extent by the lexical meaning of some components: *hand over fist, by leaps and bounds, by fits and starts, in the twinkling of an eye*, etc.

In his textbook on phraseology A.V. Kunin suggested and described four levels of phraseological abstraction: from the highest one to the low one [5. C. 159].

Thus, the problem of PU abstraction is considered to be one of the most complicated problems in the theory of phraseology. It is rather far from its solution as linguists are but making the first steps with the view of tackling it.

References

1. Arkhangelsky, V.L. *Ustoychivye frazy v sovremennom russkom yazike*. Rostov-na-Donu, 1964.
2. Fedoulenkova, T.N. A new approach to the clipping of communicative phraseological units // *Ranam: European Society for the Study of English: ESSE 6 – Strasbourg 2002* / Ed. P. Frath & M. Rissanen. Strasbourg: Université Marc Bloch, 2003. – Vol. 36. – P. 11-22.
3. Fedoulenkova, T.N. *Diachronic Approach to the Study of Communicative Phraseological Units // Northern Development and Sustainable Livelihoods: Towards a Critical Circumpolar Agenda*. Aberdeen:

University of Aberdeen, 6th CUCC, 1999. Pp. 41-42.

4. Fedoulenkova, T.N. Idioms in Business English: Ways to Cross-cultural Awareness // Domain-specific English: textual practices across communities and classrooms / Giuseppina Cortese & Philip Riley (ed.). Bern; Berlin; Bruxelles; Frankfurt am Mein; New York; Oxford; Wien: Lang, 2002. P. 247-269.

5. Kunin, A.V. Kurs frazeologii sovremennogo anglijskogo yazika. Moskva: Visshaya shkola, 1996.

6. Melerovich, A.M. Smislovaya struktura frazeologicheskikh yedinit v sovremennom russkom yazike. Moskva: INION AN SSSR, 1980.

7. Urdang, L. (ed) Longman Dictionary of English Idioms. Harlow and London: Longman Group UK Ltd., 1996.

К ВОПРОСУ ОБ ЭРРАТОЛОГИИ В ПЕРЕВОДЕ

А. А. Яковлев

А. Б. Шевнин в своих работах пишет о необходимости разработки эрратологии – некоей теории ошибок. По его мнению, анализ различий на входе и выходе может дать положительную информацию о природе и способе функционирования отклонений (ошибок). Автор распространяет свой метод не только на лингводидактику, но и на теорию перевода. В данной статье приводится анализ правомерности такого подхода.

Ключевые слова: перевод, эрратология, эквивалентность, трансформации

В одной из своих работ А.Б. Шевнин, цитируя Х. Джорджа, сразу пишет о том, что получение знаний при изучении иностранного языка можно назвать «входом», а реализацию этих знаний в форме устного или письменного текста «выходом» [7. С. 36]. И далее он продолжает: свою мысль: «В тех случаях, когда появляется нежелательная форма <...> не предусмотренная материалом на входе, можно говорить о появлении ошибки. В этом случае интерес должны представлять промежуточные механизмы, вызвавшие эту ошибку. Именно анализ различий на входе и выходе может дать положительную информацию о природе и способе функционирования таких отклонений» [Там же]. Подход с точки зрения межъязычия автором отвергается. Хотя системный характер таких отклонений именно с точки зрения межъязычия был доказан М. Дебрэнн [1. С. 336–340]. Сопоставление различий на входе и выходе в лингводидактике, на наш взгляд, еще может быть оправдано. Но А. Б. Шевнин переносит этот метод на перевод [6]. Простым сопоставлением ИТ и ПТ нельзя создать необходимую базу для адекватной модели перевода. Если описывать процесс перевода путем сопоставления ИТ и ПТ, то он представляется лишь как система фильтров, задерживающих и преобразующих речевой стимул (на входе) и речевую реакцию (на выходе) [5. С. 282]. Но такое представление процесса перевода онтологически ошибочно.

Попробуем более детально разобраться в этих и других противоречиях.

Противоречия эти, как нам кажется, не могли не возникнуть, так как автор с самого начала идет по неверному пути. А. Б. Шевнин пишет о том, что «порядок слов может обуславливать смысл высказывания» [6]. Но дело обстоит с точностью до наоборот. Смысл определяет состав высказывания и его структуру, включая порядок слов. Говорящий (пишущий) подбирает структуру высказывания, наиболее подходящую той мысли, которую хочет выразить, а не «подгоняет» мысль под заранее выбранный порядок следования элементов высказывания.

Далее он, полностью соглашаясь с Т. А. Фесенко, пишет, что «переводу подвергаются не вербальные знаки, а стоящие за ними концепты» [Там же]. Но следовало бы добавить, что концепты представлены в исходном тексте (а значит, и в тексте перевода) не полностью, а фрагментарно. В каждом тексте находит выражение та часть концепта, которая необходима для выражения смысла именно этого текста. Даже на примере такого простого высказывания, как *Она с радостью вошла в дом* концепт «дом» представлен явно не целиком. Как писал С. Д. Кацнельсон, «...предложение – это не автономные единицы, из последовательности которых складывается речь. Состав предложения определяется не только содержанием пропозиции, но также структурой текста, частью которого является данное предложение» [Цит. по: 2. С. 165]. Не смыслы высказываний формируют смысл текста, но, наоборот, общий смысл текста обуславливает смысл того или иного высказывания в ряду взаимосвязанных высказываний.

Нельзя считать, что в предложении *Она с радостью вошла в дом* за отсутствием контекста концепт «дом» выражен полностью. Читатель (или слушатель) просто не понимает, какая конкретная часть этого концепта актуальна для описываемой ситуации (потому что ее, ситуации, и нет). Но стоит расширить контекст, как необходимый элемент концепта проявляется с большей силой: *Он вышла замуж за бывшего одноклассника, родителей которого она хорошо знала. (Поэтому) Она с радостью вошла в дом.* То есть стала членом их семьи. Или другой пример: *Она не была в этих местах уже много лет и часто вспоминала детство. Она с радостью вошла в дом.* Нетрудно убедиться в том, как, обретая конкретное значение, слово *дом* реализует различные аспекты содержащегося в нем концепта.

Поэтому не вполне правомерно, на наш взгляд, говорить о том, что переводу подвергаются концепты, подвергаются, скорее, фраг-

менты концептов, представленные в тексте, в их взаимодействии. Взаимодействие частей концептов определяется тем, какой смысл должен выразить текст. То есть переводу подвергается все же смысл текста, для передачи которого переводчик выбирает определенные фрагменты концептов и располагает их в определенную систему. Концепты, понятно, находятся в тезаурусе переводчика, и он использует их, «вытаскивает» некоторые их части для передачи смысла текста. Смысл текста определяется не только содержанием концептов, но и взаимодействием их частей внутри текста. Так, в первом из приведенных нами примеров концепт замужества (точнее, его часть) определяет то, какая часть концепта дома будет релевантна для выражения смысла высказывания. Следовательно, смысл текста и концептосфера этого текста (совокупность всех представленных в нем фрагментов концептов) не есть одно и то же. Это в принципе разнородные понятия. Смысл текста (как, собственно, и отдельного высказывания) не может быть сведен лишь к концептам, в нем содержащимся. Большую роль в формировании смысла играют, например, строевые элементы, о чем писал, например, С. Д. Кацнельсон [3].

А.Б. Шевнин много пишет об актуальном членении, но иллюстрирует ошибки примерами, не превышающими по объему одного высказывания. Он пишет: «...При прямом (объективном, неинвертированном) порядке слов основная, коммуникативно-значимая информация (рема) всегда располагается в конце предложения *после глагола-сказуемого*, а вспомогательная информация (тема) – в начале предложения *до глагола-сказуемого* (курсив наш – А.Я.)...» [6]. Выходит, что информация высказывания «обращается» вокруг некоего центра, представленного глаголом-сказуемым. Такой подход возможен в преподавании иностранного языка, когда учащихся учат «строгой» норме на примерах отдельных высказываний, не касаясь подробно исключений, обусловленных теми или иными факторами. Но применительно к переводу, который имеет дело чаще всего с целостными текстами с их сложной структурой, подход этот вряд ли применим.

В английском же языке, по его словам, дело обстоит иначе. «... Члены предложения, несущие основную, рематическую, информацию могут располагаться в любой части английского предложения – в начале, середине или конце» [Там же].

Если, как пишет А. Б. Шевнин, **расположение темы и ремы в английском высказывании носит нелинейный характер**, то как понять

расположение темы и ремы в отдельном, вырванном из контекста предложении?

В подтверждение своего мнения автор среди прочих приводит следующий пример:

...the party set down from the broken up car when they ran out of water.

...розыскная группа прошла от сломанной машины, когда запасы воды у них закончились.

Утверждается, что придаточное времени несет на себе вспомогательную информацию, а потому должно быть поставлено в препозицию. Приводится правильный вариант:

Когда запасы воды иссякли, пострадавшие отправились в путь, бросив вышедшую из строя машину.

Но это высказывание может иметь и иную интерпретацию: *Пострадавшие оставили машину и отправились в путь, только когда у них закончилась вода.* Понять, что именно хотел сказать автор текста поможет именно контекст высказывания.

Не будем подробно останавливаться на том, что А. Б. Шевнин не уделяет должного внимания монорематическим высказываниям, в которых при наличии только основной информации вспомогательная информация вовсе не отсутствует, она просто не находит вербального выражения.

Остановимся подробнее на том, как А. Б. Шевнин трактует возможность определенных трансформаций при переводе.

«...Трансформация актива в пассив и наоборот невозможны без изменения информационного потенциала отдельных членов и предложения в целом...» [Там же]. Такое заявление возможно, только если изначально принять мысль о том, что именно порядок элементов высказывания определяет его смысл, а не наоборот.

Приводится такой пример:

The microprocessor and the supporting technology deliver exceptional performance at lower chip speed.

Микропроцессор и поддерживающая технология дают наиболее хорошие результаты на низких скоростях чипов

Правильный вариант: *Благодаря микропроцессору и встроенной технологии на низких чиповых скоростях обеспечивается наилучший режим работы.*

А. Б. Шевнин идет в этом вопросе дальше и пишет даже о некой закономерности, состоящей в следующем: «...Английское

подлежащее-недеятель (псевдосубъект) в предложениях со средним залогом, как правило, при переводе соответствует русскому обстоятельству или дополнению» [6].

Следуя этой логике, придется признать различными следующие высказывания. *Стол был накрыт официантом. Официант накрыл на стол. Стол (для еды) был приготовлен официантом.* И, соответственно, признать равнозначными высказывания *Стол был накрыт скатертью* и *Стол был накрыт официантом.* Несостоятельность таких выводов, основанных лишь на внешней структуре высказывания, была показана С. Д. Кацнельсоном [4. С. 83–84]. «Сочленение внешних форм в предложении воспроизводит лишь частично внутреннее сочленение лексических значений...» [Там же. С. 88].

Также следовало бы признать различными по смысловому содержанию высказывания типа *Я видел прекрасный сон* и *Мне приснился прекрасный сон*; *Вчера была отправлена телеграмма* и *Вчера отправили телеграмму.* И придется только первые предложения признать возможными вариантами перевода английских фраз *I had a beautiful dream* и *Yesterday, the telegram was sent.*

Констатация подобных закономерностей основывается, на наш взгляд, на бихевиористских предпосылках, о которых мы писали в начале статьи. Она влечет за собой вывод: в сходных условиях делай то же самое. Но такой вывод прямо противоречит онтологии перевода, который является сложным процессом, особым видом речевой деятельности и не может быть сведен к набору реакций на определенные стимулы. Плюс ко всему оправдание существования каких-либо закономерных соответствий порядка слов или других внешних характеристик текста оригинала и текста перевода как раз и влечет за собой так называемый переводческий язык, заставляет переводить «по шаблону».

Список литературы

1. Дебрэнн, М. Теоретические и прикладные аспекты межъязыковой девиатологии : Дисс. ... д-ра фил. наук. Новосибирск, 2006. 375 с.
2. Гребенкина, О. С. Контекстуальная полисемия // Вестник ПГТУ. Проблемы языкознания и педагогики. Пермский гос. ун-т. № 10. С. 165–171.

Spisok literatury

1. Debrenn, M. Teoreticheskie i prikladnye aspektymezh"jazykovoideviatologii : Diss. ... d-ra fil. nauk. Novosibirsk, 2006. 375 s.
2. Grebenkina, O. S. Kontekstual'naja polisemija // Vestnik PGTU. Problemy jazykoznanija i pedagogiki. Permskii gos. un-t. № 10. S. 165–171.

3. Кацнельсон, С. Д. О грамматической семантике. URL : <http://www.philology.ru/linguistics1/katsnelson-86.htm>
4. Кацнельсон, С. Д. Типология языка и речевое мышление. М. : УРСС, 2002. 220 с.
5. Леонтьев, А. А. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии: Избранные психологические труды. Воронеж : Издательство НПО «МОДЭК», 2003. 536 с.
6. Шевнин, А. Б. Эпратология порядка слов в переводе. URL : ftp://lib.herzen.spb.ru/text/shevnin_115_203_210.pdf
7. Шевнин, А. Б. Эпратология и межъязыковая коммуникация. Вестник ВГУ, Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2004а. № 2. С. 36–44.
3. Kacnel'son, S. D. O grammaticheskoj semantike. URL : <http://www.philology.ru/linguistics1/katsnelson-86.htm>
4. Kacnel'son, S. D. Tipologija jazyka i rechevoe myshlenie. M. : URSS, 2002. 220 s.
5. Leont'ev, A. A. Jazyk i rechevaja dejatel'nost' v obshei i pedagogicheskoj psihologii: Izbrannye psihologicheskie trudy. Voronezh : Izdatel'stvo NPO «MODYeK», 2003. 536 s.
6. Shevnin, A. B. Yerratologija porjadka slov v perevode. URL : ftp://lib.herzen.spb.ru/text/shevnin_115_203_210.pdf
7. Shevnin, A. B. Yerratologija i mezh"jazykovaja kommunikacija. Vestnik VGU, Serija «Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija». 2004a. № 2. S. 36–44.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКА

ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА ПРИ ОВЛАДЕНИИ РУССКОЙ ПОНЯТИЙНОЙ КАТЕГОРИЕЙ КОЛИЧЕСТВА: ГРАММАТИЧЕСКОЕ СУБСТАНТИВНОЕ ЧИСЛО И ГЛАГОЛЬНЫЙ АСПЕКТ

И. И. Акимова

Статья посвящена анализу трудностей обучения китайцев русской грамматике при овладении грамматической категорией субстантивного числа и лексико-грамматической категорией глагольного вида. Названные категории в предложении-высказывании тесно взаимодействуют, так как выполняют актуализующую роль. Очевидна их связь с семантической категорией определенности, средствами выражения которой является лексикон: всякий любой каждый; некоторые, все и др. Учет родного языка учащегося позволяет оптимизировать процесс обучения.

Ключевые слова: понятийная категория, количественность, субстантивное число, глагольный вид, методика РКИ, интерференция китайского языка при обучении русскому языку.

По справедливому замечанию В.А. Плунгян, «число является <...> одной из самых «именных» <...> категорий имени существительного» (включая местоименные существительные)¹.

Сложность овладения лексико-грамматической категорией субстантивного числа РЯ определена следующими факторами:

- 1) идиоспецификой данной категории русского языка;
- 2) ее согласовательным характером в целом;
- 3) нетривиальностью универсального понятийного значения (концепта) хотя бы для форм субстантивного числа;
- 4) отсутствием формальных показателей понятия «вещественность» и «собирательность» в РЯ и КЯ.

«Грамматичность» русского числа вступает в объективное противоречие с внеязыковой реальностью. Суть проблемы состоит в том, что понятие количества может быть применимо только к дискретным объектам – то есть к объектам, имеющим пространственные и/

или временные границы, а также к конкретным ситуациям (актам), имеющим начало и конец. Облигаторность грамматической оформленности русских субстантивов по числу приводит к расхождениям грамматического и семантического содержания граммем числа у существительных *pluralia* и *singularia tantum*, к существованию обширной зоны, выведенной из числового противопоставления (вещественных, собирательных и абстрактных существительных *singularia tantum*).

Ниже приведены примеры, которые, несмотря на кажущуюся тривиальность для носителей флективных языков, демонстрируют трудности в употреблении субстантивных форм числа учащимися, родной язык которых имеет иные типологические черты.

1-й тип ошибок связан с функционированием субстантивов, выведенных из зоны числового противопоставления, а также с образованием форм множественного числа русских имен существительных абстрактного значения (**Слышны смехи*) и в имен, способных к употреблению в вещественном значении (**В реке исчезли рыбы*).

Анализ функционирования показателей субстантивного числа в КЯ языке позволяет не только увидеть типологические особенности КЯ как языка изолирующего строя, но и выявить и предложить модель «устройства» категории субстантивного числа в КЯ, что необходимо в целях сопоставления данной категории в двух языках. Сопоставление структуры категории субстантивного числа в двух языках даёт ключ к пониманию механизма интерференции родного (китайского) языка и позволяет, на наш взгляд, обеспечить преподавателя-русиста методическими рекомендациями, направленными на предотвращение образования ошибочных форм субстантивного числа.

В частности, в КЯ, несмотря на отсутствие грамматическая категория собирательности, безусловно, существуют универсальные понятийные основания, позволяющие ввести эту сложнейшую для китайских учащихся категорию, поскольку в соответствии с объективным положением вещей в реальном мире в разных языках имеется потребность называть дискретные предметы, а также обозначать вещества или совокупности. Сказанное справедливо и для других категорий РЯ, отсутствующих в КЯ, например, для глагольных категорий русского вида (аспекта) и способов глагольного действия.

2-й тип ошибок связан с выбором формы числа объекта при глаголе повторяющегося действия. Форма числа определяет характер референции объекта и тем самым выражает также аспектное значение.

Форма единственного числа вместо формы множественного числа в случае названия разных объектов одного класса (так называемая неопределенная референция) создает логическую аномалию:

1) **Он часто читает книгу*. Вместо: *Он часто читает ЭТУ книгу* (=перечитывает) или *Он часто читает книги*, так как говорящий имеет в виду не одну и ту же, определенную (эту или ту) книгу), а повторяющиеся однотипные ситуации чтения РАЗНЫХ книг.

2) **Я часто/регулярно/ постоянно покупаю газету*. Вместо: *газету «Комсомолка»* (определенный «вид», или «подтип»).

Когда существует необходимость выбора числа имени, обозначающего объект в РЯ, имеет место выражение параллелизма квантификации объектов и событий, и граммема числа играет смысло-различительную роль. Однако совершенно правильно будет сказать: *Я ежедневно/ каждый день покупаю газету/ газеты*. Форма единственного числа «газету» здесь уместна, так как речь идет каждый раз о конкретной (хотя и повторяющейся) ситуации, и в каждой ситуации каждый раз фигурирует только ОДНА газета, достаточно определенная, но не актуализованная. Данный пример представляет собой случай квантификации отдельных актов и сопоставим с квантификацией дискретных объектов. Форма множественного числа также уместна, так как объект действия результативного, но непредельного глагола «покупаю» (аспектная сема ПОВТОРЯЕМОСТЬ) может быть представлен говорящим как совокупность конкретных реализаций действия «покупать газету», либо представляется как повторяемость целостного действия, переходящего на множественный объект, «купить газеты».

В РЯ аспект выражается синтетически: формой вида, специализирующейся на выражении одного или нескольких определенных аспектных значений, и аналитически: лексическими показателями аспектных значений типа «часто» (ПОВТОРЯЕМОСТЬ), «долго» (ДЛИТЕЛЬНОСТЬ), «один раз» (ОДНОКРАТНОСТЬ. РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ или ОДНОКРАТНОСТЬ. ФАКТ). В КЯ аспект выражается только аналитически при помощи большого числа глагольных морфем-показателей аспекта и временного плана действия, если временной план не задан обстоятельством времени.

1. Длительное действие, совершаемое в момент, указанный в контексте (сегодня, завтра, вчера)

1.1. Действие, совершаемое в момент речи (термин «длительное продолженное действие» соответствует русскому аспекту ДЛИТ. в

плане актуального настоящего времени), не нуждается в специальных показателях. Показателем длящегося состояния при результативном (есть сема ЛИМИТ.) глаголе КЯ предикате является служебная морфема zhe 着, указывающая, что действие, протекая непрерывно, превратилось в длящееся состояние.

1.2. Длительное действие, совершаемое не в момент речи.

Временной план отнесенности действия определяется по контексту.

明天早上我做着练习 – mingtian zaoshang wo zuo zhe lianxi – завтра утром я буду делать упражнение.

昨天早上我做着练习 – zuotian zaoshang wo zuo zhe lianxi – вчера утром я делал упражнение.

2. Действие, законченное на момент речи (результативное или нерезультативное: прерванное либо остановленное), оформляется показателем le 了.

Примечание. В КЯ различают формант le 了 в постглагольной позиции и «модальную частицу» le 了 в позиции конца предложения. 你去了那儿 – Ni qu le nar – ты куда пошел?

你去那儿了 – Ni qu nar le – ты куда ходил?

Формант 了 в (1.) указывает на завершенность действия, модальная частица 了 в (2.) – на отнесенность целой ситуации к плану (абсолютного) прошедшего, формант 了 в (3.) указывает на относительное время действия qu).

1. Он пошел/ ушел в магазин – ta qu le shangdian – 他 去了商店

2. Он сходил в магазин – ta qu shangdian le - 他 去商店了

Завтра после завтрака мы пойдем в магазин - mingtian chi le wome en qu shangdian – 明天吃了我们去商店

3. Фактическое действие в прошлом («прошедшее неопределенное действие»)

他到过北京, 去一次 – ta dao guo Beijing, qu yi ci – он ехать + РЕЗ. guo Пекин, ехать один раз = Он ездил в Пекин один раз.

他去过了北京 – ta qu guo le Beijing – он ехать + РЕЗ. guo Пекин + план прошедшего времени = он ездил в Пекин = бывал в Пекине.

3.1. Значение «аннулированный результат»

Я открывал окно (сейчас окно закрыто) и переложил твои книги на стол –

我打开过窗户 你的书放在了桌子上 – wo dakai guo chuanguhu nide shu fang zai le zuozi shang – я открыть +РЕЗ. guo окно твои книги поместить на /в + ЗАКОНЧЕН. le стол верхняя поверхность.

3.2. Отрицательная модификация: отсутствие фактического действия в прошлом до момента речи

Афанги никогда не входил во дворец – 阿凡提从来没有进过王宫 – *afangti cong lai mei you jin* + PE3. *guo wang gong* – *Афанги из придти не входит* + PE3. дворец.

Типологическое и структурное различие в обязательных для выражения и принципиально невыражаемых значениях в двух языках обуславливает третий тип ошибок.

Поле количественности имеет в своем составе фрагмент нечисловой квантификации объектов, куда входят универсальные семантические кванторы «весь» и «некоторое количество», необходимые для логической операции включения и соотнесения части и целого.

Данные семантические универсалии (в смысле А. Вежицкой) – 'весь' и 'некоторое количество' в РЯ выражают неопределенно-количественные наречные числительные: *много/ немного*, и заместители наречных числительных числительного *столько-то* (-либо, -нибудь) / *сколько-то* (-либо, -нибудь), прилагательные *многие/ немногие*, способные употребляться как субстантивы, неопределенное в количественном отношении местоимение *кое-кто/ кое-что* и местоименное прилагательное в форме мн. ч. *некоторые*.

В КЯ часто отсутствуют лексические эквиваленты кванторных слов, хотя, безусловно, имеются вариативные способы выражения соответствующих значений, поэтому 3-й тип ошибок связан с выражением разной степени количественной определенности и вызван неузуальным употреблением инофонами квантитативных слов РЯ «много» и «многие», «немного» и «немногие», «всё» и «все», «мало» и «некоторые». Как правило, китайские учащиеся используют в основном форму «(не)много», пренебрегая смысловым различием лексем «многие» и «много», «всё» и «все».

Отсутствие лексических эквивалентов многих русских кванторных слов (лексические лакуны) в КЯ, безусловно, связано с несопадением принципов языковых структур. Дело в том, что русские кванторы помимо указания на некоторое количество выполняют роль показателей определенности-неопределенности (детерминации), которая, как это будет показано ниже, в КЯ передана структурным элементам (счетным словам) и числительным.

Между тем, добиваясь грамматически правильной русской речи, нельзя пренебречь данным семантическим различием, так как оно связано с реализацией важных понятийных категорий, таких как оду-

шевленность и неодушевленность («все» (о лицах, зоонимах и неодушевленных предметах) и «всё», (о неодушевленных предметах); личности и безличности, возникающей на базе нерасчлененности («многие» – в личной конструкции: *Многие люди пришли*, «много» – в безличной: *Пришло много людей*), возможно, при участии слов «многие» и «много» выражается значение определенности и неопределенности исходного множества, из которого отбираются объекты в новое подмножество (определенность исходного множества: «многие животные (=виды животных)», «многие из моих друзей»; неопределенность исходного множества: «много животных погибло»), а также характер количественной оценки – объективированной («многие из...») или субъективированной («много»).

Значения пар слов «многие» – «много» и, соответственно, «немногие» – «немного» и «мало» различаются по признаку «расчлененность»-«нерасчлененность», то есть «дифференцированное множество» – «недифференцированная совокупность». Как недифференцированная совокупность в РЯ могут быть представлены не только несчетные, но и счетные сущности, ср., например, *зерно, молодежь, народ, население* и т.п..

Различие в употреблении кванторов «многие» – «некоторые»; «все» – «всё» и др. связаны с наличием либо отсутствием в их семантике универсальных по характеру компонентов «счетное» для «многие» – «некоторые», «несколько», «все» и «несчетное» для «всё». Кванторы «много» – «мало» сочетаются лексически с обозначениями как счетных, так и несчетных сущностей: много/мало дней и ночей, много/мало еды, запасов, муки, одежды, риса, земли. Необходимо отметить, что универсальность значений «счетное» - «несчетное» не препятствует идиоэтнической уникальности их представленности в семном составе лексического значения слова того или иного языка.

Действие интерференции КЯ обусловлено следующим обстоятельством: в КЯ 多 *duo* является эквивалентом как для русского «много», так и для «многие», 都 *dou* для «всё» (для неодушевл.) и «все» (для одушевл.). Соответственно, ошибки на неразличение русских значений весьма частотны. Однако, как правило, ошибочное употребление квантора со значением «значительное или незначительное неопределенное количество» вместо квантора со значением «определенное значительное или незначительное количество дискретных объектов множества» не ведет к аномальности текста².

?Я знал много гостей. Вместо: Я знал многих гостей.

Все сказанное позволяет объяснить причины семантической непротиворечности приведенных ниже высказываний. Так, различие в употреблении кванторов связано с различной степенью охвата объектов действия:

От бомбардировок погибли *многие мирные палестинцы/ многие люди (вместо: *много палестинцев / людей*).

Различие в употреблении кванторов «много» и «многие» и, соответственно, сравнительной формы кванторного наречия «много» – «больше» связано с семантической категорией одушевленности-неодушевленности и синтаксической категорией личности-безличности:

Выставку посетилИ *больше трёх тысяч человек (вместо: 'более'); ср. нормативное: *Выставку посетилО больше, чем три тысячи человек*.

В первом приближении очевидно, что в РЯ кванторными словами *многие, немногие, некоторые* выражается не только значение «неопределенное количество одушевленных или неодушевленных объектов», но и дискретность объектов и связанная с количественной определяемостью дискретных объектов их референциальная определенность, что связано с меньшим охватом объектов.

В практическом курсе РЯ для нефилологов соотношение кванторов «много» и «многие» не освещается, также как и отношение между словами и омонимичными формами *весь-всё-все*. Местоименное прилагательное («общекванторное слово» - Ю.Д. Апресян) «весь» (ср.: «*весь*» - *весь (мир), вся (земля), всё (тело болит)*) со значением «всеохватности» объектов³ имеет форму множественного числа «все», выражающую всеохватность дискретных объектов в составе множества (одушевленных (лиц и зоонимов) объектов и неодушевленных конкретных существительных: *все пришли, все дела сделали, все места заняты, все покупки рассыпались*), а также охват всех актов-ситуаций, выраженных абстрактным существительным: *все сомнения отпали, все страхи рассеялись*. Форма среднего рода единственного числа прилагательного «весь» (*всё (поле)*) омонимична местоименному существительному *всё* в конструкциях типа *всё сказано, всё готово, всё пропало*, выражающему всеохватность, но нейтральному по значению «дискретность».

«Сфера действия» местоименных прилагательных «каждый» (обобщительного значения), «любой» и «всякий» - только дифферен-

цированные множества, то есть такие, элементы которых могут быть посчитаны. Речь идет в первую очередь о расчлененном представлении реального или ментального объекта в речи. Различия между словами данного ряда связано с онтологическим статусом объекта - его существованием в реальной действительности или в воображении говорящего - и проводится по шкале степени определенности-неопределенности референции объектов, подтверждая тесную онтологическую связь семантических категорий количественности и определенности.

Приведем некоторые наблюдения на этот счет. Ср.:

1. *Каждый из нас* (= *каждый в отдельности* и, следовательно, *все мы вместе*);

2. *Любой из нас* (= *в отдельности*)

3. *Всякий *из нас* (оператор «всякий» не принимает ограничений на область действия)

3.а. *На всякого мудреца довольно простоты* (= *на любого мудреца*; = *на каждого мудреца*).

Очевидно, что «каждый» является квантором всеобщности, наделяя объекты-лица и не-лица общим отношением-признаком. Квантор «каждый» уместен (*каждый из нас*), если не подразумевается обобщение (*и все мы*).

«Любой» не является квантором всеобщности, а, наоборот, является квантором дистрибутивности, «отдельности», выделяя объект-лицо или не лицо из числа подобных: *любой из нас мог бы претендовать на эту роль*. Квантор «любой» не подходит для указания на расчлененность ситуаций: нельзя сказать **любой раз*. Квантор «любой» больше подходит для гипотетических ситуаций, чем для реальных: *?Любой из нас претендует на эту роль* вместо: *Каждый из нас ...*

На вычлениии ситуации из ряда подобных «специализируется» квантор «всякий». Ср.: *всякий раз я боюсь сказать ей об этом*. Вероятно, при нарушении «негласного запрета» на квантификацию объектов-лиц возникает значение пренебрежительности: *ходят тут всякие*.

Безусловно, устройство фрагмента нечисловой квантификации объектов ФСП количества, представленного кванторными словами, заслуживают более глубокого анализа, в том числе и в сопоставлении с КЯ. Описание очерченного фрагмента поля квантитативности представляет огромный интерес, но останется нереализованным в полной мере в рамках данной работы.

**АВТОРСКИЕ МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ
ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ**

Ю. Т. Кучиева

Роль нетрадиционных методов обучения в России является предметом дискуссий. Данная статья посвящена анализу некоторых интенсивных методов обучения иностранным языкам – в частности методу А. Драгункина.

Ключевые слова: авторский метод, методика преподавания, обучение иностранным языкам.

Возросший спрос на владение английским языком способствовал появлению множества курсов, разнообразия методов обучения. В рекламах методик трудно определить, какой метод является наиболее эффективным для достижения поставленных целей. Каждый метод, как известно из истории методики, предусматривает реализацию конкретной цели, поэтому мы вслед за Н. В. Барышниковым считаем, что универсальных методов обучения ИЯ не существует. «Легких путей изучения иностранных языков нет. Кто их ищет, тот напрасно тратит время, а кто находит, тот просто вводит в заблуждение своих легковерных последователей» [1. С. 11].

Вместе с тем, не прекращается поиск чудодейственных методов, большинство из которых, как теперь очевидно, не имеют достаточного научно-методического обоснования. Зато их авторы не скупятся на эпитеты, называя их нетрадиционными, уникальными. Как правило, нетрадиционные методы основываются на модной идее, чаще всего на суггестологии - науке о скрытых резервных возможностях человека (Г. Лозанов). На основе суггестологии разработаны методы изучения иностранных языков – А. С. Плесневича, И. Ю. Шехтера, И. Давыдовой, В. А. Воотинова, А. Драгункина.

Метод погружения (А. С. Плесневич) был весьма популярный в нашей стране. Он предполагал отказ учащегося от общения на родном языке, учащийся выбирает себе другое имя, ассоциируя себя с носителем языка. Считалось, что подобный приём особым образом раскрепощает учащегося в процессе обучения иностранному языку.

Этот же прием используется и в методе И.Шехтера, основанном на эмоционально-смысловом освоении языка.

Позднее появились методы обучения английскому языку Илоны Давыдовой, метод 25 кадра, воздействующие на подсознание. Так, секрет метода 25 кадра, по мнению его разработчиков, заключается в том, что он, не действуя на само сознание и не создавая нагрузку, способствует наилучшему усвоению информации. 25 кадр влияет непосредственно на подсознание, поэтому воспринимаемая информация быстрее перерабатывается и осваивается учащимися.

За последние годы на рынке образовательных услуг появились десятки методов, авторы которых обещают овладение иностранным языком без труда и за короткие сроки. Например, метод Д. Рунова, метод И. Максименко, метод Н. Замяткина, метод В. А. Вотина и др.

Некоторые нетрадиционные методы, несомненно, занимают свою нишу в практике обучения иностранным языкам. В частности, метод А. Драгункина, на наш взгляд, заслуживает особого внимания при анализе нетрадиционных методов, поскольку в нем имеет место разумное сочетание бессознательного овладения разговорными фразами для обучения общению в типичных ситуациях и осознанных манипуляций с языковым материалом.

Автор метода считает, что английский язык за свою более чем 1000-летнюю историю утратил массу грамматических факторов и его костяк на сегодняшний день составляет ограниченное количество постоянно неизменяемых слов (и их комбинаций) [3. С. 10].

А. Драгункин проанализировал жизненные стандартные ситуации и вычленил постоянные алгоритмы их описаний, которые назвал «формулами». Принципы построения формул являются неизменными, а сами формулы состоят из изменяемых частиц, называемых элементами или блоками. Изучив определенное количество формул и элементов (блоков), учащийся через 1–2 недели, по мнению автора, сможет самостоятельно складывать формулы-микрофразы.

Целью метода является обучение свободному общению на грамматически правильном английском языке с любым англоязычным партнером носителем или неносителем английского языка, автоматически складывая из формул и слов «правильные и красивые предложения» [3. С. 13]. Обучаемому следует выучить «51 формулу», которые позволят самостоятельно составлять любые фразы. Сомнительным, однако, представляется утверждение автора о том, что составленные обучаемым фразы могут передать тончайшие оттенки его мыслей и

желаний, поскольку начинающий изучать иностранный язык, вряд ли сможет выбрать из словаря адекватное конкретной ситуации общения слово, передать свое настроение, эмоциональное состояние.

А. Драгункин назвал свой метод броско: «Новый русский метод». Некоторое количество золотых формул английской грамматики, по словам автора и некоторым отзывам, существенно облегчает освоение языка.

Все элементы и правила в английском языке, по мнению автора, можно сформировать в несколько конкретных групп. Этим групп 7 и каждая состоит из 7 составляющих, поэтому они называются «семерками». Из этого следует, что все английские грамматические конструкции строятся из конкретного количества элементов, расположив которые в удобном для пользователя порядке, автор получил универсальную таблицу.

Все таблицы и все группы («Семерки») должны быть выучены наизусть. Знание всех внешних изменений, которые могут происходить с английским словом, знание и понимание содержания таблиц приведет к осознанию того, как складывать элементы в формулы, а затем во фразы. Суть методики, по мнению автора, дойдет до обучающегося сама по себе по мере чтения книги. Книгу следует читать не один раз для достижения автоматизма в умении складывать необходимые фразы.

Структура языка в изложении автора также вызывает у лингвистов много вопросов.

Так, по мнению М. Горелик, А. Драгункин умело систематизировал большое количество языковых явлений. Однако автор систематизировал языковые явления не по смысловому, а чисто языковому принципу, хотя и утверждает, что система абсолютно строга и логична и соответствует критерию функциональности. М. Горелик обращает внимание на три базовых правила, которые выделяет А. Драгункин:

- действующее лицо обозначается только субъектным местоимением;
- в каждом английском предложении обязательно наличие глагола (в любой форме);
- единожды измененное английское слово дальнейшим изменениям не подвергается.

Говорится также и о новых категориях грамматики (обязательных определителях, словах-подсказках и т.д.), о возможности легкого

объяснения системы времен для русскоязычного слушателя. У специалистов возникает ощущение, что построенная система отражает какой-то другой английский язык [2].

Из всего сказанного можно сделать заключение, что по методу А. Драгункина можно научить складывать грамматически правильные предложения, но нельзя научить общению, что подтвердило экспериментальное исследование.

С целью определения эффективности мы апробировали в практике обучения «Новый русский метод» А. Драгункина, задачами которого явились:

1) определить степень эффективности «золотых правил» и «семерок»

2) отследить механизм трансформации формул в механизм формулирования мыслей,

3) выяснить, насколько обучение по методу А. Драгункина повышает веру обучаемых в свои силы, чтобы овладеть английским языком.

В экспериментальной проверке участвовало 30 учащихся первого курса среднепрофессионального колледжа КЧГТА. Из 30 студентов 13 человек изучали английский язык в общеобразовательной школе, для 17 студентов английский язык был новым предметом, поскольку в школе они изучали немецкий или французский языки. Перед началом эксперимента 13 студентов, ранее изучавших английский язык, были протестированы с целью определения их уровня владения английским языком. Результаты тестирования показали, что студенты владеют английским языком на «допороговом» уровне. 17 студентов начали изучать английский язык с нуля.

Со студентами было проведено 16 занятий по английскому языку с использованием книги А. Драгункина «51 золотая формула». Экспериментальная проверка проходила в строгом соответствии с указаниями, изложенными в книге. По завершении обучения все студенты были протестированы. Результаты тестирования показали, что у студентов, ранее изучавших английский язык, несколько увеличилась скорость речи, они стали более осознанно составлять предложения и строить высказывания. Однако свободному общению обучить студентов не удалось, их уровень владения английским языком остался прежним «допороговый». Уровень владения английским языком студентами, которые ранее английский язык не изучали, оказался ниже уровня «выживания».

Анализ проведенных занятий позволил сделать следующие выводы:

1. Метод А. Драгункина является результативным для тех обучающихся, у которых есть определённый уровень владения английским языком. Логические таблицы они могут использовать как средство для повторения и закрепления ранее изученного языкового материала.

2. Для тех обучающихся, кто ранее не изучал английский язык, требуются дополнительные разъяснения правил. По завершении обучения студенты научились составлять предложения, изменять слова в самих предложениях и воспроизводить заученные фразы вне контекста. Для того, чтобы научить студентов использовать изучаемый материал в ситуациях общения, необходимо разрабатывать упражнения для тренировки.

3. Основное внимание в учебнике уделяется скорости осмысления полученной информации обучающимися, однако, важным представляется обучение студентов не только осознавать получаемую информацию, но также правильно использовать грамматические конструкции в речи с учетом той или иной коммуникативной ситуации, что на практике, как показывают результаты проведенного эксперимента, не происходит.

4. Научиться читать по транскрипции, предложенной А. Драгункиным, студенты не могут, что создает дополнительные трудности при овладении материалом. Использование автором русской транскрипции (звуки английской речи записаны русскими буквами) предполагает и соответствующую артикуляцию. М. Колпачки утверждает, что, изучая английский язык, без консультанта по фонетике, не обойтись. Важно не только произносить слова вслед за пластинкой или телепреподавателем, необходимо, чтобы человек, владеющий английским языком, поправлял новичка. В дальнейшем потребуются только терпение, повторение, упражнения [4]. Тот, кто с самого начала не научится произносить и правильно записывать звуки английской речи, тот рискует, во-первых, вообще не научиться читать и писать, и, во-вторых, не будет понимать собеседника. А это равносильно невладению языком [5].

5. Для того, чтобы студенты овладели свободным общением, их следует обучить всем видам речевой деятельности.

По нашему мнению, чрезмерная простота учебника оказала в большей степени негативное воздействие, поскольку невозможно было воссоздать хотя бы «искусственную языковую среду».

Владение иностранным языком предполагает разные виды речевой деятельности: говорение, понимание иноязычной речи на слух (аудирование), письмо, чтение и понимание прочитанного. Каждый из этих видов предполагает свои методы работы над ними. Что касается метода А. Драгункина, то к его сильным сторонам можно отнести: - изучение грамматики осуществляется последовательно от простого к сложному, и - от урока к уроку встречаются идентичные слова, что, безусловно, облегчает их запоминание. А к слабым сторонам - данный метод основан на заучивании уже готовых клишированных фраз, что исключает осмысленное употребление языкового материала. Ведь, чтобы свободно владеть языком, надо свободно мыслить. Учащиеся смогли только пользоваться заученными фразами, в то время как «языковая интуиция» осталась на нулевом уровне. А на наш взгляд, развитие «языковой интуиции» является важнейшей задачей при обучении иностранному языку, поскольку приводит к овладению иноязычной компетенции.

Вопреки мнению автора о возможности обучения свободному общению на английском языке, трансформации формул не складываются в коммуникативную компетенцию. Используя метод А. Драгункина, можно развивать и совершенствовать грамматическую компетенцию у тех обучаемых, кто ранее изучал английский язык, формировать грамматическую компетенцию у тех обучаемых, для которых английский язык является вторым иностранным, добавляя к учебнику тренировочные упражнения. В этом случае учебник «51 золотая английская формула» может быть использован как один из вариантов самообучения.

Список литературы

1. Барышников, Н. В. Обучение французскому языку в средней школе: вопросы и ответы. Пятигорск, ПГПИИЯ, 1995. - 139с.
2. Горелик, М. Метод Драгункина / Методика изучения языков. Каталог статей. URL : filolingvia.com/publ/129.
3. Драгункин, А. 51 золотая английская формула. СПб. : Изд-во «Успех», 2001. 396с.

List of literature

1. Baryshnikov, N. V. Obuchenie francuzskomu jazyku v srednej shkole: voprosy i otvety. Pjatigorsk, PGPIIJa, 1995. - 139s.
2. Gorelik, M. Metod Dragunkina / Metodika izuchenija jazykov. Katalog statej. URL : filolingvia.com/publ/129.
3. Dragunkin, A. 51 zolotaja anglijskaja formula. SPb. : Izd-vo «Uspех», 2001. 396s.

4. Колпакчи, М. А. Дружеские встречи с английским языком. Л. : Изд-во Ленинградского университета, 1978. 286с.
5. Коржачкина, О. М. Мои любимые звуки: Фонетико-орфографический справочник английского языка. М. : ВЛАДОС, 1996. 256 с.
6. Севидова, Н. Новый русский метод быстрого изучения английского // Научно-культурологический журнал. 2009. № 17. URL : www.relga.ru/Environ/wa/Main?
4. Kolpakchi, M. A. Druzheskie vstrechi s anglijskim jazykom. L. : Izd-vo Leningradskogo universiteta, 1978. 286s.
5. Korzhachkina, O. M. Moi ljubimye zvuki: Fonetiko-orfograficheskiy spravocnik anglijskogo jazyka. M. : VLADOS, 1996. 256 s.
6. Sevidova, N. Novyj russkij metod bystrogo izuchenija anglijskogo // Nauchno-kul'turologicheskij zhurnal. 2009. № 17. URL : www.relga.ru/Environ/wa/Main?

ABSTRACTS

Akimova I.I. Interference of the Chinese Language while Mastering the Russian Conceptual Category of Quantity: Grammatical Substantive Number and Verbal Aspect.

This article analyzes the difficulties of learning Chinese Russian grammar in use mastering grammatical category of noun number and lexical & grammatical category of verb form (aspects). Both categories interact closely in the sentences, as does function of actualization. Obvious is their relationship to the semantic category of distinctness, an expression which is the lexicon: every, some, any, all, few, much, many, etc. Knowledge about student's native language can help reaching learning process optimization.

Keywords: conceptual category, quantity, substantive number, verb aspect, methods of TRFL, interference of the Chinese language while teaching Russian.

Andreeva G.V. Associative Semantic Field "Time" in Poetic Text.

The article is devoted to associative semantic approach to poetic text and its categories. Nominative structural units are capable of creating the temporal perspective owing to implications and associations resulting from inner semantic connections of poetic images.

Keywords: poetic images, associative semantic approach, temporal category.

Bechina I.V. Structural Features of Polylexemic Units in English Literature Terminology (on the Basis of the Terminological System of Literary Genres).

This article deals with the topical linguistic issue of the study of English literature terminology. In the article data about the features of polylexemic units of English literature terminology are presented (on the basis of nominations of literary genres in English).

Keywords: literature terminology, syntactic method of nomination, polylexemic terminological models, stages of derivation.

Danyushina Y.V. Rhetoric of the Corporate Blog.

The paper investigates the rhetoric of the corporate blog and its role in creating customer loyalty and in positioning the company in the eyes of public opinion.

Keywords: rhetoric, corporate blog, business communication.

Dosimova M.S. Field Organization of the Concept “baba” in the Russian language mentality

The article is devoted to the problem of structuring and modeling the concept «baba (woman)». On the basis of the experimental data gone thorough the cognitive interpretation cognitive features of the concept have been formulated. The cognitive features have been distributed in the nucleus, the near, remote and uttermost periphery. The contents of the concept have been presented as the stratified structure, the strata of which are ranged in accordance with the percentage.

Keywords: concept “baba”, focused associative experiment, concept structure, field organization of the concept, nucleus, near periphery, remote periphery, uttermost periphery.

Fedulenkova T. N., Kokovina K. S., Popova A. S. The problem of phraseological abstraction (on the basis of the English language).

The problem phraseological abstractions has been lifted for the first time by V.L.Arhangelskim who underlined that various levels of phraseological abstraction speak about phraseological asymmetry. Developing these ideas, A.M.Melerovich named 3 types of phraseological abstraction, to which A.V.Kunin has added one more. The phraseological abstraction is closely connected with language motivation of phraseological value. In article concepts abstraction of isolation and abstraction of identification are treated.

Keywords: phraseology, phraseological abstraction, abstraction of isolation, analytical abstraction, abstraction of identification.

Idrisova M.M. Innovation of V.Nabokov as Translator.

The report said about Vladimir Nabokov as translator. His translation work has a special place in the history of Russian and world literature, without acquaintance with whom it is impossible to understand and appreciate the literary process of the last century

Keywords: V.Nabokov, national literature, fiction text translation.

Kuchieva Y.T. Author’s Methods of Teaching Foreign Languages.

The role of non - traditional methods in teaching/learning environment in Russia is the subject of debate and controversy. The article is devoted to the analysis of some intensive methods of learning foreign languages. The description of the method of A. Dragunkin is given and analyzed.

Keywords: author’s method, method of teaching, teaching foreign languages.

Lavrova N. A. Graphic contamination and contaminative hybrids in modern English and Russian languages.

In article structural, semantic and stilistiko-pragmatical characteristics of some unproductive kinds contamination words of modern English and Russian of languages are analyzed. The first group is presented by the words, one of which elements belongs to a foreign language, that is completely not assimilated in language-recipient. Graphic contamination arises by means of some paralinguistic means, in particular – use of italics, a bold-face type and capitalisation of a part of a word.

Keywords: contamination, pseudo-partitioning, pseudo-motivation, perlocutive intention.

Maletina O.A. Linguistic Stylistic Realization of Media Image of a Russian Politician in Foreign Mass Media.

This article is devoted to the media image of the Russian president and prime minister in foreign mass media (especially in newspapers and Internet sources), because the problem of describing different political events in foreign mass media is very actual, as in different countries one event can be interpreted in a different way. At first we tried to analyze the essence of mass media, giving some explanations and interpretations. According to our results foreign newspapers always write about Russian great politicians negatively using different lexical means and stylistic devices. Everybody understands that this negative image is aimed to weaken our political position in the world, but every negative word shows that Russia is respected thanks to a wise management of D. Medvedev and V. Putin, its opinion concerning global events is important and we play prominent role on the international political arena.

Keywords: media image, Russian politician, foreign mass media.

Mikhailova E.V. Reflection of National Cultural Peculiarities in Musical Poetic Works (Songs with Lyrics by A.Rusak and V.Kafrizna).

The article describes musical-poetical pieces – verses of Belarusian poets A. Rusak and V. Karizna set to music. They reflect national-cultural peculiarities: realization of the concept of music closely related to concepts of motherland, love, soul, heart, to lexical units and images representing Belarusian cultural paradigm. Image of song dominates the concept of music in analyzed works.

Keywords: national-cultural peculiarities, musical-poetical pieces, songs, verses, concept of music.

Muborieva A.R. English Borrowings in French Popularization Texts on Economic.

The objective of this article is to describe and characterize the functioning of English adoptions in French popularization texts on economics. The author concentrates her attention on the analysis of newspaper economic articles in the French press. Having studied a number of economic articles, the author defines the main kinds of English adoptions used in French popularization articles and their pragmatic functions.

Keywords: English adoption, popularization text, economic article, French press.

Pervukhina S.V. Psychological Approach in Hermeneutics as the Means of Understanding the Text.

In this article we have considered the formation of psychological hermeneutics, analyzed basic terms of this linguistic direction. These terms can be referred to the methodology of interpretation and comprehension of the text.

Keywords: psychological hermeneutics, comprehension, sense, reflection.

Poluikova S.Y. Persuasive Potential of Contemporary Educative Text.

This article is devoted to problems of persuasive communication, of analysis of communicative strategies in modern educative texts.

Keywords: persuasiveness, communicative strategies, educative text.

Potapova T.E. Explication of Prohibition as “Status” Speech Act.

The given article may be used in further pragmatic researches, in linguistic lecturing. The article reveals pragmatic aspect of prohibitions from the point of view of “status” difference of communicants.

Keywords: illocution, direct speech act, addressee, prohibition.

Sidorov A.A. Factors of Formation of Regional Languages in France.

The problem of forming of French regional languages' factors is represented. These factors are considered. The opposition «dialect – regional language» and perspectives of regional languages in France are analyzed.

Keywords: dialect, regional language, regional language forming factor, language state, condition.

Takhtarova S.S. Mitigative Tactics in Political Discourse.

The article is devoted to the linguistic description of specifics of political communication, expressed in various strategies and tactics, being in the state of permanently changing interaction of language and politics.

Keywords: mitigative tactics, political discourse, political communication.

Shapovalov M.O. Realization and Ethnic Cultural Peculiarities of Stereotypes in Texts of French “Everyday Life“ Anecdotes.

In this article we speak about realization and features of ethnic cultural stereotypes which we can meet in anecdotes of “everyday life”. Also we consider their percentage parity.

Keywords: anecdote, joke, stereotype, gender, linguistic cultural environment, background knowledge.

Yakovlev A.A. To the Question of Erratology in Translation.

In his works A. Shevnin states the necessity to develop a certain theory of errors – erratology. It appears to him that the analysis of discrepancy at the input and output may provide some positive information on the nature and methods of functioning of deviations (errors). The author applies his method not only to linguodidactics but also to translation theory. This paper studies the validity of such approach.

Keywords: translation, erratology, equivalence, transformations.

Zangirova Y.R. Comic in Speech of Characters by N.V.Gogol’s and F.M.Dostoevsky’s.

In the given article receptions of creation of comic in speech of characters N.V.Gogol’s and F.M.Dostoevsky’s (similarities and distinctions with both writers) are revealed. It is presented in speech and portrait characteristics of characters. The question on an author’s position is considered. B.O.Korman’s M.M.Bakhtin’s theories are revealed.

Keywords: the subject of speech, object of speech, the author, the story-teller, speech of characters.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Акимова Инга Игоревна – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой международных отношений и связей с общественностью Дальневосточного института международных отношений.

Владивосток, ул. Суханова, 8.
kazyulkinamama@mail.ru

Андреева Галина Вадимовна – кандидат филологических наук, доцент Шадринского государственного института.

641800, Шадринск, ул. К. Либкнехта, 3.
tatyanaam@shadrinsk.net;

Бечина Инна Владимировна – преподаватель Поморского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Северодвинский филиал).

163002, Архангельск, пр. Ломоносова, 4.
innoki@yandex.ru

Данюшина Юлия Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка №1 Института иностранных языков Государственного университета управления.

juliadaniushina@mail.ru

Досимова Марта Саиновна – кандидат филологических наук, старший преподаватель Астраханского государственного университета.

414056, Астрахань, ул. Татищева, 20-а.
little-marta@mail.ru

Зангирова Юлия Римовна – аспирант кафедры литературы филологического факультета Челябинского государственного университета.

454000, ул. Бр. Кашириных, 129.
Zangirova86@mail.ru

Идрисова Максалина Магомедовна – кандидат филологических наук, преподаватель Дагестанского государственного университета.

Sirin123@mail.ru

Коковина Ксения Александровна – соискатель кафедры германской филологии Поморского гос.ун-та им. М.В. Ломоносова.

163002, Архангельск, пр. Ломоносова, 4.
taniafed@atnet.ru

Кучиева Юлия Таймуразовна – аспирантка кафедры теории и методики обучения межкультурной коммуникации Пятигорского государственного лингвистического университета.

369015, г. Черкесск, ул. Космонавтов 37/52.
ukouchieva@mail.ru

Лаврова Наталия Александровна – старший преподаватель кафедры лексики английского языка, кандидат филологических наук Московского педагогического государственного университета.

357532, Пятигорск, пр. Калинина, 9.
lavruscha@gmail.com

Малетина Оксана Андреевна – кандидат филологических наук, доцент, зам. зав. кафедрой профессиональной иноязычной коммуникации Волгоградского государственного университета.

400062, Волгоград, пр. Университетский, 100.
okmaletina@yandex.ru

Михайлова Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры языков Белорусской государственной академии музыки.

220030, Респ. Беларусь, Минск, ул. Интернациональная, 30.
ev2mikhailova@mail.ru

Мубориева Альбина Рафиковна – кандидат филологических наук, старший преподаватель Астраханского государственного университета.

414056, Астрахань, ул. Татищева, 20-а.
albinamuborieva@mail.ru

Первухина Светлана Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Ростовского государственного университета путей сообщения.

344038, г. Ростов-на-Дону, пл. Народного Ополчения , 2.
s_pervuhina@mail.ru

Полуйкова Светлана Юрьевна – кандидат педагогических наук, доцент, зав. кафедрой немецкого языка и межкультурной коммуникации Омского государственного педагогического университета.
644000, г. Омск, наб. им. Тухачевского, 14.

Потапова Татьяна Евгеньевна – магистрант Тихоокеанского государственного университета г. Хабаровска.
680035, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136.
moipola@mail.ru

Попова Анастасия Сергеевна – соискатель кафедры германской филологии Поморского государственного университета имени М. В. Ломоносова.
163002, Архангельск, пр. Ломоносова, 4.
taniafed@atnet.ru

Сидоров Антон Андреевич – кандидат филологических наук, ст. преподаватель кафедры романской филологии ВолГУ.
400062, Волгоград, пр. Университетский, 100.
couteaul@yandex.ru

Тахтарова Светлана Салаватовна – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой филологии Волжского гуманитарного института (филиала) Волгоградского государственного университета.
400062, Волгоград, пр. Университетский, 100.
alfia@mail.ru

Федуленкова Татьяна Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры германской филологии Поморского государственного университета имени М. В. Ломоносова.
163002, Архангельск, пр. Ломоносова, 4.
taniafed@atnet.ru

Шаповалов Максим Олегович - аспирант Челябинского государственного университета.

454000, ул. Бр. Кашириных, 129.
maxxhu@mail.ru

Яковлев Андрей Александрович – аспирант Челябинского государственного университета.
454000, ул. Бр. Кашириных, 129.
mr.koloboque@rambler.ru